

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	КУЧКО Е. Е. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: avesol@yandex.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Абдина А. К.	ИТ-университет в Астане, Астана, Казахстан.
Алимбекова Г. Т.	Центр изучения общественного мнения, Алма-Ата, Казахстан.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гигин В. Ф.	Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Горшков М. К.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Мысливец Н. Л.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Оюунханд Ш.	Монгольский государственный университет, Улан-Батор, Монголия.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Скворцов Н. Г.	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Хуэйжун Ч.	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	KUCHKO E. E. , doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: avesol@yandex.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Abdina A. K.</i>	Astana IT-University, Astana, Kazakhstan.
<i>Alimbekova G. T.</i>	Center for Study of Public Opinion, Almaty, Kazakhstan.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Gorshkov M. K.</i>	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Hihin V. F.</i>	National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Huizhong Z.</i>	Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Myslivets N. L.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Oyunhand Sh.</i>	National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Skvortsov N. G.</i>	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

УДК 371:130.2

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются потенциал и высокая общественная миссия образования в формировании мировоззрения молодого поколения. Отмечается, что сегодня поиск новых перспективных путей совершенствования образовательной системы выступает фактором сохранения и развития человечества в условиях растущей угрозы разрушения фундаментальных основ цивилизационной жизни и даже самоуничтожения человечества. Кардинальные социальные перемены неизбежно приведут к обострению проблемы сохранения фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров функционирования общества. Данная проблема является предметом социально-философского анализа, который направлен в том числе на совершенствование системы образования. Подчеркивается, что новые вызовы, с которыми столкнулся мир, обуславливают необходимость существенного обновления теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. Важную роль обретают исследования в рамках социологии – науки о жизнеспособности социума как устойчивой и самовоспроизводящейся формы социальности. Обозначаются точки роста новой системы образования. Именно от нее во многом зависит будущее цивилизации. Процесс обучения и воспитания молодого поколения является базовым механизмом формирования у него индивидуального сознания, влияющего на общее умонастроение социума. Приводятся идеи о создании системы междисциплинарного преподавания интегрального курса по социогуманитарной проблематике.

Ключевые слова: потенциал образования; социология; ошибки реформирования системы образования; точки роста новой образовательной системы; междисциплинарное преподавание интегрального курса по социогуманитарной проблематике.

Образец цитирования:

Данилов АН. Система образования: потенциал и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:4–8.
EDN: NWLZIR

For citation:

Danilov AN. The education system: potential and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:4–8. Russian.
EDN: NWLZIR

Автор:

Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

THE EDUCATION SYSTEM: POTENTIAL AND PROSPECTS

A. N. DANILOV^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Abstract. The potential and high social mission of education in shaping the worldview of the younger generation are considered. It is noted that today the search for new promising ways to improve the educational system is a factor in the preservation and development of mankind in the face of the growing threat of destruction of the fundamental foundations of civilisational life and even the self-destruction of mankind. Cardinal social changes will inevitably lead to an aggravation of the problem of preserving the fundamental meanings and values of the functioning of society. This problem is the subject of a socio-philosophical analysis, which is aimed, among other things, at improving the education system. It is emphasised that the new challenges faced by the world necessitate a significant update of the theoretical and methodological base of social sciences and humanities. Research within the framework of sociology, the science of the viability of society as a stable and self-reproducing form of sociality, is gaining an important role. The points of growth of the new education system are indicated. The future of civilisation largely depends on it. The process of education and upbringing of the younger generation is the basic mechanism for the formation of their individual consciousness, which affects the general mindset of society. The ideas of creating a system of interdisciplinary teaching of an integrated course on socio-humanitarian issues are presented.

Keywords: the potential of education; sociology; mistakes in reforming the education system; points of growth of the new educational system; interdisciplinary teaching of an integrated course on socio-humanitarian issues.

Каждое поколение сталкивается с необходимостью решения новых проблем. Научно-технический прогресс существенно влияет на трансформацию взглядов на общественное развитие. В данном вопросе особенно велика роль университетского образования, во многом благодаря которому у молодого поколения формируются мировоззрение и ответственное отношение к жизни в социуме. Понятийное мышление не способно возникнуть само по себе. Оно развивается в процессе обучения, причем обучения, организованного особым образом и основанного на фундаментальных знаниях. Сегодня поиск новых путей образования становится фактором сохранения и развития цивилизации в условиях растущей угрозы разрушения фундаментальных основ существования человечества и даже его самоуничтожения.

Молодым людям, поступающим сегодня в университет, предстоит жить и работать в середине XXI в. Учитывая скорость современных социальных перемен, трудно предвидеть проблемы, которые придется решать нынешней молодежи в будущем. Но можно с уверенностью сказать, что кардинальные социальные перемены неизбежно приведут к обострению проблемы сохранения фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров функционирования общества. Данная проблема является предметом социально-философского анализа, который направлен в том числе на совершенствование системы образования.

Поиск себя предполагает наличие устойчивого фундамента для самореализации. Достижения техногенной цивилизации во всех сферах жизни человека породили глобальный экологический и антропологический кризис, множество других проблем, природа которых до сих пор остается не выясненной. Неустойчивость мировой экономической систе-

мы, непрекращающиеся политические конфликты, военные столкновения, борьба за ресурсы, духовное оскудение общества выступают индикаторами неизбежных глобальных перемен. Ускорение научно-технического прогресса имеет как преимущества, так и очевидные недостатки.

Новые вызовы, с которыми столкнулся мир, обуславливают необходимость существенного обновления теоретико-методологической базы социальных и гуманитарных наук. В полной мере это касается и социологии. В данном контексте уместно привести мнение академика М. К. Горшкова: «Практика трех десятилетий еще раз убедительно доказала: социология – одна из тех наук, без которых современное сложное и динамичное общество не может развиваться успешно» [1, с. 8]. Именно сейчас, на переломе эпох, в условиях формирования нового миропорядка, чрезвычайно важно выстроить новую систему социально-гуманитарного образования. Особое значение приобретает социологическая наука, которая занимается изучением общества – устойчивой и самовоспроизводящейся формы социальной, человеческого общения (как в рамках семьи, так и в обществе в целом). Сегодня социологической науке принадлежит особая роль в изучении глобальных тенденций развития мира. Выводы и обобщения социологов опираются на обширную эмпирическую базу, что делает их доказательным и эффективным инструментом управленческой деятельности. Девиз данной науки был сформулирован еще О. Контом: «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы регулировать». Трудно представить более важную жизненную потребность для любого общества, заботящегося о своем будущем.

Процесс институционализации отечественного социологического образования прошел сложный

и неоправданно долгий путь. Только в конце 1980-х гг. власти решились на открытие в ведущих университетах страны факультетов, отделений и кафедр социологического профиля и на подготовку профессиональных социологов. И сегодня после трех десятилетий бесконечного совершенствования системы образования социология вновь вытеснена из главного модуля, ее преподавание ведется только по выбору. Получается, что дисциплина опять теряет время для развития. К сожалению, в современных университетах действуют предельно общие требования к профессиональной подготовке студентов, по-прежнему много формализма и еще больше бюрократизма. Нередко учебный процесс оторван от проблематики национальной экономики и культуры.

Выступая на Международной научно-практической конференции «Общественные науки и развитие высшего образования», ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент РАН А. С. Запесоцкий сосредоточил внимание на болевых точках развития современной системы образования. Хотелось бы поддержать позицию ученого по поводу оценки высокой миссии культуры в реформировании образовательной системы. А. С. Запесоцкий утверждает, что «ошибки в управлении образованием нужно анализировать» [2, с. 5]. Следует добавить, что важно признавать и исправлять их. В своем выступлении ученый затронул тему перехода на систему «бакалавр – магистр», а также вопрос о Едином государственном экзамене. А. С. Запесоцкий убежден, что «...это крах фундаментального образования, конец лучшего, что было в образовательной системе советских времен. В отличие от советского времени, теперь появилось и, по сути, не скрывается толкование образования как бизнеса. <...> Что за новый идеал образования выдвинут нашей эпохой – квалифицированный потребитель? Вузы превращаются в плохие техникумы. <...> Следует отметить, что практически все реформы высшего образования в постсоветский период осуществлялись без сколь-нибудь серьезного научного обоснования» [2, с. 6–8].

Система советского образования в одночасье была признана отсталой и политически ангажированной. Заимствованные наспех западные образцы учебных программ не были адаптированы к постсоветской действительности. Передать знания молодым людям можно только при условии видения пути, по которому предстоит пройти, и умения выстроить этот путь в целостную картину мира, отвечающую сформировавшимся в обществе ценностным приоритетам.

Точки роста новой системы образования уже обозначаются. Пока этот процесс идет стихийно, ситуативно, но будущее уже вполне отчетливо рисует профиль новых вызовов и угроз, стоящих перед системой образования.

Выделим тенденции развития современного образования:

- глобализация не обеспечила равный доступ к образованию, но разрушила образцы и традиции универсального образовательного опыта и модели его внедрения в практики функционирования национальных школ;
- глобальная цифровизация, развитие социальных сетей и телекоммуникационных систем революционизировали систему обучения, в частности механизмы усвоения знаний и формирования навыков;
- появились новые формы образования, подразумевающие обучение в процессе реализации научных проектов (стартапов);
- ускорение динамики жизни ведет к постоянной смене технологий, повышению уровня экономической неопределенности, обновлению спроса на новые возможности специалистов и новые формы их подготовки;
- трансформация рынка труда требует от образовательной системы формирования нового типа личности, адекватной ценностям и предпочтениям в современном обществе.

Осознание указанных тенденций обуславливает необходимость совершенствования модели образования. Она должна максимально эффективно использовать современные технологические среды и платформы, соответствовать экономическому заказу, являть собой синтез традиций и новаций. Следует возратить университет в центр формирования ценностной матрицы будущего. Без должного историко-социального анализа действительности ускоренное цифровое обновление базовых ценностей будет формировать искаженную реальность и создавать иллюзию прогресса, направляя его по ложному пути. С учетом этих обстоятельств совершенствование системы образования является обоснованным, ведь именно благодаря ей у молодежи формируются фундаментальные жизненные смыслы и ценности.

К сожалению, недооценка стратегической значимости образования в процессе модернизации социальной и экономической сфер, пренебрежение имеющимся опытом не позволяют разработать эффективную стратегию развития современной образовательной системы. Очевидно, что в условиях отсутствия государственной идеологии именно система образования выступает центральным звеном утверждения новой общегражданской идентичности. Именно образование должно взять на себя функции гражданской консолидации общества, укрепления социальной и межнациональной солидарности, сохранения духовной общности и целостности социума, стать ценностной платформой для формирования образа будущего.

Система образования представляет собой ключевой элемент системы функционирования социума.

Она выполняет две общественные функции: во-первых, аккумулирует исторический опыт и духовные ценности народа, которые во многом влияют на будущее государства, а во-вторых, формирует личность, создает внутреннюю мотивацию его поступков и тем самым обеспечивает условия для гражданского согласия. Мировоззренческие установки отдельных общественных групп в совокупности определяют жизненные приоритеты всего населения. Когда социум вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность содержания и изменений. В процессе формирования точек роста новых ценностей и накопления социокультурного опыта роль системы образования чрезвычайно велика.

Сегодня очень важно направить усилия на исследование будущего, прогнозирование нового витка социальной эволюции. В этой ситуации образование, как часть культуры, выступает в качестве матрицы новой реальности, центра, наполняющего происходящие перемены ценностным содержанием. В значительной степени от эффективности образования зависит устойчивость развития цивилизации. Образование становится фундаментом для формирования нового общества. Сегодня в рамках системы образования создается новый глобальный образовательный рынок, который может достаточно быстро заменить собой традиционные образовательные системы и внедрить новые стандарты в сферу обучения. Неслучайно неудовлетворенность качеством государственного образования высказывают представители наукоемкого бизнеса в сфере высоких технологий. Многие компании ставят вопрос о создании собственных образовательных структур. Главным вызовом для системы образования, являющейся пространством воспроизводства и создания смыслов деятельности общества, выступает мотивирование молодых людей.

Важнейшим социальным институтом, оказывающим влияние на формирование мировоззренческих установок общества, является именно система образования, особенно ее социально-гуманитарный блок. Процесс обучения и воспитания является базовым механизмом развития индивидуального сознания, влияющего на общее умонастроение социума. Очевидно, что сегодня мы переживаем кризис кадрового воспроизводства. Статистические данные говорят о том, что, несмотря на принимаемые в последнее время меры, кризис образования усугубляется и негативным образом отражается на работе образовательных и научно-исследовательских учреждений. Решить кадровые вопросы в краткосрочной перспективе нельзя. Их решение нуждается в разработке долгосрочной государственной стратегии. Важно, «...чтобы те, кто работает в науке или образовании, защитив диссертацию, получали более высокий ста-

тус и существенную, чувствительную прибавку к зарплате. Этот принцип работал в советское время, он сработает и сейчас. Аналогичным образом должна работать и докторская степень: доктор наук должен иметь иной статус и более высокую оплату труда» [3, с. 25].

Хотелось бы привести пророческие слова В. В. Миронова: «Любое изменение, и тем более в условиях современной глобализации, не должно разрушать собственное культурное пространство, должно соответствовать ему. В противном случае, будучи внешним процессом, системой навязывания неких теоретических моделей, модернизация превратится лишь в имитацию процессов преобразования» [4, с. 399]. Пока еще во многих университетах царит «атмосфера неприятия менеджеров от науки: если декан или заведующий кафедрой не будет заниматься наукой и преподаванием, его никто не будет ставить всерьез» [4, с. 451]. Не следует превращать систему образования в экспериментальную площадку. У нас есть чем гордиться. Сегодня вопрос о совершенствовании образования сопряжен с перспективами общественного развития в целом. Формирование сознания личности – это «...кропотливый продолжительный труд, результаты которого обнаруживаются не сразу, но имеют долгосрочное действие. В результате даже спустя годы, в момент критических ситуаций, возникновения конфликтов и противоречий, обнажается сформированная мировоззренческая позиция. Она влияет на поведенческую активность личности» [5, с. 46].

Не стоит опять кардинально менять условия функционирования системы образования. Нужно провести их тщательный анализ и сделать вывод о том, чему учить и как учить молодежь, чтобы в будущем обеспечить человечеству достойную жизнь в условиях непрекращающейся турбулентности. Нужно работать каждодневно и много.

Сегодня остро ощущается потребность в создании системы междисциплинарного преподавания обязательного интегрального курса по социогуманитарной проблематике на всех специальностях, где в должном объеме найдут свое место философия, история, социология, политология, психология, экономика, культурология.

Пожалуй, главная проблема современного образования – это отсутствие мотивации. Данная проблема актуальна как для студентов, так и для преподавателей. Увлечь студента, влюбить его в свою профессию, научить быть счастливым – великая задача учителя. Замотивированный студент получает знания не ради диплома. Именно такие студенты способны стать создателями научного и технологического будущего страны. Неудовлетворенность процессом обучения тормозит духовное развитие человека, порождает комплексы, углубляет неуверенность в выборе жизненного пути.

Построение новой модели образования подразумевает не отказ от имеющихся практик обучения, а их трансформацию. Прорыв к новому должен быть сопряжен с обновлением ценностных оснований цивилизационного развития человечества. Ключевое звено глобальной дорожной карты будущего образования точно определил П. А. Водопьянов, отметив, что «созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления» [6, с. 469].

В заключение следует отметить, что предстоит большая работа по изменению миссии образования. В центр гуманитарного дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с прогно-

зированием возможных сценариев развития современной цивилизации. В связи с этим большое влияние уделяется последствиям очередного поворота в системе образования. В университетах получает развитие и национальная культура. Именно в недрах культуры и образования формируются жизненные смыслы и ценности, позволяющие человеку адаптироваться к новым вызовам времени и идентифицировать свою принадлежность к семье, роду, Отечеству. Выдающийся академик В. С. Стёпин мудро сказал: «Я считаю, что настал наш звездный час. Мы должны выработать эти самые новые смыслы для общества и предложить их, а там уже жизнь что-то выберет, а что-то отбросит» [7, с. 4]. Главное, не терять время и найти себя в этот звездный для гуманитариев час.

Библиографические ссылки

1. Горшков МК. Вступительное слово на заседании научно-отраслевой секции «Социологические науки» в рамках Шестого профессорского форума «Наука и образование как основа развития России. Кадры для инновационной экономики». *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;24(1):7–12. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-7-12.
2. Запесоцкий АС. Два доклада на академических научных конференциях по проблемам образования. 2023 год. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2024. 24 с.
3. Черныш МФ. О проблеме воспроизводства кадров в российской науке и вузах (введение в дискуссию). *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2024;2(1):19–27. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27.
4. Миронов ВВ. *Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью*. Москва: РГ-Пресс; 2020. 488 с.
5. Кирвель ЧС, Семерник СЗ. Новая система социогуманитарного образования как ответ на вызовы современности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2022;3:42–48. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-42-48.
6. Водопьянов ПА. *На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего*. Минск: Беларуская навука; 2023. 469 с.
7. Данилов АН, Лазаревич АА, Кузнецова ЛФ, составители. *Эпоха академика В. С. Стёпина*. Минск: Беларуская навука; 2024. 591 с.

References

1. Gorshkov MK. Opening speech at the meeting of the scientific-sectoral section «Sociological sciences» of the 6th Professorial forum «Science and education as the basis for the development of Russia. Personnel for an innovative economy». *RUDN Journal of Sociology*. 2024;24(1):7–12. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-7-12.
2. Zapesotskii AS. *Dva doklada na akademicheskikh nauchnykh konferentsiyakh po problemam obrazovaniya. 2023 god* [Two reports at academic scientific conferences on the problems of education (2023)]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2024. 24 p. Russian.
3. Chernysh MF. On the problem of personnel reproduction in Russian science and universities (introduction to the discussion). *RUDN Journal of Sociology*. 2024;2(1):19–27. Russian. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-1-19-27.
4. Mironov VV. *Metafizika ne umiraet: izbrannye stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Metaphysics never dies: selected articles, speeches and interviews]. Moscow: RG-press; 2020. 488 p. Russian.
5. Kirvel ChS, Semernik SZ. A new system of socio-humanitarian education as a response to the challenges of modernity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022;3:42–48. Russian. DOI: 10.33581/2521-6821-2022-3-42-48.
6. Vodopianov PA. *Na perelome ehpokh: vybor strategii sozidaniya budushchego* [At the turn of the epoch: choosing a strategy for creating the future]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2023. 469 p. Russian.
7. Danilov AN, Lazarevich AA, Kuznetsova LF, compilers. *Epokha akademika V. S. Stepina* [The epoch of academician]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2024. 591 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 23.07.2024.
Received by editorial board 23.07.2024.

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ARTICLES AND REPORTS

УДК 316.334

БЮРОКРАТИЗМ И ДЕБЮРОКРАТИЗАЦИЯ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проводится научный анализ бюрократизма и дебюрократизации. В контексте исследовательской традиции М. Вебера бюрократия рассматривается как рациональный механизм решения управленческих задач. Выделяется негативное (патологическое) проявление данного механизма – бюрократизм. Раскрывается сущность дебюрократизации как процесса преодоления бюрократизма. Показываются общесистемные и управленческо-технологические действия в рамках дебюрократизации. Отмечается, что общесистемные действия предполагают усиление парламентаризма, развитие контрольных полномочий законодательной власти и общественности, реализацию принципа субсидиарности, развитие практики совместного управления и государственно-частного партнерства, перманентную оптимизацию структуры и численности управленческого персонала. Управленческо-технологические действия подразумевают совершенствование методов управления, оптимизацию форм взаимодействия власти и граждан, а также повышение правовой культуры населения.

Ключевые слова: власть; управление; бюрократия; бюрократизм; дебюрократизация; правовая культура.

BUREAUCRACY AND DEBUREAUCRATISATION

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. A scientific analysis of bureaucracy and debureaucratization is carried out. In the context of M. Weber's research tradition, bureaucracy is considered as a rational mechanism for solving managerial tasks. There is a negative (pathological) manifestation of this mechanism – bureaucracy. The essence of debureaucratization as a process of overcoming bureaucracy

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Бюрократизм и дебюрократизация. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;3:9–14.
EDN: OFMYWP

For citation:

Rubanau AV. Bureaucracy and debureaucratization. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;3:9–14. Russian.
EDN: OFMYWP

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

is revealed. System-wide and managerial-technological actions within the framework of debureaucratisation are shown. It is noted that system-wide actions involve strengthening parliamentarism, developing the control powers of the legislature and the public, implementing the principle of subsidiarity, developing the practice of joint management and public-private partnership, and permanently optimising the structure and number of management personnel. Managerial and technological actions imply the improvement of management methods, the optimisation of forms of interaction between government and citizens, as well as the improvement of the legal culture of the population.

Keywords: power; management; bureaucracy; bureaucratism; debureaucratisation; legal culture.

Современному обществу характерна бюрократическая система управления. Ее оценки носят как позитивный, так и негативный характер. С позитивной точки зрения бюрократия – это наиболее эффективный способ управленческой деятельности. С негативной точки зрения ей свойственны патологические проявления, которые принято называть бюрократизмом.

По мнению М. Вебера, бюрократия – это наиболее рациональный механизм реализации властных полномочий и решения управленческих задач. Рациональная основа бюрократического управления заключается в том, что оно «означает господство через знание» [1, с. 263]. М. Вебер пишет, что бюрократический стиль управления благодаря таким качествам, как «точность, стабильность, строгая дисциплина, надежность и предсказуемость как для господина, так и для всех, кого он касается, возможность как интенсификации, так и расширения поля его действий, а также универсальная применимость для решения любых задач и неисчерпаемые возможности чисто технического совершенствования... представляет собой, как показывает опыт, самую рациональную форму реализации господства» [1, с. 261].

В процессе дальнейшего осмысления бюрократии как социального явления учеными были выделены и ее негативные (патологические) черты, совокупность которых принято называть бюрократизмом. Они имеют две тенденции проявления. Во-первых, форма (правила или процедуры) в процессе управления начинает доминировать над целью и содержанием деятельности. В связи с этим уместно привести мнение М. Крозье о безличности бюрократической модели, которая стремится к полной ликвидации инициативы рядовых работников. Однако при этом роль руководителя сводится к формальному контролю за исполнением правил, из-за чего утрачивается реальная власть над подчиненными, которые, в свою очередь, лишаются возможности влиять на руководство [2].

Во-вторых, основным направлением деятельности бюрократических структур могут становиться их собственное сохранение и укрепление. Выделяют непреднамеренный и осознанный бюрократизм. Непреднамеренный бюрократизм формируется помимо воли конкретного должностного лица, он обусловлен особенностями самой бюрократической системы управления. Будучи частью такой системы, индивид не может рационально реализовывать свои властные

функции, даже если является высококвалифицированным специалистом и искренне желает эффективно выполнять свою работу.

Осознанный бюрократизм обусловлен стремлением должностного лица сделать карьеру. Такое стремление, во-первых, ведет к сознательному преувеличению значения неукоснительного следования инструкциям и указаниям свыше, во-вторых, подчиняет действия индивида требованиям корпоративного интереса. В обоих случаях дело и (или) клиент терпят ущерб. В качестве тактических действий могут выступать многократное изменение инструкций, неоднозначность толкования вновь вводимых документов и процедур, умышленное утаивание сведений, отказ от контроля над собой и т. д.

Патология бюрократии особенно наглядно проявляется в перманентном росте численного состава должностных лиц и увеличении объемов бумаготворчества. Согласно закону Паркинсона любая административная структура, численность штата которой составляет 1 тыс. служащих, может быть самодостаточной и работать главным образом на обеспечение собственного существования и развития. В начале прошлого века С. Паркинсон отмечал: «Если говорить о самом приросте штатов: исследования наши показали, что в среднем прирост этот равен 5,75 % в год» [3, с. 16].

О двойственном характере бюрократии писал Р. Мертон. Он подчеркивал, что, с одной стороны, главное достоинство бюрократии состоит «...в ее технической эффективности, она вознаграждается за точное, быстрое и квалифицированное управление, последовательность и ответственность, а также оптимальный ответ на поступивший сигнал. Именно бюрократическая структура обращается к полной ликвидации личных взаимоотношений и нерациональных соображений (враждебности, страха, аффективных осложнений и т. д.)» [4, с. 325]. С другой стороны, «общество в целом явно подчеркивает несовершенство бюрократии, о чем говорит тот факт, что “мерзкий гибрид”, “бюрократ” стал эпитетом, бранным словом» [4, с. 326]. Дисфункции бюрократии, по мнению Р. Мертона, связаны с тем, что «строгое соблюдение правил, первоначально задуманное как средство, превращается в самоцель, происходит хорошо известный процесс *замены цели*» [4, с. 328].

На двойственном характере бюрократии акцентировали внимание и другие известные исследователи. Отмечая позитивные проявления данного

феномена, ученые стремились минимизировать негативное влияние бюрократических патологий.

Так, из различения понятий «бюрократия» и «бюрократизм» исходил А. Гоулднер. Он считал, что бюрократия – это эффективный организационно-управленческий институт. Бюрократизм же является патологией практики управления. Данная патология порождает бюрократический саботаж, т. е. действия должностного лица, препятствующие нормальному функционированию организации и направленные на сохранение собственного привилегированного места в социальной системе. А. Гоулднер выделял два типа бюрократии: авторитарную (репрессивно-централизованную) и представительную (экспертную). Авторитарная бюрократия основана на слепом выполнении установленных правил, введении негативных санкций и строгом иерархическом подчинении им, когда повиновение превращается в самоцель, а власть узаконивается самим фактом пребывания индивида в должности. Представительная бюрократия опирается на знания и умения и предполагает убежденность в обоснованности требований и целесообразности их выполнения. В данном случае должностное лицо характеризуется профессионализмом, ответственностью перед делом, а не перед вышестоящими уровнями иерархии, стремлением к корпоративному сотрудничеству. Общество эволюционирует от авторитарной бюрократии к представительной. Последняя порождена технической рациональностью, носителями которой являются технократы [5].

Подход Э. Тоффлера к оценке бюрократии отличается двойственным характером. Определенный оптимизм социолога связан с тем, что общество, по его мнению, находится на пути от бюрократии к адхократии (от лат. *ad hoc* ‘специальный’ и греч. *kratos* ‘власть’). Адхократия появилась в последней трети XX в. и стала порождением широкого распространения проектного (оперативного) менеджмента. Примером адхократии могут выступать временные межпрофессиональные группы, создаваемые для решения конкретных проблем. Их деятельность особенно типична для современной науки. В итоге, по мнению Э. Тоффлера, в организационной структуре общества и человеческих отношениях происходит настоящая революция. Адхократия характеризуется отсутствием строгого разделения труда, минимальной формализацией деятельности, гибкостью и адаптивностью по отношению к изменяющейся ситуации. Все большее число людей понимают, что за принятие решений необходимо брать ответственность на себя. Именно так социолог описывает картину «грядущей адхократии – исключительно подвижной, обогащенной информацией динамической организации будущего, представленной временными рабочими ячейками и исключительно мобильными индивидами» [6, с. 166].

В современном обществе использование позитивных возможностей бюрократии с одновременным

преодолением ее патологических проявлений предполагает взаимосвязанные общесистемные и управленческо-технологические действия. Общесистемные действия касаются властных полномочий и социального статуса бюрократии. Управленческо-технологические действия направлены на оптимизацию стиля работы должностного аппарата. Реализации указанных мер способствует повышение образовательного уровня населения, а также формирование и численный рост среднего класса, который отличается более высоким уровнем компетентности, социальной ответственности и активности.

При общесистемных действиях целесообразно исходить из того, что бюрократия сосредоточена в основном в органах исполнительной власти, имеющих более стабильный состав, чем переизбираемые структуры законодательной и представительной власти. Поэтому для процесса дебюрократизации большое значение имеют такие меры, как укрепление парламентаризма, развитие контрольных полномочий законодательной власти, а также усиление контроля общественности над деятельностью управленческого аппарата.

Кроме того, необходимо обеспечить стабильность законодательства и согласованность правовых норм, разработать четкие регламенты управленческой деятельности, особенно те, которые регулируют взаимодействие гражданина и чиновника. Важно ограничить ведомственное нормотворчество (вплоть до введения правовой ответственности), позволяющее бюрократическому аппарату разрабатывать инструкции, в которых он трактует законодательные акты в своих интересах.

Большую роль в процессе дебюрократизации играет деэтактизация (разгосударствление), т. е. передача части функций централизованной государственной власти органам местного самоуправления и институтам гражданского общества. Передачу определенных властных полномочий на низовые уровни управления целесообразно подкрепить разного рода ресурсами, в том числе финансовыми. Низовым структурам необходимо предоставить право самостоятельно распоряжаться данными ресурсами при полной ответственности за результаты их использования.

Необходимо обеспечить последовательную реализацию принципа субсидиарности, или достаточного уровня управления, согласно которому никакая государственная структура не вправе принимать решения в обход органа власти, к непосредственной компетенции которого они относятся (как и отменять решения, которые приняты этим органом власти в соответствии с законодательством). Данный принцип означает, что органы власти более высокого уровня берут на себя решение только тех задач, которые не могут быть реализованы на более низком уровне управления.

Требуется развития практика совместного управления, когда органы государственной власти, местное

самоуправление и заинтересованные группы ответственности решают возникающие проблемы коллективно. Практика совместного управления имеет ряд преимуществ: возможность более разностороннего анализа проблем и уточнения путей их решения, выявление и мобилизация местного ресурсного (прежде всего человеческого) потенциала, ускорение процесса принятия решений, организация действенного контроля снизу за ходом реализации решений, принятых сверху, объективная оценка достигнутых результатов.

Важным условием дебюрократического процесса является развитие частно-государственного партнерства, в том числе в форме заключения контрактов на оказание общественных услуг, например, в сфере коммунального хозяйства или социального обеспечения инвалидов и пожилых людей. Такой подход позволяет снизить уровень прямого вмешательства государственного аппарата в управление экономикой и распоряжение коммунальной собственностью. В противном случае открываются широкие возможности для создания коррупционных схем, включая так называемые откаты и т. д.

Существенную роль в дебюрократизации играет повсеместный переход от авторитарных методов управления, подразумевающих преимущественно негативные санкции и тотальные формы контроля, к новому менеджменту, в основе которого лежит ставка на мотивацию творческой активности сотрудников (гибкий график, удаленные формы работы и т. д.) и который предполагает оценку конечных результатов деятельности. При этом важно обеспечить перманентное приведение структуры и численности аппарата управления в соответствие с характером и объемом стоящих перед ним задач.

В повседневном управлении бюрократизм, вызывая широкое социальное недовольство, чаще всего имеет следующие формы: некомпетентность, уход от решения проблем, затягивание дела из-за мелочных формальностей, бумаготворчество, формализм, высокомерие и безответственность чиновников, коррупция.

Подобные проявления бюрократизма обусловлены рядом причин: недостаточной компетентностью чиновников, низкой культурой должностных лиц, ведущих прием граждан, обезличенностью многих работников среднего и низкого звена, отсутствием должной ответственности чиновников за их действия или бездействие, недостаточной осведомленностью населения в области своих прав и механизма обжалования действий должностных лиц и др. Процесс дебюрократизации должен включать, во-первых, совершенствование технологий управленческой деятельности, во-вторых, оптимизацию форм взаимодействия органов власти и граждан, в-третьих, повышение правовой культуры служащих и населения.

Совершенствование технологий управленческой практики предполагает следующие действия:

- оценку деятельности предприятий, организаций и отдельных должностных лиц по итоговым результатам, а не по текущим, второстепенным и часто формальным показателям;
 - преодоление неконтролируемого роста объемов документооборота, особенно планирующих и отчетных материалов;
 - четкое определение служебных функций, компетенций, обязанностей и соразмерной с ними ответственности управленческих структур и отдельных должностных лиц, исключение дублирования их действий и обезличенности ответственности;
 - сокращение времени прохождения заданий от заказчика и (или) руководителя к непосредственному исполнителю (устранение излишних промежуточных звеньев);
 - упрощение процедуры согласования решений (исключение из числа согласующих второстепенных участников, а также снижение числа запрашиваемых в таких случаях материалов);
 - сокращение количества и продолжительности совещаний, особенно с обязательным привлечением первых должностных лиц;
 - запрет государственным органам на истребование от лиц, которые обратились за осуществлением административных процедур, документов и сведений, не предусмотренных законодательством об этих процедурах;
 - организацию работы государственных учреждений, особенно касающейся их взаимодействия с гражданами, на основе электронного документооборота (заказ документов и запись на прием через интернет, предоставление сведений об их прохождении и степени готовности, получение результатов в виде электронного документа и др.);
 - полный отказ от одновременного истребования электронных и бумажных форм предоставления отчетных и других материалов.
- Оптимизация взаимодействия органов власти и населения и установление устойчивой двусторонней обратной связи между ними подразумевают ряд мер:
- проведение широких консультаций с гражданами на стадии подготовки решений, затрагивающих интересы населения;
 - введение обязательного публичного обоснования принимаемых решений и рассмотрения альтернативных вариантов действия;
 - общественное обсуждение наиболее значимых проектов решений (в том числе на интернет-сайтах государственных органов власти);
 - обеспечение свободного доступа к нормативным документам и управленческим решениям, которые должно быть оперативно размещены на сайтах органов власти, а также заказ копий этих документов через интернет;

- установление правовой ответственности за отказ от предоставления запрашиваемой информации, ее ложное или искаженное содержание;

- прямые контакты представителей органов власти с населением (личный прием, выезды на места, телефонные линии, встречи по месту жительства и т. д.);

- проведение пресс-конференций по актуальным для населения вопросам, в том числе с привлечением депутатов разного уровня власти, представителей средств массовой информации и общественности;

- оперативное предоставление сведений об административных процедурах, режиме работы органов власти, времени приема граждан через интернет и другие средства массовой информации;

- организация приема граждан в удобное для них время, внедрение системы электронного управления очередью;

- введение рейтинговой оценки эффективности деятельности организаций, оказывающих услуги, и качества осуществления административных процедур путем офлайн- и онлайн-опросов граждан, использование полученных результатов при оценке работы организаций и ротации руководящих кадров.

Повышение правовой культуры управленческого аппарата включает ряд мер:

- создание общедоступной государственной системы информации, где систематизированы эталонные правовые документы;

- распространение актуальной правовой информации посредством мессенджеров и социальных сетей;

- подбор персонального состава кадров, ведущих прием граждан, с учетом уровня их образования и морально-психологических качеств, организация соответствующих образовательных курсов для этой категории служащих;

- избавление от обезличенности, которая снижает персональную ответственность лиц, занимающихся приемом граждан (ношение бейдж с указанием персональных данных ответственного лица, обязательное представление работников, отвечающих на телефонные звонки, и т. д.);

- осуществление регулярного контроля, направленного на упреждение случаев формализма, предвзятого и бестактного поведения, грубости и неуважения к людям, привлечение виновных к ответственности при подтверждении такого рода фактов, внеочередная переаттестация на соответствие занимаемой

должности (вплоть до освобождения от нее) при повторении подобных инцидентов;

- следование норме, в соответствии с которой в случае нечеткости предписаний правового акта решения принимаются исходя из интересов граждан;

- реализация права каждого гражданина на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти или должностных лиц;

- принятие закона об этике государственного служащего и кодекса его служебного поведения, основанного на ответственности, подотчетности, открытости и честности;

- информирование граждан об их правах, порядке обжалования действий или бездействия властных структур и отдельных должностных лиц;

- оснащение государственных органов системами аудио- и видеозаписи для контроля корректности приема граждан.

Таким образом, бюрократия, по мнению М. Вебера, ее первого исследователя, представляет собой наиболее рациональный механизм решения управленческих задач. В процессе дальнейшего осмысления бюрократии как социального явления ученые начали выделять и ее негативные (патологические) черты, совокупность которых принято называть бюрократизмом. Наряду с признанием позитивного эффекта бюрократической деятельности ее патологические проявления были выделены в классических работах С. Паркинсона, Р. Мертона, А. Гулднера, А. Тоффлера, М. Крозье и др.

В современных условиях ряд общесистемных и управленческо-технологических действий направлены на максимальное использование позитивного эффекта от бюрократической деятельности и преодоление ее патологических проявлений, т. е. дебюрократизацию. Общесистемные действия подразумевают в первую очередь укрепление парламентаризма, развитие контрольных полномочий законодательной власти и структур гражданского общества, деэнтатизацию управления и реализацию принципа субсидиарности, развитие практики совместного управления и частногосударственного партнерства, перманентную оптимизацию структуры и численности аппарата управления в соответствии с характером выполняемых им функций. Управленческо-технологические действия включают совершенствование методов управления, оптимизацию взаимодействия органов власти и граждан, а также повышение правовой культуры служащих и населения.

Библиографические ссылки

1. Вебер М. *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Том 1, Социология*. Ионин ЛГ, переводчик. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 447 с.
2. Crozier M. *Le phénomène bureaucratique: essai sur les tendances bureaucratiques des systèmes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le système social et culturel*. Paris: Editions du Seuil; 1963. 382 p.
3. Паркинсон СН. *Законы Паркинсона*. Москва: Эксмо; 2007. 464 с.

4. Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. Егорова ЕН, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 873 с.
5. Gouldner AW. *Patterns of industrial bureaucracy*. New York: Free Press; 1954. 282 p.
6. Тоффлер Э. *Шок будущего*. Москва: АСТ; 2002. 557 с.

References

1. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: JCB Mohr; 1972. 944 S.
Russian edition: Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Tom 1, Sotsiologiya*. Ionin LG, translator. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2016. 447 p.
2. Crozier M. *Le phénomène bureaucratique: essai sur les tendances bureaucratiques des systèmes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le système social et culturel*. Paris: Editions du Seuil; 1963. 382 p.
3. Parkinson SN. *Zakony Parkinsona* [Parkinson's laws]. Moscow: Eksmo; 2007. 464 p. Russian.
4. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Egorova EN, translator. Moscow: AST; 2006. 873 p. Russian.
5. Gouldner AW. *Patterns of industrial bureaucracy*. New York: Free Press; 1954. 282 p.
6. Toffler A. *Shok budushchego* [Shock of the future]. Moscow: AST; 2002. 557 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.06.2024.
Received by editorial board 03.06.2024.

УДК 316(075.8), 316.334.2

О СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ ТРУДА И ЛОВУШКАХ ЦИФРОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается развитие социологии труда на примере работ белорусских и российских авторов. Изучаются причины снижения социальной ценности труда в постсоветском обществе, нашедшего отражение в смещении акцентов исследований с темы труда на тему досуга и исчезновении социологии труда из программ университетов. Раскрывается двойственный эффект цифровой трансформации общества. С одной стороны, она создала возможности для облегчения труда и роста его производительности, а с другой – обусловила риски живого труда (технологическая безработица, стрессы, фрустрация, прекаризация). Отмечается, что непредвиденными следствиями цифровой трансформации в условиях перехода к рыночному обществу стали падение социальной ценности труда и возникновение феномена бессмысленной работы. Данные обстоятельства привели к появлению парадоксов и ловушек цифровой повседневности – ситуациям, в которых действия, направленные на позитивные изменения, приводят к непредвиденным негативным результатам. Такие риски актуальны как для молодого поколения, обладающего цифровыми знаниями и компетенциями, так и для старшего поколения, предпочитающего работать без радикальных перемен. Делается вывод о том, что в условиях двойственности цифровой трансформации общества необходимо искать пути смягчения возникающих социально-экономических проблем, а также способы роста удовлетворенности работников своим трудом.

Ключевые слова: социальная ценность труда; цифровые инновационные технологии; двойственность цифровой трансформации; риски; цифровая повседневность; студенчество.

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (задание 4.08.3, № гос. регистрации 20211892).

ABOUT THE SOCIAL VALUE OF WORK AND THE TRAPS OF DIGITAL TRANSFORMATION

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The development of the sociology of labour is considered on the example of the works of Belarusian and Russian authors. The reasons for the decline in the social value of work in post-Soviet society are studied, reflected in the shift in research emphasis from the topic of work to the topic of leisure and the disappearance of labour sociology from university programmes. The dual effect of the digital transformation of society is revealed. On the one hand, it has created opportunities to facilitate labour and increase its productivity, and on the other hand, it has caused the risks of live labour (technological unemployment, stress, frustration, precarisation). It is noted that the unforeseen consequences of digital transformation in the conditions of transition to a market society were the decline in the social value of work and the emergence of the phenomenon of meaningless work. These circumstances have led to the emergence of paradoxes and pitfalls of digital everyday

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. О социальной ценности труда и ловушках цифровой повседневности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:15–21. EDN: SCPYEL

For citation:

Titarenko LG. About the social value of work and the traps of digital transformation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:15–21. Russian. EDN: SCPYEL

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

larissa@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-5729-1430>

life – situations in which actions aimed at positive changes lead to unforeseen negative results. Such risks are relevant both for the younger generation with digital knowledge and competencies, and for older generations who prefer to work without radical changes. It is concluded that in the context of the duality of the digital transformation of society, it is necessary to look for ways to mitigate emerging socio-economic problems, as well as ways to increase employee satisfaction with their work.

Keywords: social value of work; digital innovative technologies; duality of digital transformation; risks; digital everyday life; students.

Acknowledgements. The article was carried out within the framework of the state research programme «Society and humanitarian security of the Belarusian state» (task 4.08.3, state registration No. 20211892).

Введение

Больше трети века назад, когда в Белорусском государственном университете создавалась кафедра социологии, страна переживала «излет» социализма. Тем не менее социологическая наука находилась на подъеме: она стала обязательной дисциплиной в учреждениях высшего образования, учебные программы по специальности «социология» содержали базовый курс по социологии труда – основы общества в концепции К. Маркса. В указанном курсе труд рассматривался и как основа жизнедеятельности социума, и как фундаментальное условие становления и развития личности (лозунг «Труд создал человека» был взят из марксизма и развит в социологическом курсе советскими авторами). Конечно, с одной стороны, это был партийный заказ: советская социология часто получала подобные задания и выполняла функцию диагностирования происходящих в обществе процессов, любое эмпирическое исследование социологи старались завершать разработкой практических рекомендаций по управлению в той или иной сфере. С другой стороны, изучение труда соответствовало социальным реалиям, так как в структуре советского общества преобладали представители сферы материального производства. Да и сам рабочий класс по-прежнему считался самым передовым слоем общества, анализ существования которого был естественным и необходимым в социалистическом государстве.

Неслучайно первые наиболее известные исследования советских социологов в 1960-х гг. были проведены именно в сфере труда. По результатам этих исследований шестидесятники В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов написали книгу, которая стала бестселлером советской социологии [1]. Работа была переведена на многие языки. Позднее в советской социологии появились публикации по теории и методологии исследования труда (В. Я. Ельмеев, В. И. Герчиков, Б. Г. Тукумцев), промышленной (заводской) социологии (С. Г. Климова, В. Г. Подмарков, В. В. Щербина, М. А. Слюсарянский, Я. Л. Эйдельман, А. А. Русалинова), труда в сельском хозяйстве (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина). Поскольку социоло-

гия труда была одним из доминирующих направлений в советской социологической науке, в ее рамках работали многие авторы, включая ведущего советского и российского социолога, бывшего главного редактора журнала «Социологические исследования» Ж. Т. Тощенко¹.

На созданной в БГУ кафедре социологии главными специалистами в сфере социологии труда в те годы были доцент И. Я. Писаренко и профессор Г. Н. Соколова. Их работы, связанные с социологией труда, были популярны и среди преподавателей, и среди студентов, поскольку данная тематика в тот период была актуальной [2; 3]. Пришедшая на кафедру Ж. М. Грищенко, ранее работавшая в прикладной сфере, гордилась своей диссертацией на тему социалистического соревнования. С. Н. Бурова нашла свою нишу в изучении гендерных проблем, первоначально исследуя их на примере выборки женщин. Работающие женщины указывали на трудности в карьерном росте, более низкую оплату труда и более высокую бытовую нагрузку по сравнению с мужчинами. В подготовке работ на стыке социологии труда и социологии управления принимали участие многие сотрудники кафедры [4; 5].

Постсоветская эпоха по-новому расставила акценты и в жизни общества, и, соответственно, в социологических исследованиях. Государство стремилось поскорее отказаться от идей социализма, включая идеалы трудового общества. Все они вместе с теорией марксизма были быстро забыты. Среди населения постепенно стали преобладать интересы общества потребления, описанные еще Г. Маркузе для США 1960-х гг. [6]. Новое поколение студентов хотело изучать маркетинг и менеджмент, чтобы в последующем преуспеть на рынке труда. Проблемы самого труда их не волновали. Молодежь не задумывалась о таких феноменах, как возвращение эксплуатации и отчуждения труда или социальная дезинтеграция общества, даже если изучение этих явлений еще входило в общий курс социологии. Как недавно критически отозвался о постсоветском образовании прежних десятилетий депутат Государ-

¹Тощенко Ж. Т. Социология труда : учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «социология» и «экономика труда». М. : Юнити, 2008. 423 с.

ственной думы Российской Федерации О. Н. Смолин, утвердившаяся уже в 1990-х гг. модель экономики, ориентированная не на производство, а на торговлю и обслуживание, сформировала «так называемую сервисную модель высшего образования – с акцентом на обслуживание»². Тенденции развития системы образования в Беларуси были схожими с ситуацией в России.

Сотрудники кафедры социологии БГУ также стали увлекаться тематикой, связанной с проблемами экономической социологии в истории социологии (А. П. Лимаренко), социологии конкуренции (Л. А. Гуцаленко), социологии предпринимательства (Е. Г. Павлова) и социологии управления (П. П. Украинен). Подробное описание трудов той поры, изданных сотрудниками кафедры, можно найти в книге «Кафедра социологии БГУ. История и современность» [7].

Поскольку радикально менялась эпоха, неизбежно менялось и содержание образования. В на-

чале нынешнего века социология труда исчезла из учебных программ. В них осталась только экономическая социология, которая развивается на стыке социологии и экономики. В настоящее время, как считает российский социолог А. Ю. Чепуренко, экономическая социология рассматривает в основном экономические проблемы адаптации рынка труда к капитализму [8].

Уже в конце 1980-х гг., в период перестройки и перехода к рыночной экономике, феномен труда претерпел существенные перемены: он стал терять свой социальный смысл и значимость. Не только у молодых, но и у старших поколений формировалась сильная материальная мотивация труда.

Целями настоящей статьи выступают раскрытие причин изменений общественной оценки социальной ценности труда, а также выявление непредвиденных последствий и парадоксов в сфере труда, вызванных процессами цифровой трансформации экономики и повседневной жизни.

Социальная ценность труда – ценность какого общества?

Почему произошло падение социальной ценности труда? Потому что после распада Советского Союза на первый план вышли рыночные отношения и потребительство, а высокая зарплата стала цениться больше значимой для общества работы. Многие исследования конца 1990-х – начала 2000-х гг. отмечали произошедший в сфере мотивации труда поворот к материальному, который являлся отражением социальных перемен. С конца XX в. крах социализма, затем цифровизация и, наконец, пандемия COVID-19 обусловили превращение труда из высшей ценности общества в ординарный товар на глобальном потребительском рынке. Индивид потерял возможность для самореализации и проявления творчества в труде, особенно когда его труд заменили машины. Человек оказался не рядом с машиной в качестве управленца, как полагал К. Маркс в своих прогнозах развития материально-технического базиса общества, а вне машины и вне производства. Такая ситуация не была описана даже в популярных технократических утопиях XX в., которые в основном оптимистично рисовали картины технизированного будущего: дистанционная работа из домашнего офиса у А. Тоффлера [9], исчезновение рабочих при росте среднего класса у Д. Белла [10], компьютеризация всех сфер общества у Ю. Масуды [11].

Снижение социальной значимости труда широко распространено и в западных странах развитого капитализма. Объясняя этот процесс в рамках неомарксизма, лидер франкфуртской школы и до недавнего времени директор Франкфуртского института социальных исследований А. Хоннет отмечает, что социальный смысл и роль труда могут проявиться

только в том обществе, где работающий слой имеет возможность участвовать в управлении своим предприятием, т. е. развивать демократию участия [12]. Следовательно, потеря социального смысла труда – это не только результат цифровизации (хотя она и оказывает решающее влияние на социально-экономические изменения в обществе), но и следствие развития капитализма, в котором отчуждение труда не исчезло, а приняло иные, по сравнению с временами К. Маркса, формы. В XXI в. труд теряет социальный смысл. Данный факт подтверждает, что развитие капиталистических отношений на постсоветском пространстве продолжается, причем независимо от того, признается ли этот процесс властями. Зарубежные авторы по-прежнему открыто утверждают, что современное общество остается капиталистическим и, несмотря на переживаемые трудности, обладает потенциалом для развития [13].

Бесспорно, в эпоху цифровой трансформации автоматизация трудовых процессов и оснащение экономики новейшими технологиями характерны в той или иной степени для любого развивающегося общества. При этом скорость внедрения цифровизации зависит от социального устройства конкретного общества.

В XXI в. зарубежные ученые описали такой феномен, как бессмысленный труд. Известный антрополог Д. Грэбер издал бестселлер, посвященный распространению данного феномена. По мнению автора, бессмысленный труд не только способствует поддержанию экономической эффективности, но и вызывает у работников неудовлетворенность своим трудом, поскольку его продукты никому не нужны [14].

²Второй шанс: комитет Госдумы обсуждает возвращение неполного высшего образования // Дети Mail : сайт. URL: <https://deti.mail.ru/news/vtoroy-shans-komit-et-gosdumy-obsuzhdaet/> (дата обращения: 19.06.2024).

Как утверждает Д. Грэбер, миллионы специалистов – консультантов по персоналу, координаторов по связям с общественностью, исследователей телемаркетинга, корпоративных юристов – занимаются социально бесполезной, лишенной творчества деятельностью, хотя и не осознают этого в полной мере. Д. Грэбер считает, что главный виновник появления бесполезного труда – нынешняя разновидность финансового капитализма, которая предаёт идеалы, разделяемые мыслителями капиталистического общества во времена Дж. М. Кейнса. В результате многие работники проявляют больше интереса к тому, как они проводят свой досуг, а не к тому, как они трудятся. Тем самым подтверждается предвидение

западных социологов о том, что будущее общество – это не общество труда, а общество досуга [15]. Доминирующие социальные ценности радикально меняются, труд превращается в инструмент удовлетворения потребностей населения.

Многие социологические исследования, проводившиеся в России и Беларуси по меньшей мере на протяжении двух десятилетий, показывают, что современные работники оценивают труд не по тому, насколько он необходим обществу или влияет на их собственное развитие, а по размеру заработной платы [16–18]. Рост значимости инструментальной ценности труда продолжается уже длительное время, вытесняя собой социальные аспекты труда.

Цифровые риски и парадоксы в сфере труда

Современное общество уже давно было названо обществом риска [19], поэтому нет ничего удивительного в том, что процесс цифровизации принес новые вызовы. Они имеют гибридную природу и в сочетании с другими рисками внедрения новейших технологий в разные сферы деятельности (военную, экологическую, гуманитарную и др.) создают все большую опасность для существования человечества.

Сфера труда также стала рискогенным полем деятельности, причем ускорение цифровизации обуславливает продуцирование проблем. Создание искусственного интеллекта (ИИ) – это не столько торжество человеческой рациональности, сколько новый вызов обществу. Развитие ИИ может выйти из-под контроля, в результате чего уже сами люди будут подчинены умным машинам. Ловушка цифровой рациональности состоит в том, что при использовании информационно-коммуникативных технологий (ИКТ), особенно ИИ, на уровне повседневности можно утратить гуманистические ориентиры развития и начать относиться к человеку как к некоему физическому объекту.

Чем опасна неконтролируемая цифровизация? Кто виновен в том, что радикальные изменения в сфере труда не всегда отвечают интересам граждан? На наш взгляд, цифровизация – это лишь инструмент, но не цель развития общества. Двойственная природа цифровизации очевидна не только на примере сферы труда. В настоящее время применение людьми цифровых компетенций на уровне повседневной жизни связано с удовлетворением бытовых интересов (покупки, развлечения, оплата товаров и услуг) либо с работой через интернет с возможностью получения максимальной зарплаты. Именно здесь человека и могут подстерегать ловушки цифровизации. Действия, направленные на позитивные изменения в результате внедрения ИКТ, имеют

непредвиденные результаты и тем самым создают определенные риски.

Ловушки цифровизации трудовых процессов могут быть описаны следующим образом. Автоматизация производства должна была облегчить задачу работникам, особенно занимающихся физическим трудом. Новые технологии упростили деятельность представителей ряда профессий, но в то же время актуализировали угрозу массовой технологической безработицы. Множество людей, квалификация которых не соответствует инновационным технологиям, теперь не могут найти работу. Цифровизация ряда массовых профессий, внедрение инновационных технологий и роботизация производства приводят к сокращению рабочего времени и занятости, увольнению работников в сфере производства, замене живого труда машинным трудом [20; 21]. Исследование М. Форда демонстрирует, насколько неоднозначные процессы происходят на рынке труда под воздействием технологических изменений. Технологическая безработица еще не является повсеместной, но процесс ее распространения идет, особенно в экономически развитых странах.

Инновационные технологии ведут к повышению уровня стресса работников. По результатам исследования, в котором приняли участие 1600 россиян из разных регионов страны, только 7 % не испытывают стресс на работе. В топ-3 наиболее стрессогенных факторов входят недоброжелательное отношение руководства (на это указали 15 % опрошенных), непрофессионализм команды (9 %) и высокая нагрузка (8 %). Исследование, проводившееся в России в 2023 г., показало, что 40 % работников считают свой уровень стресса высоким и очень высоким³. Как отмечают ученые, внедрение новых форм организации труда и методов управления, ведущих к росту интенсивности работы, одновременно со снижением

³Основным источником стресса на работе россияне стали чаще называть нагрузку и реж – поведение коллег // SuperJob : сайт. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114665/osnovnym-istochnikom-stressa-na-rabote-rossiyane-stali-chasche-nazyvat-nagruzku-i-rezhe/> (дата обращения: 14.05.2024).

гарантий занятости населения «способствуют формированию достаточно агрессивной рабочей среды, где стресс становится постоянной составляющей трудовой деятельности» [22, с. 27].

Внедрение цифровых технологий в трудовую сферу часто приводит к тому, что люди сильно устают от высоких темпов работы, производительность их труда падает, а желание выполнять работу качественно исчезает. В результате трудовая мотивация идет на спад: люди не хотят, чтобы их труд становился более эффективным за счет его напряженности, даже если при этом заработная плата будет более высокой. Проведенное в России исследование выявило парадокс: более половины опрошенных работников выразили неготовность повысить свою производительность труда ни при каких условиях, хотя по международным меркам производительность труда россиян является относительно невысокой [23, с. 43]. При этом 20 % из них считают, что работают на пределе возможностей. Большинство опрошенных указали на то, что рост производительности труда и сверхурочная работа могут привести к сокращению свободного времени, что не соответствует их ценностным приоритетам. Досуг становится равнозначным по важности труду, а в некоторых группах оценивается даже выше. Труд, несущий риски и вызывающий стресс, не дает возможности для самореализации, поэтому все больше людей делают акцент на свободном от профес-

сиональной деятельности времени. Такой позиции придерживается прежде всего молодое поколение работников. По мнению В. В. Радаева, у молодежи радикально меняется баланс ценности труда и качества жизни [24]. Как утверждают зарубежные авторы, появилось много специалистов в сфере информационных технологий, с легкостью меняющих место жительства, если это позволяет им повысить качество жизни и досуга [25].

Явно непредвиденным и негативным следствием внедрения ИКТ в разные сферы жизни стала возможность использовать их в целях контроля над людьми на рабочих местах. Более того, появилась техническая возможность следить за людьми и вне работы, т. е. сделать контроль тотальным. Как утверждает американский социолог Дж. Ширк, понятие работы расширяется: она поглощает жизнь и личность человека [26]. По его мнению, этот контроль уже был апробирован в период пандемии COVID-19. Технологии, призванные сделать труд более свободным и творческим, могут усилить зависимость работника и от машин, и от работодателя, использующего все новые средства контроля.

В приведенных исследованиях зарубежных ученых прослеживается аналогия с идеями, содержащимися в работе под редакцией Ж. Т. Тошенко, где анализируются феномен прекаризации труда и тенденция к прекаризации повседневной жизни в целом [27].

Заключение

В современную эпоху под влиянием цифровой трансформации социума и ряда других факторов, включая пандемию, рост масштабов дистанционного труда и неуправляемость процессами развития науки и технологий, труд перестал быть системообразующим основанием общества. В условиях роста ИКТ, роботизации и автоматизации производства социальная значимость труда снизилась. Общество постепенно превращается в социальную среду, полную новых парадоксов и рисков. Кроме того, существуют и медиариски, связанные с искажением информационного воздействия на сознание и поведение людей, распространением фейков и т. д. Данными явлениями нередко сопровождаются разнообразные революции в современном мире (цветная, вооруженная, ползучая и др.) [28].

Вероятно, самый большой риск цифровизации для общества заключается даже не в ожидаемой

технологической безработице и не в господстве медиатехнологий над сознанием людей. Как предсказывал выдающийся ученый С. Хокинг, лет через 30–40 бесконтрольное развитие ИИ может привести к тому, что он заменит человека во всех видах деятельности, подчинив его своей воле, и человечеству наступит конец⁴.

На наш взгляд, как только любые научно-технологические преобразования общества теряют свою культурную составляющую (не учитывают критериев человекомерности цифровизации), они начинают нести угрозу деформации и общества, и человека. Поиск путей минимизации цифровых вызовов, стоящих перед сферой труда и другими сферами жизни человека, в частности разумное ограничение использования ИКТ, ИИ и других инновационных интеллектуальных систем, конкурирующих с человеком, остается под вопросом.

Библиографические ссылки

1. Здравомыслов АГ, редактор. *Человек и его работа*. Москва: Мысль; 1967. 392 с.
2. Давидюк ГП, Писаренко ИЯ, редакторы. *Социальный эффект соревнования*. Минск: Беларусь; 1976. 95 с.
3. Соколова ГН. *Труд и профессиональная культура*. Минск: БГУ; 1980. 140 с.

⁴Stephen Hawking warned about the perils of artificial intelligence – yet AI gave him a voice // The Conversation : site. URL: <https://theconversation.com/stephen-hawking-warned-about-the-perils-of-artificial-intelligence> (date of access: 15.03.2024).

4. Иванов ВН, Писаренко ИЯ, редакторы. *Управление социальными процессами в коллективе: классовый подход*. Минск: Университетское; 1985. 287 с.
5. Соколова ГН. *Культура труда в социальном развитии рабочего класса*. Минск: Наука и техника; 1984. 220 с.
6. Маркузе Г. *Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Москва: Refl-book; 1964. 368 с.
7. Данилов АН, редактор. *Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания*. Минск: БГУ; 2004. 230 с.
8. Чепуренко АЮ. Маркс в университете 3.0? *Социологические исследования*. 2018;5:26–34. DOI: 10.7868/S0132162518050033.
9. Toffler A. *The third wave*. New York: Morrow; 1980. 544 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 507 p.
11. Masuda Y. *Informational society as a post-industrial society*. Washington: World Future Society; 1981. 171 p.
12. Celikates R, Honneth A, Jaeggi R. The working sovereign: a conversation with Axel Honneth. *Journal of Classical Sociology*. 2023;23(3):318–338. DOI: 10.1177/1468795X231170980.
13. Sharma R. *What went wrong with capitalism*. New York: Simon and Schuster; 2024. 384 p.
14. Graeber D. *Bullshit jobs: a theory*. New York: Simon and Schuster; 2018. 333 p.
15. Дюмазедье Ж. На пути к цивилизации досуга. *Вестник Московского университета. Серия 12, Социально-политические исследования*. 1993;1:83–88.
16. Попов АВ. Современные аспекты трудовой мотивации населения. *Вопросы территориального развития*. 2013;2:1–9.
17. Бобков ВН, редактор. *Средние классы в капиталистической России*. Москва: Кнорус; 2019. 208 с.
18. Титаренко ЛГ, Широканова АА. Стратегии выхода студентов белорусских вузов на регулируемый рынок труда. *Социологические исследования*. 2020;12:128–138. DOI: 10.31857/S013216250010303-6.
19. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. New York: Sage; 1992. 306 p.
20. Ford M. *Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future*. New York: Basic Books; 2015. 334 p.
21. Бенанав А. Автоматизация и будущее труда. Проценко Н, переводчик. *Экономическая социология*. 2022;23(3):92–108.
22. Козина ИМ, Серёжкина ЕВ. Производственные факторы стресса в работе российских и французских IT-специалистов. *Социологические исследования*. 2019;5:26–35.
23. Карачаровский ВВ, Гурулева МН. Ловушка мотивации на российском рынке труда. *Социологические исследования*. 2023;8:34–46. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.
24. Радаев В. *Миллениалы: как меняется российское общество*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2019. 224 с.
25. Aroles J, Bonneau C, Bhankaraull S. Conceptualising «meta-work» in the context of continuous, global mobility: the case of digital nomadism. *Work, Employment and Society*. 2023;37(5):1261–1278. DOI: 10.1177/09500170211069797.
26. Shirk J. From bureaucratic discipline to self-actualisation: using Marx and Foucault to critique the demand for better work rather than less work. *Administration and Society*. 2022;54(9):1827–1847. DOI: 10.1177/00953997211069049.
27. Тощенко ЖТ, редактор. *От precarious занятости к прекаризации жизни*. Москва: Весь мир; 2022. 364 с.
28. Асеева ИА. Кривое зеркало цифровизации. *Вопросы философии*. 2024;2:25–33.

References

1. Zdravomyslov AG, editor. *Chelovek i ego rabota* [Man and his work]. Moscow: Mysl'; 1967. 392 p. Russian.
2. Davidyuk GP, Pisarenko IYa, editors. *Sotsial'nyi effekt sorevnovaniya* [Social effect of competition]. Minsk: Belarus'; 1976. 95 p. Russian.
3. Sokolova GN. *Trud i professional'naya kul'tura* [Work and professional culture]. Minsk: Belarusian State University; 1980. 140 p. Russian.
4. Ivanov VN, Pisarenko IYa, editors. *Upravlenie sotsial'nymi protsessami v kollektive: klassovyi podkhod* [Management of social processes in a collective: class approach]. Minsk: Universitetskoe; 1985. 287 p. Russian.
5. Sokolova GN. *Kul'tura truda v sotsial'nom razvitii rabocheho klassa* [Work culture in the social development of the working class]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1984. 220 p. Russian.
6. Marcuse G. *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitoogo industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. Study of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: Refl-book; 1964. 368 p. Russian.
7. Danilov AN, editor. *Kafedra sotsiologii BGU: istoriya i sovremennost'. K 25-letiyu sozdaniya* [Department of sociology of Belarusian State University: history and modernity. To the 25th anniversary of its creation]. Minsk: Belarusian State University; 2004. 230 p. Russian.
8. Chepurenko AYU. Marx at the university 3.0? *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;5:26–34. Russian. DOI: 10.7868/S0132162518050033.
9. Toffler A. *The third wave*. New York: Morrow; 1980. 544 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 507 p.
11. Masuda Y. *Informational society as a post-industrial society*. Washington: World Future Society; 1981. 171 p.
12. Celikates R, Honneth A, Jaeggi R. The working sovereign: a conversation with Axel Honneth. *Journal of Classical Sociology*. 2023;23(3):318–338. DOI: 10.1177/1468795X231170980.
13. Sharma R. *What went wrong with capitalism*. New York: Simon and Schuster; 2024. 384 p.
14. Graeber D. *Bullshit jobs: a theory*. New York: Simon and Schuster; 2018. 333 p.
15. Dumazedier J. [On the way to leisure civilisation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*. 1993;1:83–88. Russian.
16. Popov AV. [Modern aspects of work motivation of the population]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2013;2:1–9. Russian.
17. Bobkov VN, editor. *Srednie klassy v kapitalisticheskoi Rossii* [Middle classes in capitalist Russia]. Moscow: Knorus; 2019. 208 p. Russian.

18. Titarenko LG, Shirokanova AA. Students' employment entry strategies in the Belarus regulated labour market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;12:128–138. Russian. DOI: 10.31857/S013216250010303-6.
19. Beck U. *Risk society: towards a new modernity*. New York: Sage; 1992. 306 p.
20. Ford M. *Rise of the robots: technology and the threat of a jobless future*. New York: Basic Books; 2015. 334 p.
21. Benanav A. Automation and the future of work. Protsenko N, translator. *Journal of Economic Sociology*. 2022;23(3): 92–108. Russian.
22. Kozina IM, Serezhkina EV. Stressful characteristics of work of Russian and French software developers. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;5:26–35. Russian.
23. Karacharovskiy VV, Guruleva MN. Motivation trap on Russian labour market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;8: 34–46. Russian. DOI: 10.31857/S013216250027365-4.
24. Radaev V. *Millenialy: kak menyaetsya rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2019. 224 p. Russian.
25. Aroles J, Bonneau C, Bhankaraull S. Conceptualising «meta-work» in the context of continuous, global mobility: the case of digital nomadism. *Work, Employment and Society*. 2023;37(5):1261–1278. DOI: 10.1177/09500170211069797.
26. Shirk J. From bureaucratic discipline to self-actualisation: using Marx and Foucault to critique the demand for better work rather than less work. *Administration and Society*. 2022;54(9):1827–1847. DOI: 10.1177/00953997211069049.
27. Toshchenko ZhT, editor. *Ot prekarnoi zanyatosti k prekarizatsii zhizni* [From precarious employment to precarisation of life]. Moscow: Ves' mir; 2022. 364 p. Russian.
28. Aseeva IA. The crooked mirror of digitalisation. *Voprosy filosofii*. 2024;2:25–33. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.06.2024.
Received by editorial board 24.06.2024.

УДК 316.1

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. ЕВЕЛЬКИН¹⁾

¹⁾Академия национальной безопасности Республики Беларусь,
ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечается, что социологические исследования представляют собой эффективный способ познания реальности. Они дают возможность специалисту в любой сфере деятельности оценить социальные последствия своих действий и сократить вероятность ошибки. Рассматриваются вопросы подготовки и психологического наполнения процесса социологического исследования. Проводится анализ представлений о возможностях социологической науки в использовании психологических приемов для совершенствования процессов интервьюирования и анкетного опроса за счет предварительной психологической подготовки и инструктажа анкетеров. Акцентируется внимание на психологических механизмах поведения интервьюера в процессе взаимодействия с опрашиваемым лицом, а также на психологических основах реагирования респондента на контакт с социологом и его стремления получить информацию по конкретной проблеме.

Ключевые слова: личность; анкетер; интервьюер; респондент; опрос; коммуникация; психологические механизмы; поведение; профессиональная психологическая подготовка и готовность социолога к полевым исследованиям.

THE PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

G. M. EVELKIN^a

^aNational Security Academy of the Republic of Belarus,
2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

Abstract. It is noted that sociological research is an effective way of understanding reality. It provides an opportunity for a specialist in any field of activity to assess the social consequences of their actions and reduce the likelihood of error. The issues of preparation and psychological content of the process of sociological research are considered. The analysis of ideas about the possibilities of sociological science in the use of psychological techniques to improve the processes of interviewing and questionnaire survey through preliminary psychological training and briefing of questionnaires is carried out. Attention is focused on the psychological mechanisms of the interviewer's behaviour in the process of interaction with the interviewee, as well as on the psychological basis of the respondent's response to contact with the sociologist and his desire to obtain information on a specific problem.

Keywords: personality; questionnaire; interviewer; respondent; survey; communication; psychological mechanisms; behaviour; professional psychological training and readiness of a sociologist for field research.

Образец цитирования:

Евелькин ГМ. Психологический компонент социологического исследования. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024;3:22–28.
EDN: WLLRMS

For citation:

Evelkin GM. The psychological component of sociological research. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2024;3:22–28. Russian.
EDN: WLLRMS

Автор:

Георгий Михайлович Евелькин – доктор социологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник.

Author:

Georgiy M. Evelkin, doctor of science (sociology), full professor; leading researcher.

Введение

Социологический опрос выступает инструментом сбора информации о социальных процессах и явлениях. Существуют два вида опроса: анкетный опрос и интервью. Каждый из них имеет свои разновидности¹.

С помощью социологических исследований можно выявить причины тех или иных явлений и процессов и способствовать решению ряда проблем человеческой жизни. При этом самой распространенной техникой исследований является массовый опрос. В социологии до 90 % получаемой информации приходится именно на этот метод.

Как отмечает А. Б. Зиотдинова, в настоящее время метод опроса является наиболее популярным и приоритетным по сравнению с другими методами социологических исследований в силу того, что он позволяет получить объективную информацию в короткие сроки [1].

В социологической науке главной функцией опроса является проверка гипотез о характере связей между некоторыми переменными. Однако проблема состоит не в проведении опроса, а в получении качественных данных. Для этого необходимы наличие определенных условий и соблюдение ряда требований. В числе проблем метода можно назвать недобросовестность респондентов и их уход от ответов.

В рамках своего докторского диссертационного исследования А. Ю. Мягков акцентирует внимание на том, что в процессе социологических опросов специалисты часто сталкиваются с недостаточной искренностью со стороны респондентов. Искажения в ответах отдельных опрашиваемых могут достигать значений, которые способны повлечь серьезные нарушения достоверности итоговых результатов. Искренность респондентов необходимо контролировать не только по основным, но и по социально-демографическим аспектам исследования. При этом метод «запечатанного буклета», по мнению автора, обеспечивает более достоверные сведения о девиантном поведении респондентов, чем обычное персональное интервью. Наибольшую эффективность этот метод демонстрирует при изучении особо чувствительной проблематики, касающейся, например, сексуального опыта [2].

Интервью является одним из главных методов сбора данных, основанных на непосредственном или опосредованном социально-психологическом взаимодействии исследователя и респондента (респондентов). Достоинством интервью является непрерывный живой контакт интервьюера и опрашиваемого, что позволяет быстро получить большое количество информации и всесторонне, хотя и поверхностно, осветить объект экспертизы.

Среди недостатков интервью следует назвать возможность сильного влияния интервьюера на ответы респондентов, отсутствие времени для глубокого

продумывания ответов, высокие требования к интервьюеру, а также большую продолжительность времени, расходуемого на проведение полевых работ.

Интервьюер должен хорошо знать анализируемую проблему, уметь четко формулировать вопросы, создавать непринужденную обстановку, правильно интерпретировать паузы, уклонения и умолчания. В силу этих требований подготовка интервьюера к опросу заключается в основном в разработке цели интервью и подготовке главных вопросов, суть которых должна быть записана (их окончательное формулирование может быть произведено и в ходе интервью).

Рассматривая сравнительную эффективность анкетного опроса и интервью, обратим внимание на публикацию И. В. Чеховского, посвященную интервью как методу получения информации. Автор отмечает, что жестко формализованное интервью подразумевает четкую стандартизацию и структурированность процедуры интервьюирования, что достигается путем использования закрытых вопросов и доскональной разработки инструкции для интервьюера, четко регламентирующей его поведение (в части установления контакта с респондентом, последовательности вопросов и оглашения вариантов ответов к ним). Все эти нюансы отражены в опросном листе, с которым работает интервьюер. В рамках таких опросов особое внимание уделено роли интервьюера и его взаимодействию с респондентом. Подобный подход незаменим при проведении массовых опросов (классическая разновидность формализованного интервью), в которых принимает участие большое количество респондентов [3]. При этом любое интервью основано на обмене взглядами, сведениями и фактами между интервьюерами и респондентами.

Важен и уровень подготовки интервьюера. С. Квале отмечает, что «открытость и гибкость интервью, множество решений, принимаемых непосредственно на месте (например, следовать ли появившимся в процессе интервью новым возможностям или придерживаться намеченной схемы интервью), предъявляют очень строгие требования к подготовке и компетентности интервьюера» [4, с. 90].

По мнению А. Готлиб, интервью входит в тройку универсальных методов сбора социологической информации, к которым относятся также анализ и наблюдение. С этим утверждением нельзя не согласиться. Если взять любую методику, используемую социологами-практиками для получения эмпирических данных, то при подробном рассмотрении окажется, что в ее основе лежит один из трех указанных методов. Более того, их универсальность обусловлена еще и тем, что они применяются в разных модификациях и в классическом, и в качественном социологическом исследовании [5, с. 203].

¹Игбаева Ф. А. Социология : учеб. пособие. М. : Инфра-м, 2012. 236 с.

По словам Б. В. Мамонт, каждое интервью – это уникальный, не имеющий аналогов акт коммуникации, а каждый собеседник – это индивидуальность, влияющая на оригинальный контекст разговора и требующая особого подхода [6]. Особое внимание автор обращает на то, что вопросы, задаваемые интервьюером, имеют широкий круг дополнительных функций, обусловленных содержанием беседы, а также ситуационными и субъективно-личностными факторами.

Специфика метода интервью заключается в том, что исследование социальной реальности осуществляется личностью опрашиваемого не прямо, а опосредованно. С точки зрения интервьюера, респондент является включенным наблюдателем или первичным исследователем, изучившим и осмыслившим (нередко с удивительной глубиной и точностью) ту социальную действительность, с которой он находился в непосредственном контакте определенное время. Получение и фиксация добытого таким образом знания являются главными целями интервьюера [7]. Успех проведения интервью во многом зависит от спонтанности ответов опрашиваемого. По мнению Э. А. Чамоковой и В. Ф. Чесноковой, спонтанность выражается в том, что респондент, не побуждаемый вопросами интервьюера, дает длинные и связные тексты ответов, позволяющие восстановить логику его рассуждения и связи между элементами представлений. Показателями нарушения спонтанности являются короткие, не связанные друг с другом формулировки ответов, паузы, появляющиеся в беседе, ответы-междометия [8]. В силу этих обстоятельств

повышение достоверности информации может быть достигнуто путем строгого соблюдения методико-процедурных и коммуникативно-психологических требований к организации и проведению интервью.

Как отмечает И. Ф. Зайнетдинова, анализ социально-психологической и социологической литературы по обозначенной теме позволяет сделать вывод о том, что основное внимание исследователей сосредоточено на следующих задачах:

- установлении и поддержании доверительной атмосферы на протяжении всего собеседования;
- мотивировании опрашиваемых на ответы;
- предоставлении интервьюером обратной связи;
- минимизации влияния присутствия интервьюера на качество получаемой информации [9].

Следует понимать, что участниками коммуникации в ходе социологического интервью являются и респондент, и интервьюер. В силу этого обстоятельства проблемы метода могут быть связаны как с личностью респондента, так и с личностью интервьюера. Одна из основных трудностей, которая возникает у интервьюера, состоит в том, что респондент часто не осознает границ своей компетентности. На практике интервьюер постоянно сталкивается с тем фактом, что люди охотно рассуждают о тех вопросах, в которых они не являются компетентными. Интервьюер должен уметь различать в сознании респондента зону компетентности и зону некомпетентности. При этом необходимо помнить, что многое зависит от респондентов как от объектов процесса социологического познания.

Проблемы, связанные с личностью респондента

Важно иметь в виду, что для определенных категорий опрашиваемых лиц сам процесс опроса является стрессом, что, безусловно, накладывает определенный отпечаток на восприятие интервьюера и даваемые ответы.

В ходе исследований с применением устных опросов необходимо учитывать личностные, коммуникативные, креативные и иные возможности респондента. Нельзя забывать и об особенностях обыденного сознания людей изучаемого социального круга, а также о своеобразии самосознания респондентов. Также следует учитывать, что множество тем не будут обсуждаться в присутствии других представителей значимого для респондента социального круга. В иных же случаях, наоборот, только присутствие сотоварищей может способствовать открытой позиции респондентов перед интервьюером. Как правило, проблемы, связанные как с личностью интервьюера, так и с личностью респондента, относятся к общей проблеме коммуникации между ними.

В современной социологии появилось мнение о том, что на оценку какого-либо явления конкрет-

ным индивидом влияют его прежний опыт, интересы и эмоциональные впечатления. В связи с этим И. А. Бутенко обращает внимание на важность изучения индивидуального стиля респондента, под которым подразумеваются индивидуально-психологические особенности личности, проявляющиеся в его ответах на вопросы и не имеющие непосредственного отношения к их содержанию². Однако, как отмечает И. В. Журавлёва, вербализация мыслей респондента происходит под воздействием множества факторов. К ним нужно отнести в первую очередь взаимопонимание общающихся сторон и психологические особенности вступающих в контакт людей. Редактирование респондентом своего ответа во многом зависит от характеристики того, кто проводит опрос [10].

На достоверность полученной в ходе опроса информации влияют следующие факторы:

- индивидуальные особенности анкетера (интервьюера);
- корректность задаваемых вопросов и специфика их предъявления;

²Бутенко И. А. Анкетный опрос как общение социолога с респондентами : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1989. 176 с.

- обстоятельства проведения опроса;
- искренность респондента и его доверие анкетеру (интервьюеру);
- наличие стереотипных, стандартных ответов на вопросы инструментария;
- эффект ожидаемых мнений и стремление респондента соответствовать социальным нормам;
- эпатажность и демонстративность поведения респондента.

В социологии сбором информации занимаются, как известно, анкетер (в анкетном опросе) и интервьюер (в социологическом интервью). Они должны уметь устанавливать определенный уровень отношений с респондентом. Решение этой задачи предполагает использование разных социальных ролей, имеющих соответствующее содержание и социальное звучание. Для того чтобы ролевая деятельность анкетеров (интервьюеров) была убедительной, их поведение должно быть эмоционально подкреплено. По этой причине от анкетеров (интервьюеров) высокого класса требуются определенные актерские способности. Такие роли и воплощаемые с их помощью линии поведения служат важнейшим средством решения исследовательских задач. И. В. Журавлёва отмечает большое влияние индивидуальных психологических особенностей интервьюеров на процесс формирования ответов респондентов, а также выявляет черты и характеристики, которые представляются наиболее целесообразными для отбора полевых работников при работе с помощью метода интервью [10].

На существование проблем, связанных с личностью интервьюера, указывал В. А. Ядов. Он обращал внимание на следующие возможности влияния интервьюеров на респондентов:

- эффект стереотипного восприятия респондента;
- согласование темпа и характера речи интервьюера и респондента;
- воздействие внешнего облика и манеры поведения интервьюера на восприятие и отношение к себе со стороны респондента [11, с. 281–282].

Кроме того, существуют и второстепенные возможности влияния интервьюера на ответы респондентов:

- личностные, возрастные и половые особенности интервьюера, влияющие на процесс установления контакта и общение с респондентом;
- особенности восприятия интервьюером респондента в контексте исследуемой социокультурной действительности под влиянием социальных стереотипов и собственного опыта;
- отражение субъективного восприятия действительности людьми, являющимися носителями и трансляторами определенного этноса или субкультуры.

Анкетер должен учитывать, что он выстраивает особое коммуникативное пространство во взаимо-

действии с конкретным респондентом или их группой. Вместе с тем влияние личностных особенностей интервьюера и его поведения на ответы респондентов не является однонаправленным. Способы воздействия интервьюера на вербальное поведение опрашиваемых могут различаться в зависимости от реакции респондентов на указанные факторы.

Как известно, интервью – это один из наиболее востребованных современных методов исследовательской деятельности. Интервьюеры должны обладать специальными знаниями и навыками. Им следует быть хорошо знакомыми с аудиторией опрашиваемых лиц: ее структурой, интересами, потребностями, установками и стереотипами. Интервьюеру важно представлять не только индивидуальную психологию будущего собеседника, но и психологию той группы, к которой принадлежит респондент.

Исходя из опыта российских исследований, В. А. Ядов утверждает, что индивидуальные характеристики интервьюеров (темп речи, уровень эмоциональности, импульсивность или уравновешенность) определяют характер и направление беседы [11, с. 282–284]. В свою очередь Э. Ноэль высказывает следующую идею: для того чтобы найти людей, обладающих нужными качествами, вместо предопросных тренингов для уже отобранных интервьюеров лучше проводить тестирование кандидатов на проведение опроса [12].

В научно-методических источниках обозначены следующие стили интервью: партнерский, элитарный и конфронтационный. Наиболее эффективным является партнерский стиль интервью, который подразумевает равноправное взаимодействие его участников.

Любое интервью подразумевает процесс восприятия и оценки собеседниками друг друга. Он начинается в момент контакта интервьюера и собеседника и происходит в течение всей беседы. При подготовке ко встрече у интервьюера складывается мнение о человеке, с которым ему предстоит беседовать (о социальной группе, к которой он принадлежит, и о возможном отношении к беседе), однако оно не должно мешать объективности восприятия опрашиваемого. Всякая предубежденность препятствует получению достоверных знаний. Чтобы предвзятость и наличие стереотипов не мешали восприятию, интервьюер должен настраивать себя на то, что реальность может не совпадать с представлением, создавшимся у него во время подготовки к беседе. Результат интервью в значительной степени зависит от взаимоотношений его участников. В связи с этим на этапе подготовки интервьюер должен обдумать, насколько охотно интервьюируемый будет сотрудничать с ним. Также интервьюеру следует проанализировать наличие в тексте интервью вопросов или тем, которые вызовут раздражение или смущение интервьюируемого.

Требования к личности интервьюера

Под руководством И. В. Журавлёвой было проведено специальное психологическое исследование, целью которого являлось установление влияния психологических характеристик интервьюера на ход и результаты интервью. Объем выборки исследования составил 300 человек. И. В. Журавлёва отмечает, что на результаты интервью влияют многие личностные характеристики интервьюеров, в том числе психологические. Особое место среди них занимают общительность и внимание к собеседнику [13]. В результате исследования установлено, что наибольшим смещающим эффектом обладают только две характеристики интервьюеров: навыки социального общения и негативный опыт общения. И. В. Журавлёва утверждает, что наиболее успешны в проведении интервью активные и уверенные в себе интервьюеры, обладающие высокими навыками социального общения, умеющие прогнозировать социальное поведение. Именно такие люди способны побудить потенциального респондента к участию в опросе.

Вместе с тем не любые роли могут быть использованы конкретным интервьюером, поскольку структуру модели общения составляют по меньшей мере два участника, а также определенные речевые и поведенческие средства коммуникации. В связи с этим выделяются два слоя психологических проблем, возникающих в ходе интервью: контактный и процедурный. При этом доказано, что дружеская атмосфера больше влияет на результат контакта, чем само содержание вопросов. Однако прогнозировать полную совместимость участников общения невозможно. Необходимо обращать внимание на ряд факторов, влияющих на эффективность интервью: половозрастные различия, личностные характеристики, совместимость темпераментов участников встречи.

Для интервьюера важны такие качества, как доброжелательность, аналитичность, хорошая память, внимание, наблюдательность, богатое воображение, контролируемая впечатлительность, собранность, настойчивость, общительность, находчивость. Из четырех классических типов темперамента для эффективной работы с персоналом предпочтительными являются сангвиники и холерики.

Идеального интервьюера, по мнению Э. Ноэль, можно охарактеризовать следующим образом: «Он должен выглядеть здоровым, спокойным, уверенным, внушать доверие, быть искренним, веселым, проявлять интерес к беседе, быть опрятно одетым, ухоженным» [12, с. 176].

На эффективность взаимодействия интервьюера и респондента влияют индивидуальные приемы общения. Эффективность процесса интервьюирования во многом зависит от мотивации респондента. Поэтому интервьюер должен изыскивать разнообразные стимулы для налаживания контакта с опрашиваемым лицом.

К факторам эффективности интервьюирования относятся место, время и продолжительность его проведения. Беседу лучше всего организовать в небольшом помещении, причем наедине, поскольку присутствие посторонних людей может нарушить доверительность общения. Использование профессиональных приемов (темпа речи, стиль беседы, психологические приемы стимулирования участия респондента и др.) также имеют большое значение для проведения эффективного интервью. Учет индивидуального темпа и стиля речи респондента позволяет интервьюеру снизить возможную напряженность в ходе беседы. Типичной ошибкой интервьюера является навязывание респонденту определенного темпа и стиля общения.

Проблема коммуникации и предъявления информации

Любую информацию респондент предъявляет специально для интервьюера. Присутствие исследователя, особенно если его цели явны, формирует пространство диалога между интервьюером и респондентом. В связи с этим проблемой является достоверность предъявляемой информации. Существует перечень тем, которые являются запретными для постороннего человека. В основном это касается особенностей трансляции тех или иных знаний или социокультурных норм, регламентирующих возможности сообщить другому человеку сведения, которые касаются семейных взаимоотношений и личных переживаний. Кроме того, в сознании респондента могут присут-

ствовать нормативы, накладывающие ограничение на обнаружение собственной позиции по какому-либо вопросу.

В процессе коммуникации между интервьюером и респондентом могут возникнуть ситуации некорректного понимания термина, заданного вопроса или предпринятого действия (причем исследователь не всегда может заранее знать о возможном эффекте), на которые респондент отреагирует либо уклонением от ответа, либо прекращением беседы. Особенности социальных условий проведения интервью также могут сильно влиять на процесс коммуникации.

Психологическая подготовка интервьюера

Качество получаемой с помощью опроса информации во многом определяется эффективностью работы интервьюера, что обуславливает важность его

психологической подготовки. Чем меньше ошибок допускает интервьюер, чем большим багажом знаний и умений он обладает, тем выше достоверность

результатов опроса³. Психологическая подготовка респондента включает в себя не только инструктаж, но и проведение тренировочных интервью, просмотр и разбор соответствующих видеозаписей, организацию встреч по обмену опытом и т. д. К сожалению, при обучении интервьюеров социологи делают акцент в основном на проблемах реализации выборки, стиле общения с респондентом, общих рекомендациях по ведению интервью и т. д. Что же касается обучения интервьюеров невербальному взаимодействию с респондентами, то оно практически полностью отсутствует.

В последнее десятилетие невербальные аспекты общения индивидов активно освещаются в широком междисциплинарном контексте, о чем свидетельствует издание большого количества учебных и практических пособий, самоучителей по невербальному общению, словарей жестов для психотерапевтов, журналистов и маркетологов в целях повышения эффективности их деятельности. Социологи же, недооценивая потенциал невербальных средств общения и не акцентируя внимания интервьюеров на невербальном взаимодействии с респондентом, упускают существенные возможности повышения эффективности интервью. Во-первых, с помощью невербальных сигналов человек передает в несколько раз больше информации, чем с помощью вербальных средств, причем на язык тела (позы, мимика, жесты) приходится более половины всего информационного потока. Во-вторых, в невербальной коммуникации участвуют одновременно несколько органов чувств: зрение, слух, обоняние и осязание. При вербальном же общении используется только слух. В-третьих, невербальное поведение является связанным с подсознанием человека, имеет произвольный характер и плохо поддается контролю, вследствие чего оно является более правдивым, чем вербальный язык, и раскрывает истинные помыслы говорящего. В-четвертых, невербальный язык не только сопут-

ствует речевой коммуникации, но и в ряде случаев существенно корректирует ее смысл.

Установлено, что интервьюер, обладающий психологическими знаниями, лучше рефлексировывает невербальные аспекты взаимодействия в интервью, точнее описывает невербальные индикаторы психологического состояния респондента и использует более разнообразные невербальные приемы, чем интервьюер, не имеющий таких знаний. В силу этого традиционные методы подготовки интервьюеров необходимо дополнять специализированными методиками, позволяющими обучить интервьюеров приемам невербального взаимодействия с респондентами. Самостоятельное освоение интервьюерами соответствующих знаний и навыков связано с большим количеством проб и ошибок.

Предпочтительными формами подготовки интервьюеров следует считать проведение встреч интервьюеров по обмену опытом, а также организацию для них психологических игр и тренингов, в ходе которых устраняются психологические зажимы и доводятся до автоматизма навыки по использованию невербальных приемов и отслеживанию невербальных сигналов респондента.

Сегодня систематизация подготовки лиц, участвующих в проведении социологических исследований, обретает все большую актуальность. Необходимо разработать специальную программу по обучению интервьюеров, которая будет включать не только традиционный инструктаж, но и лекции, просмотр и разбор видеозаписей интервью, встречи по обмену опытом, а также другие мероприятия, позволяющие интервьюерам познакомиться с основами невербального взаимодействия. Для эффективного проведения интервью наличие у интервьюеров определенных знаний является недостаточным, поэтому пристальное внимание следует уделить проведению специальных психологических игр и тренингов⁴.

Заключение

Таким образом, сегодня все больше теоретиков и практиков – специалистов в системе социальных процессов – начинают осознавать, что всестороннее знание психологии способствует повышению эффективности управления, решению кадровых вопросов, позволяет улучшить понимание причин-

но-следственных связей во всех социальных процессах. В настоящее время наблюдается процесс дифференциации социологических, психологических и социально-психологических наук. При этом специалисты приходят к выводу о том, что эти науки имеют глубокую и всестороннюю взаимосвязь.

Библиографические ссылки

1. Зиотдинова АБ. Метод опроса в социологическом исследовании. *Экономика и социум*. 2016;2(21):357–360.
2. Мягков АЮ. «Запечатанный буклет»: альтернативный метод сбора данных по сенситивной проблематике. *Социологический журнал*. 2001;4:16–31.

³Матовская А. В. Особенности невербального взаимодействия интервьюера и респондента в социологическом интервью : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01. М. : Ин-т социологии РАН, 2006. 24 с.

⁴Там же.

3. Чеховский ИВ. Интервью как способ получения информации в качественной стратегии исследовательского поиска. *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2009;4:20–25.
4. Квале С. *Исследовательское интервью*. Миронова МР, переводчик; Леонтьев ДА, редактор. Москва: Смысл; 2003. 301 с.
5. Готлиб АС. *Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты*. Самара: Универс-групп; 2004. 447 с.
6. Мамонт БВ. Функционально психологический аспект вопросной составляющей в рамках ведения интервью. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение*. 2008;3:88–90.
7. Белановский СА. Свободное интервью как метод социологического исследования. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 1991;2:5–19.
8. Чамокова ЭА, Чеснокова ВФ. Фокусированное интервью в исследовании восприятия искусства. В: Кудрина ТА, редактор. *Экспертные оценки и восприятие искусства*. Москва: НИИ культуры Министерства культуры РСФСР; 1977. с. 64–66.
9. Зайнетдинова ИФ. Социально-психологические проблемы интервью найма. *Психологический вестник Уральского государственного университета*. 2003;4:109–117.
10. Журавлёва ИВ. Психологические характеристики интервьюеров и вербальное поведение респондентов. *Вестник ИГЭУ*. 2006;1:74–78.
11. Ядов ВА. *Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности*. Москва: Добросвет; 2000. 596 с.
12. Ноэль Э. *Массовые опросы: введение в методику демокопии*. Мансуров НС, редактор. Москва: Ава-эстра; 1993. 272 с.
13. Журавлёва ИВ. Особенности интервью как разновидности метода опроса. В: Андреенков ВГ, Маслова ОМ, редакторы. *Методы сбора информации в социологических исследованиях. Книга 1, Социологический опрос*. Москва: Наука; 1990. с. 125–149.

References

1. Ziotdinova AB. [Method of survey in sociological research]. *Ekonomika i sotsium*. 2016;2(21):357–360. Russian.
2. Myagkov AYU. «Sealed booklet»: the using of sensitive questions in survey research. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2001;4:16–31. Russian.
3. Chekhovskii IV. Interview as a tool to obtain information in qualitative research strategy. *RUDN Journal of Sociology*. 2009;4:20–25. Russian.
4. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yū* [Research interview]. Mironova MR, translator; Leont'ev DA, editor. Moscow: Smysl; 2003. 301 p. Russian.
5. Gotlib AS. *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatel'nye i ekzistentsial'nye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara: Univers-grupp; 2004. 447 p. Russian.
6. Mamont BV. [Functional psychological aspect of the question component in the framework of conducting interviews]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Filologiya i iskusstvovedenie*. 2008;3:88–90. Russian.
7. Belanovskii SA. [Free interview as a method of sociological research]. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 1991;2:5–19. Russian.
8. Chamokova EA, Chesnokova VF. [Focused interview in the study of art perception]. In: Kudrina TA, editor. *Ekspertnye otsenki i vospriyatie iskusstva* [Expert assessments and perception of art]. Moscow: NII kul'tury Ministerstva kul'tury RSFSR; 1977. p. 64–66. Russian.
9. Zainetdinova IF. [Socio-psychological problems of interviewing hiring]. *Psikhologicheskii vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2003;4:109–117. Russian.
10. Zhuravlyova IV. Interviewers' psychological description and respondents' verbal behaviour. *Bulletin ISPEU*. 2006;1:74–78. Russian.
11. Yadov VA. *Strategiya sotsiologicheskogo issledovaniya. Opisaniye, ob'yasneniye, ponimaniye sotsial'noi real'nosti* [Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality]. Moscow: Dobrosvet; 2000. 596 p. Russian.
12. Noel E. *Massovye oprosy: vvedeniye v metodiku demoskopii* [Mass surveys: introduction to the methodology of demoscropy]. Mansurov NS, editor. Moscow: Ava-estra; 1993. 272 p. Russian.
13. Zhuravlyova IV. [Features of interviews as varieties of the survey method]. In: Andreenkov VG, Maslova OM, editors. *Metody sbora informatsii v sotsiologicheskikh issledovaniyakh. Kniga 1, Sotsiologicheskii opros* [Methods of collecting information in sociological research. Book 1, Sociological survey]. Moscow: Nauka, 1990. p. 125–149. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2024.
Received by editorial board 09.03.2024.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.014

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СТРАНОВОМ ИЗМЕРЕНИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Т. В. БУРАК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются современные теории повседневности в европейской социологии. Показывается своеобразие поисков объяснения повседневного мира, которое обусловлено методологическими традициями, характерными для социологии той или иной страны. Проводится историко-социологический анализ концепций повседневности, направленный на выявление значения методологических оснований для формирования ряда направлений: теории социального воображаемого анализа (К. Касториadis), теории чувственного анализа (П. Сансо), теории насильственного анализа (Ж.-Л. Бодри), теории эстетического анализа (М. Маффесоли), теории игрового анализа (Р. Кайуа), теории вещного анализа (Б. Латур) и теории множественности режимов (Л. Болтански, Л. Тевено) во французской социологии, герменевтической социологии знания (Х.-Г. Зёффнер), социолингвистического подхода (Р. Хитцлер, Х. Кноблаух) и теории выбора фреймов (Х. Эссер) в немецкой социологии, а также теории социальной экзистенции и визуальной социологии в польской социологии (П. Штомпка).

Ключевые слова: социологические теории повседневности; герменевтическая социология знания; теория выбора рамок; социолингвистический подход; социальное воображаемое; множественность режимов; социальная экзистенция.

Образец цитирования:

Бурак ТВ. Социологические теории повседневности в страновом измерении: предпосылки формирования и основные направления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:29–37. EDN: HCDCTL

For citation:

Burak TV. Sociological theories of everyday life in the country dimension: prerequisites for the formation and basic approaches. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:29–37. Russian. EDN: HCDCTL

Автор:

Татьяна Викторовна Бурак – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana V. Burak, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
buraktv@bsu.by

SOCIOLOGICAL THEORIES OF EVERYDAY LIFE IN THE COUNTRY DIMENSION: PREREQUISITES FOR THE FORMATION AND BASIC APPROACHES

T. V. BURAK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Modern theories of everyday life in the European sociology are considered. The uniqueness of the search for an explanation of the everyday world is shown, which is determined by the methodological traditions characteristic of the sociology of a particular country. A historical and sociological analysis of the concepts of everyday life is carried out, aimed at identifying the importance of methodological foundations for the formation of the following areas: the theory of social imaginary analysis (C. Castoriadis), the theory of sensory analysis (P. Sansot), the theory of violent analysis (J.-L. Baudry), the theory of aesthetic analysis (M. Maffesoli), the theory of game analysis (R. Caillois), the theory of material analysis (B. Latour) and the theory of multiple modes (L. Boltanski, L. Thévenot) in French sociology, hermeneutical sociology of knowledge (H.-G. Soeffner), socio-linguistic approach (R. Hitzler, H. Knoblauch) and frame-selection theory (H. Esser) in German sociology, as well as the theory of social existence and visual sociology in Polish sociology (P. Sztompka).

Keywords: sociological theories of everyday life; hermeneutic sociology of knowledge; frame-selection theory; socio-linguistic approach; social imaginary; multiplicity of modes; social existence.

Введение

Для оформившихся в социологической науке парадигм характерно своеобразие в выборе методологических подходов к изучению и интерпретации социальности. Особое значение с точки зрения понимания тенденций развития социологии имеет классический этап социологической мысли конца XIX – начала XX в., поскольку разработанные в этот период положения и концепты составляют активное ядро парадигм интеллектуальных школ XX–XXI вв.

Историко-социологический анализ предполагает рефлексию развития социологической науки, ее полезных начинаний и перспектив. При этом большое

значение приобретает сравнительно-исторический метод исследования, который основан на рассмотрении социологических парадигм, теорий и идей в национальном (по странам), биографическом (по персоналиям), временном (по периодам) и социокультурном (по событиям, социокультурным, политическим, экономическим условиям и т. д.) контекстах. В связи с этим представляется важным охарактеризовать состояние современной социологии повседневности по пространственному признаку, анализируя национальное своеобразие теорий повседневности и учитывая их обусловленность методологическими традициями.

Теоретические основы исследования

Рассматриваемые направления исследования мира повседневности выделены на основе анализа актуальных в европейской науке социологических подходов с помощью сравнительно-исторического, проблемно-хронологического и ретроспективного методов. Сравнительно-исторический метод позволяет обнаружить качественные изменения на разных этапах развития теорий повседневности. Проблемно-хронологический метод дает возможность выявить взаимосвязь интерпретаций социальных явлений повседневности и особенности углубления социологических знаний в этой области на протяжении развития научного знания. Ретроспективный метод необходим для изучения процесса движения мысли исследователя от настоящего к прошлому.

Выделение общих векторов в формировании социологических моделей объяснения социальных явлений повседневности осуществлялось по странам, в которых разработки в данной области исследо-

ваний получили мировую известность. В качестве основы интерпретации повседневной жизни были выделены теория социального воображаемого, теория чувственного, теория насильственного, теория эстетического, теория игрового, теория множественности режимов вовлеченности, герменевтическая социология знания, социолингвистический подход, теория выбора фреймов, а также концепция социальной экзистенции. При этом в ходе оценки своеобразия подходов к изучению мира повседневности в разных странах учитывались национальные методологические традиции.

Классический этап развития социологии обусловил формирование парадигмального разнообразия социологии повседневности отдельных стран. Так, при рассмотрении концепции немецкой социологической школы необходимо учитывать роль в ее формировании таких социологов, как К. Маркс (1818–1903), Г. Зиммель (1858–1918) и М. Вебер (1864–1920). Уста-

новки указанных мыслителей, особенно М. Вебера, значительно повлияли на развитие моделей интерпретации социальных явлений повседневной жизни в немецкоязычных университетах. Формирование методологического контекста развития французской социологии повседневности было обусловлено влиянием теоретических разработок классиков французской социологической школы Э. Дюркгейма (1858–1917) и Г. Тарда (1843–1904), а затем положений французского структурализма. Истоки изучения повседневной

жизни в польской социологической науке обнаруживаются в междисциплинарном поле эмпирических статистических, исторических, этнологических и социологических исследований XIX – начала XX в., посвященных в основном проблемам повседневной жизни молодежи, пролетариата и эмигрантов. В данном контексте уместно упомянуть работы В. Грабского, К. Кжечковского, Ф. Буяка, М. Лучевского, Л. Кжиwickого, Д. Быстрона, Ф. Знанецкого, М. Маловиста, В. Кула [1].

Результаты и их обсуждение: характеристика концепций повседневности в современной социологии

Социология повседневности характеризуется тематическим разнообразием как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Общие исходные положения концепций повседневности отражены в многообразии моделей интерпретации социальных явлений привычного, что связано прежде всего с множественностью самой реальности обыденной жизни. Представляется необходимым охарактеризовать основные направления теоретических поисков в области изучения рутинных и неявных аспектов социального в контексте развития социологической науки в европейских странах. Такой подход позволит выявить своеобразие теорий повседневности, обусловленное парадигмальными предпочтениями социологов в разных национальных контекстах.

Наибольший вклад в развитие социологии повседневности, на наш взгляд, внесли немецкие, французские и польские исследователи. Во многом именно благодаря им были сформированы наиболее известные теоретические модели интерпретации мира повседневности.

Развитие немецкой социологии повседневности связано с несколькими теоретическими направлениями, получившими популярность в немецкоязычных университетах. Речь идет о герменевтической социологии знания (Х.-Г. Зёффнер¹), теории выбора фреймов (Х. Эссер²) и социолингвистическом подходе (Р. Хитцлер³, Х. Кноблаух⁴). Популярность данных теоретических направлений связана с возросшим в 1980-х гг. интересом к теории социального действия и теории рационального выбора.

Современная немецкая социология повседневности активно использует методологическое требова-

ние М. Вебера о постижении значения социального действия посредством обнаружения причинно-следственных связей и истолкования индивидуальных мотивов, которые представляются действующему лицу адекватной моделью поведения. В немецкой науке оформление интерпретирующей социологии было сопряжено с развитием качественных исследований, социологии знания (возникшей из ранее популярной лингвистической социологии) и объективной герменевтики [2]. Для немецкой социологии повседневности характерно сильное влияние результатов исследований текста и языка, направленных на анализ обыденной коммуникации и реконструкцию смыслов с применением понятий А. Шюца. Ранние версии теоретических концепций Х.-Г. Зёффнера, Х. Кноблауха, Р. Хитцлера, Дж. Райхерта и других немецких авторов вариативно были представлены в рамках социологии языка, социолингвистики и интеракционизма. Однако затем эти поиски объединились в направлении исследований повседневности с оформлением в социологию знания, что, по мнению Р. Хитцлера, связано с ограниченностью применения методов конверсационного анализа для описания традиционных для социологии проблем [2]. В результате в современной немецкой социологии лидерами в исследованиях повседневной жизни являются герменевтическая социология знания и теория выбора фреймов.

Особое место в современных немецких социологических концепциях повседневности занимает подход, связывающий социологию знания и герменевтику. Герменевтическая социология знания, автором которой является Х.-Г. Зёффнер, была заявлена как

¹Х.-Г. Зёффнер (H.-G. Soeffner, р. в 1939 г.) – немецкий социолог, основатель герменевтической социологии знания в Германии. Ключевыми направлениями его научного интереса являются исследования в сфере коммуникации, символов, языка и текста, методологии герменевтической социологии знания, социологии культуры, средств массовой информации и религии. В 2007–2011 гг. Х.-Г. Зёффнер занимал пост президента Немецкого социологического общества.

²Х. Эссер (H. Esser, р. в 1943 г.) – профессор социологии в Маннгеймском университете, автор подхода, основанного на теории рационального выбора. В 2000 г. за книгу «Социология. Общие основания» ученый был удостоен премии Немецкого социологического общества.

³Р. Хитцлер (R. Hitzler, р. в 1950 г.) – немецкий социолог, профессор Технического университета Дортмунда, один из основателей герменевтической социологии знания в Германии.

⁴Х. Кноблаух (H. Knoblauch, р. в 1959 г.) – немецкий социолог, профессор Технического университета Берлина, исследователь в области социолингвистики. Его основные работы посвящены визуальной социологии, социологии знания и конверсационному анализу.

теория и гибкая методология, требующая практического применения теоретических высказываний и глубинного понимания данных [3].

Герменевтическая социология знания проводит параллели между повседневным и научным пониманием и подчеркивает, что начинать следует с анализа действия, рутинной практики, применяемой в повседневном опыте. Предназначение данной методологии выражается в интерпретации повседневного поведения, охватывающего все виды социальной интеракции. Предметом данного подхода автор обозначает общественное знание, реконструированное и выраженное субъектами. Речь идет о социальном знании по поводу решения социальных проблем, выраженном в практиках поведения и помещенном в историческую перспективу: «...субъекты всегда решают проблемы с помощью действий»⁵ [4]. Здесь мы обнаруживаем отражение позиции М. Вебера в понимании социального действия как действия, которое всегда содержит субъективно подразумеваемый и обнаруживаемый в мотивах поведения смысл. Как полагал Х.-Г. Зёффнер, именно такая формулировка предметной области позволяет заявить герменевтическую социологию знания не как метод, а как методологию (в отличие от объективной герменевтики), а также выйти за пределы анализа текстов.

Методологическую основу подхода Х.-Г. Зёффнера составляют теоретические разработки М. Вебера, А. Шюца, Дж. Мида, Т. Лукмана, А. Страуса и других мыслителей. Вопрос о методе герменевтической социологии знания Х.-Г. Зёффнер решает, проводя различие между обоснованием процессов понимания в теориях А. Шюца и Дж. Мида. Причем более применимой в социологическом исследовании ученому представляется подход А. Шюца, но в обосновании своей теории он опирается прежде всего на установки понимающей социологии М. Вебера. Так, в герменевтической социологии знания Х.-Г. Зёффнера фокус внимания определяется принципами диагностики современности и исторической реконструкции, предполагающими построение веберовских идеальных типов для изучения конкретных проблем [4]. Именно поэтому автор, допуская разнообразие методов в зависимости от предмета исследовательского интереса, основным инструментом герменевтической социологии знания полагает качественный секвенционный анализ, позволяющий реконструировать последовательность образов, действий, фотографий, отклонений от конституированных правил, их мотивов и т. д. [5]. Важным требованием, предъявляемым к данному методу, является осуществление анализа последовательностей на основе эмпирически обоснованной теории действия [4]. В наибольшей степени этому требованию, по мнению Х.-Г. Зёффнера, соответствует объяснительный потенциал теории действия М. Вебера.

Среди теорий, объясняющих коллективные феномены повседневности в немецкой социологии, необходимо выделить теорию выбора фреймов, автором которой является Х. Эссер. В работах «Социология. Общие основания» (1993) и «Социология. Специальные основания» (1999) он представил свою версию теории рационального выбора, дополнив ее принципами фрейм-анализа. Х. Эссер описывает социальное действие во взаимосвязи понятий «фрейм», «определение ситуации», «ожидание выгоды» и «мотивация» и рассматривает его как рациональное действие, которому предшествуют определение ситуации и выбор между спонтанно-автоматической и калькулирующей активацией фрейма. С одной стороны, данная объяснительная модель во многом отсылает нас к концептам У. Томаса, И. Гофмана, Т. Парсонса, а также к понятию рациональности М. Вебера и исследованиям форм обобществления, правил такта и контекста Г. Зиммеля. С другой стороны, Х. Эссер обосновывает необходимость применения теории рационального выбора для описания индивидуального действия, признавая, что акторы всегда стремятся максимизировать субъективно ожидаемую выгоду с учетом ситуативно заданных вариантов и изменяющихся условий.

Модель социального действия Х. Эссера соединяет возможности микро- и макроанализа и реализуется на нескольких последовательных этапах: логика ситуации – логика отбора действия – логика агрегаций [6]. Сначала субъект перебирает когнитивные модели и применяет их к конкретной ситуации, опираясь на прошлый опыт. На данном этапе речь идет о процедуре определения ситуации У. Томаса, которая основана на восприятии внешних условий, институциональных правил и внутренних установок. В ходе этой процедуры актор выбирает специфическую модель ситуации, в соответствии с которой он будет осуществлять свой выбор в дальнейшем. Затем осуществляется процесс снятия «неопределенной множественности» [7, S. 62], получивший в теории Х. Эссера название «фрейминг» [6]. Под ним подразумевается осознанный отбор фрейма и инструкции и относительно автоматическое определение модуса выбора решения [8]. Знание о ситуации необходимо для того, чтобы выбрать цель и средства для ее достижения. С точки зрения оценивания полезности результатов действия происходит выбор фрейма, позволяющего структурировать ситуацию и активировать цель с помощью определенного функционального, культурного и нормативного кода. С учетом выбранного фрейма разрабатывается инструкция, устанавливающая алгоритм действий, которые могут обеспечить наиболее эффективное соответствие средства и цели. Степень рациональности решения относительно фрейма и инструкции зависит от модуса, выбираемого субъектом с помощью так называемого нормального случая

⁵Перевод наш. – Т. Б.

повседневного действия [8]. По сути, это отработанная на прошлом опыте интернализованная рутинная модель, которая в одних случаях позволяет субъекту приводить в действие спонтанно-автоматический модус и фрейм рутины, а в других случаях – рефлексирующий модус, требующий довольно длительной обработки информации и сопоставления вариантов действия, субъективных ожиданий эффективности и оценок последствий с позиции субъективно ожидаемой выгоды [6, S. 54]. При этом в первом случае большее значение для субъекта имеет уверенность в определении ситуации, а во втором случае – субъективно ожидаемая выгода. Х. Эссер показывает, каким образом ситуации структурируют поведение людей [7, S. 32].

В рамках описанной модели социологического объяснения действия Х. Эссер определяет коллективные явления как результат индивидуальных действий и ограниченной, меняющейся рациональности, конструируя интерпретацию мира повседневности на уровне макро- и микросвязей между ситуацией и актором, между актором и поведением, а также между действием и коллективными явлениями. Таким образом, ситуационный анализ микроуровня субъекта и социальных действий, обусловленных повседневным опытом, Х. Эссер интегрирует в объяснение макроструктур, требующих организации совместной деятельности.

В парадигматическом разнообразии теорий повседневности выделяется французская социология. Традиционным для французских исследователей обычного мира стало понимание повседневной жизни как сферы воображаемого, а также утверждение о первичности структуры отношений между ее элементами. Первая подобная установка была разработана французским социологом Ж. Дюраном⁶. Вторая установка была унаследована от структурализма и постструктурализма, признающих необходимость изучения поведения человека через анализ структуры языка и определяющих социальный мир как мир значений.

В области исследования повседневности Ж. Дюран является значимой фигурой. Его теория антропологической структуры воображаемого предлагает иное понимание реальности, согласно которому смысл находится где-то между воображаемым, воображающим и воображением, между объективной реальностью и субъективностью. Для определения этого места автор использует термин *l'imaginaire*, который

означает «воображаемое». Понимание Ж. Дюраном воображения близко к пониманию конвенционального знака, транслирующего смысл. Предложенная ученым модель обоснования первичности воображения в организации совместной жизни в дальнейшем оформилась в группу нескольких направлений исследований социальных явлений повседневности: в теории социального воображаемого К. Касториадиса, социологии чувственного П. Сансо, теории насилия в кино Ж.-Л. Бодри, теории игровых ситуаций Р. Кайуа, теории эстетического опыта М. Маффесоли. Каждая из перечисленных теорий предлагает свой вариант объяснения отношений «воображаемое – воображающий – воображение» и их значения для повседневности.

Обнаруживая взаимосвязи понятий «воображаемое», «практика», «коллективное бессознательное», «означаемое» и «означающее», К. Касториадис⁷ рассматривает социальную реальность как реальность, в которой воображаемое социальных значений является условием любого мышления, придавая миру определенную форму. Следовательно, общество и конструирует мир значений, и оформляется благодаря этому: социальные явления выступают тем, что они есть, посредством значений, которые они образуют [9, с. 434–445].

Еще один представитель дюрановской школы П. Сансо⁸ определяет воображение как связующее звено между идеальным типом и чувственным миром. Правда, в отличие от Ж. Дюрана он не стремится к выявлению антропологических структур воображаемого. В фокусе его внимания находятся явления, доступные нашим чувствам в разном повседневном контексте, поскольку именно игра эмоций порождает воображаемое. Так, например, в спорте желание воображать возникает благодаря восхищению сидящих на трибунах, страстному стремлению спортсмена победить, а также благодаря драматизации происходящего [10]. Человек, помещенный в повседневность, таким образом производит знаки в речи и действиях. Для П. Сансо категория «чувственное» важна для понимания повседневности [10], исследование которой требует применения описательного анализа ритуализированного чувственного мира. При этом П. Сансо во многом не соглашался с подходом И. Гофмана, обвиняя последнего в излишней формальности.

Теория кино Ж.-Л. Бодри⁹ помещает в центр внимания повседневную коммуникацию между автором

⁶Ж. Дюран (G. Durand, 1921–2012) – французский философ, антрополог и социолог, автор социологии воображаемого. Ж. Дюран предпринял попытку связать структуралистский метод, психоанализ, социологию, исследования религии и мифологии.

⁷К. Касториадис (C. Castoriadis, 1922–1997) – греко-французский философ, психоаналитик, социолог. Он занимался развитием теории социального воображаемого, характеризующего уровень значений, который не выводится из рациональности самой реальности.

⁸П. Сансо (P. Sansot, 1928–2005) – французский социолог и антрополог, последователь Ж. Дюрана. Основные работы ученого посвящены вопросам социологии чувственного мира и городской социологии.

⁹Ж.-Л. Бодри (J.-L. Baudry, 1930–2015) – французский социолог, структуралист, автор теории кино. В его работах представлено понимание фильма как текста со спецификой репрезентации, создания впечатления реальности и отождествления зрителя с субъектом видения, чью точку зрения представляет камера.

и зрителем, в которой механизм воздействия реализуется посредством создания целостного и дискретного образов. Кино в данном случае рассматривается не только как завершенная конструкция, составленная из последовательности деталей и их взаимоотношений, но и как идеологический продукт, устанавливающий смыслы и реакции на них. Таким образом, границы теоретического объяснения Ж.-Л. Бодри маркируются понятием двойной идентификации – идентификации персонажа и субъекта, чью позицию отображает камера [11]. В результате кино осуществляет практику визуального насилия по отношению к зрителю через восприятие глазами персонажа и воображение ощущения реальности кино как реальности Я.

Отталкиваясь от концептуальной модели структуры воображаемого, французский исследователь Р. Кайуа¹⁰ переходит к анализу взаимодействия воображаемого, символического и игрового. Он разделяет игровые ситуации на следующие группы: симуляция; игры, основанные на механизме случайности; игры-соревнования; игры, основанные на изменении сознания [12, с. 84–86]. В разных формах повседневных игр обнаруживается преобладание какого-либо принципа: симуляции, случайности, соревновательности или головокружения. При этом все указанные группы игровых ситуаций Р. Кайуа характеризует также по степени контролируемости.

Еще один вариант развития идеи первичности социального воображаемого Ж. Дюрана представлен в теории эстетики М. Маффесоли¹¹. Свои исследования он начинал с анализа значения воображаемого для исторических изменений, в основном рассматривая идеологии и утопии. Несмотря на то что М. Маффесоли работал над диссертацией под научным руководством Ж. Дюрана, а затем они совместно возглавляли Центр исследований воображаемого (Гренобль, Франция), теоретическая разработка М. Маффесоли имеет свой объяснительный потенциал для интерпретации повседневной действительности. Тот факт, что в теории М. Маффесоли появляется некоторый феноменологический аспект, обозначает применимость данной теории к анализу ритмов повседневной жизни [13] во взаимосвязи социальности, воображаемого и эмпирического опыта. Стремясь к описанию современного общества, М. Маффесоли обращается к изучению пространства общего и разделяемого опыта совместных чувств и переживания мира, т. е. пространства повседневной совместной жизни. Он делает вывод о том, что

высвобождаемая при этом сила воображаемого становится источником жизненной энергии, которая объединяет общество. Следовательно, коллективный опыт мобилизует силу идей, фантазий и представлений [14]. Для повседневной жизни характерен свой стиль, поэтому задачей социологии, в интерпретации М. Маффесоли, становится его выявление. Наиболее применимой социологу представляется модель исследования форм обобществления Г. Зиммеля. Однако формой для М. Маффесоли выступают скорее ограничивающие условия существования смысла, которые проявляются в конкретных ситуациях.

Еще одну часть социологических интерпретаций мира повседневных явлений представляют теории французских социологов, которые продолжают традиции фрейм-анализа. Теорию прагматических режимов вовлеченности развивают в совместных работах Л. Болтански¹² и Л. Тевено¹³, описывая социальность в многообразии действий и взаимодействий на всех уровнях.

Используя термин И. Гофмана «вовлеченность», Л. Болтански и Л. Тевено ставят перед социологией задачу сравнить порядки действия и анализа переходов от одного режима вовлеченности к другому. Предполагается, что это позволяет обнаружить связи между знаниями, представлениями и убеждениями акторов, с одной стороны, и коллективными формами поведения в конкретных ситуациях, с другой [15]. Теория прагматических режимов содержательно иначе и шире наполняет гофмановский концепт, характеризуя вовлеченность как наличие множества способов восприятия и оценивания социальной и предметной среды и последующего приспособления к ней. Поведение актора в условиях такой множественности способов, как подчеркивают Л. Тевено и Л. Болтански, всегда будет направлено на интегрирование разных эмпирических форм вовлеченности.

Л. Тевено упорядочил совместные с Л. Болтански разработки, представив их в матрице анализа действия, где множественность реальности измеряется в трех режимах: в режиме рационального (телеологического) действия; в режиме публичного обоснования (оправдания); в режиме привычного (близости). Как полагал Л. Тевено, режимы вовлеченности, имеющие аналитическую основу, используются акторами для понимания своего поведения. В частности, определение значения и реализации режима повседневности требует не четкого следования плану (как в режиме рационального действия) или коллективному сознанию (как в режиме публичного обоснования),

¹⁰Р. Кайуа (R. Caillois, 1913–1978) – французский эссеист, философ, социолог, антрополог, исследовавший структуры воображения, массовые представления и праздники, ритуальные практики и игровые ситуации.

¹¹М. Маффесоли (M. Maffesoli, р. в 1944 г.) – французский социолог, автор социологии постмодерна, исследователь влияния жизни «здесь и сейчас» на поведение масс.

¹²Л. Болтански (L. Boltanski, р. в 1940 г.) – французский социолог, основатель исследовательского центра, ведущий представитель прагматической школы в рамках французской социологии.

¹³Л. Тевено (L. Thévenot, р. в 1949 г.) – французский социолог, директор Высшей школы социальных наук (Париж, Франция), автор теории режимов вовлеченности.

а использования привычного прошлого и локального опыта, наличия подлинности, уверенности и близости в отношениях, персонификации предметов, овеществления личности и ее стремления к активному поиску информации в конкретной ситуации [15–17].

Во французской социологии оформилось также влиятельное направление исследования вещного мира повседневности. Обоснованием необходимости анализа предметной перспективы занимался Б. Латур¹⁴. Его акторно-сетевая теория позволяет по-новому взглянуть на повседневное взаимодействие и тем самым расширить возможности социологического знания, акцентировав внимание на значении вещных артефактов в организации социального порядка. Основная идея Б. Латура состоит в том, что не только люди, но и предметы являются субъектами действия, активизирующими действия других участников повседневных ситуаций. Для обозначения действующего социолога вместо привычных терминов «агент» и «субъект» использует понятие «актант», охватывающее все разнообразие человеческих и нечеловеческих субъектов, которые обладают способностями действующего. Кроме того, теория Б. Латура отличается от других сетевых теорий тем, что она фокусируется на сетях как на эффективной организационной форме и среде, в которой посредством отношений с другими субъектами формируются значения и смыслы. Следовательно, целостность сети воспроизводится в ходе взаимодействия не только актантов, но и эмоций, идей и опыта. В интерпретации ученого все субъекты в реальности выступают акторами, которые побуждают друг друга к действиям. Нет ничего, кроме сетей [18]. Имеет значение только то, как акторы относятся друг к другу. Для Б. Латура особый интерес представляет также проблема социальных изменений. Именно сюда ведут истоки определения сети как актора и актора как сети [19, s. 65–66], которые существуют только во взаимных отношениях и влияниях. Можно полагать, что акторно-сетевая теория Б. Латура предлагает дополнительную перспективу интерпретации современных явлений и преобразований социальности.

Невозможно не обратить внимание на развитие польской социологии повседневности, которая связана прежде всего с именем П. Штомпки¹⁵, автора теории социальной экзистенции и общественного события. Значительная часть его публикаций посвящена вопросам визуальной социологии и социологии

повседневности. Авторитет П. Штомпки, как специалиста, в области качественных исследований обыденного мира признан не только в европейской, но и в мировой социологии. На формирование его взглядов как социолога наибольшее влияние оказал Р. Мертон. По нашему мнению, теорию П. Штомпки следует рассматривать скорее как попытку свести теоретико-методологические поиски социологов разных стран в единую систему.

В своих работах польский социолог представил социологию социальной экзистенции, которая направлена на изучение повседневной жизни и коллективных символических систем, определяющих социальные практики и взаимодействие [20, s. 18–19]. В этой модели точкой отсчета выступают понятия «социальная экзистенция» и «общественное событие», соединяющие макро- и микроуровень анализа. Такая терминология позволяет рассматривать повседневность как часть общественной жизни и определять общество как изменчивую сеть социальных отношений, трактуя общественное событие в качестве множественных действий людей в отношении друг друга в общей ситуации [21, s. 24].

Повседневная коммуникация в рамках общественного события имеет следующие социальные элементы: участники события, наличие которых не только устанавливает тип и правила интеракции, но и поддерживает ощущение соприсутствия; наличие «зрителей» (с минимальной степенью вовлеченности); социальный контекст или контексты, между которыми осуществляется переход в коммуникации (контекст обуславливает преобразование значения сообщения); типичные и стилизованные практики; социальный случай и локализации, типичные для разных контекстов и типов интеракции; последовательность процедур, формирующих значения повседневной ситуации; временные маркеры, устанавливающие начало и окончание интеракции, а также переходы от одного фрагмента деятельности к другому; социальные ритуалы, придающие символическое содержание совместным повседневным практикам; театрализация, основанная на поддержании правил презентации [21, s. 26–30]. Представленная П. Штомпкой модель исследования повседневности позволяет определить повседневную жизнь как часть социальной реальности, которая всегда подлежит интерпретации людьми и имеет для них субъективную значимость.

Заключение

Составить целостное представление о перспективах развития социологии повседневности позволит историко-социологический анализ идей, теорий,

концептов, парадигм и подходов с учетом национальных методологических традиций. Рассмотрение разных моделей интерпретации повседневности на

¹⁴Б. Латур (B. Latour, 1947–2022) – французский социолог, автор акторно-сетевой теории.

¹⁵П. Штомпка (P. Sztompka, р. в 1944 г.) – польский социолог, значимая фигура в области социологического изучения мира повседневности. В 2007 г. его книга «Доверие» получила награду «Краковская книга месяца». В 2002–2006 гг. П. Штомпка являлся президентом Международной социологической ассоциации.

современном этапе европейской социологической мысли дает основание сделать вывод о наибольшей представленности исследований социальных явлений повседневности в немецкой, французской и польской науке. Своеобразие теорий повседневности в немецкоязычных университетах обусловлено сильным влиянием понимающей социологии М. Вебера и представлено двумя ведущими методологическими направлениями: герменевтической социологией знания и теорией выбора фреймов. Характерной чертой социологии повседневности в Германии является намерение делать акцент на влиянии индивидуальных действий на социальную структуру и обусловленности действия ситуативными структурами. Французская социология повседневности имеет два вектора. К первому вектору следует отнести теории, которые продолжают тра-

диции, заданные французским структурализмом и концепцией социального воображаемого Ж. Дюррана. Ко второму вектору относятся теории, основанные на методологии значимых американских социологов, которые занимались исследованиями повседневного мира. Особую известность, во многом благодаря научной активности П. Штомпки, приобрела также польская школа социологии в области изучения привычных действий и практик. Теория П. Штомпки является современной версией обоснования методов социологии повседневности и ее значения в системе социологического знания с опорой на достаточно богатую историю развития исследований повседневного предшествующими польскими социологами (Ф. Знанецкий и др.), а также на достижения американской и европейской науки.

Библиографические ссылки

1. Mateja-Jaworska B, Zawodna-Stephan M. *Zmieniająca się codzienność. Wybrane tradycje badań nad codziennością w Polsce*. W: Mateja-Jaworska B, Zawodna-Stephan M, redactorzy. *Życie codzienne (w) Archiwum*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza; 2019. S. 17–65.
2. Hitzler R. Sinnrekonstruktion. Zum Stand der Diskussion (in) der deutschsprachigen interpretativen Soziologie. *Forum: Qualitative Sozialforschung*. 2002;3(2):7. DOI: 10.17169/fqs-3.2.867.
3. Kurt R, Herbrich R. Sozialwissenschaftliche Hermeneutik und hermeneutische Wissenssoziologie. In: Baur N, Blasius J, Herausgeber. *Handbuch Methoden der empirischen Sozialforschung*. Wiesbaden: Springer Fachmedien; 2014. S. 473–491.
4. Soeffner H-G, Reichertz JD. Handlungsrepertoire von Gesellschaften erweitern. *Forum: Qualitative Sozialforschung* [Internet]. 2004 [zitiert 12 Juni 2024];5(3):29. Verfügbar für: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/561/1216>.
5. Soeffner H-G. *Auslegung des Alltags – der Alltag der Auslegung. Zur wissenssoziologischen Konzeption einer sozialwissenschaftlichen Hermeneutik*. Frankfurt am Main: UVK; 2004. 321 S.
6. Esser H. *Soziologie. Allgemeine Grundlagen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1993. 640 S.
7. Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 1: Situationslogik und Handeln*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1999. 507 S.
8. Greshoff R, Schimank U, Herausgeber. *Integrative Sozialtheorie? Esser – Luhmann – Weber* [Internet]. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften; 2006 [zitiert 2023 November 10]. 582 S. Verfügbar für: <https://link.springer.com/content/pdf/bfm:978-3-531-90259-3/1?pdf=chapter%20toc>.
9. Касториadis К. *Воображаемое установление общества*. Волкова Г, Офертас С, переводчики. Москва: Логос; 2003. 479 с.
10. Le Pogam P-Y. L'anthropo-sociologie poétique de Pierre Sansot: les sports et le sensible. *Le développement du sport*. 1995;1:1–44. DOI: 10.4000/corpusculture.264.
11. Бодри Ж-Л. Идеологические эффекты базового кинематографического аппарата. Вивсянюк О, переводчик. *Cine-ticle* [Интернет]. 2017 [процитировано 26 апреля 2024 г.]. Доступно по: <https://cineticle.com/23-0-jean-louis-baudry-ideological-effects/>.
12. Кайуа Р. *Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры*. Зенкин СН, составитель и переводчик. Москва: Обьединенное гуманитарное издательство; 2007. 304 с.
13. Maffesoli M. *Le rythme de la vie*. Paris: Table Ronde; 2004. 260 p.
14. Keller R. *Michel Maffesoli: Die Wiederkehr der Stämme in der Postmoderne Michel Maffesoli: eine Einführung* [Internet]. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft [Internet]. 2006 [cited 2024 January 19]. Available from: <https://docplayer.org/190761444-Michel-maffesoli-die-wiederkehr-der-staemme-in-der-postmoderne.html>.
15. Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности. Ковенев О, переводчик. *Новое литературное обозрение* [Интернет]. 2006 [процитировано 9 сентября 2023 г.];1. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguraczii-v-gumanitarnyh-naukah-i-figuraczii-soczialnoj-obshhnosti.html>.
16. Тевено Л. Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой. Хлопин АД, переводчик. *Социологический журнал* [Интернет]. 2006 [процитировано 9 сентября 2023 г.];3–4:5–24. Доступно по: <http://www.socjournal.ru/review/614>.
17. Thévenot L. Grand résumé de L'Action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. *SociologieS* [Internet]. 2006 [cité 2024 juin 6]. Disponible par: <http://journals.openedition.org/sociologies/3572>.
18. Latour B. On actor-network theory: a few clarifications. *Soziale Welt* [Internet]. 1996 [cited 2024 April 11];47(4):369–381. Available from: <http://www.jstor.org/stable/40878163>.
19. Latour B. *Splatając na nowo to, co społeczne. Wprowadzenie do teorii aktora sieci*. Derra A, Arbiszewski K, tłumaczy. Kraków: Universitas; 2010. 446 s.
20. Sztompka P. *Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN; 2005. 150 s.
21. Sztompka P. *Życie codzienne – temat najnowszej socjologii*. W: Sztompka P, Boguni-Borowska M, redaktorzy. *Socjologia Codzienności*. Kraków: Wydawnictwo Znak; 2008. S. 15–53.

References

1. Mateja-Jaworska B, Zawodna-Stephan M. *Zmieniająca się codzienność. Wybrane tradycje badań nad codziennością w Polsce*. W: Mateja-Jaworska B, Zawodna-Stephan M, redaktorzy. *Życie codzienne (w) Archiwum*. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza; 2019. S. 17–65.
2. Hitzler R. Sinnrekonstruktion. Zum Stand der Diskussion (in) der deutschsprachigen interpretativen Soziologie. *Forum Qualitative Sozialforschung*. 2002;3(2):7. DOI: 10.17169/fqs-3.2.867.
3. Kurt R, Herbrich R. Sozialwissenschaftliche Hermeneutik und hermeneutische Wissenssoziologie. In: Baur N, Blasius J, Herausgeber. *Handbuch Methoden der empirischen Sozialforschung*. Wiesbaden: Springer Fachmedien; 2014. S. 473–491.
4. Soeffner H-G, Reichertz JD. Handlungsrepertoire von Gesellschaften erweitern. *Forum: Qualitative Sozialforschung* [Internet]. 2004 [zitiert 12 Juni 2024];5(3):29. Verfügbar für: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/561/1216>.
5. Soeffner H-G. *Auslegung des Alltags – der Alltag der Auslegung. Zur wissenssoziologischen Konzeption einer sozialwissenschaftlichen Hermeneutik*. Frankfurt am Main: UVK; 2004. 321 S.
6. Esser H. *Soziologie. Allgemeine Grundlagen*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1993. 640 S.
7. Esser H. *Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 1: Situationslogik und Handeln*. Frankfurt am Main: Campus Verlag; 1999. 507 S.
8. Greshoff R, Schimank U, Herausgeber. *Integrative Sozialtheorie? Esser – Luhmann – Weber* [Internet]. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften. [Internet] 2006 [zitiert 2023 November 10]. 582 S. Verfügbar für: <https://link.springer.com/content/pdf/bfm:978-3-531-90259-3/1?pdf=chapter%20toc>.
9. Castoriadis C. *Voobrazhaemoe ustanovlenie obshchestva* [The imaginary establishment of society]. Volkova G, Ofertas S, translators. Moscow: Gnozis; 2003. 479 p. Russian.
10. Le Pogam P-Y. L'anthropo-sociologie poétique de Pierre Sansot: les sports et le sensible. *Le développement du sport*. 1995;1:1–44. DOI: 10.4000/corpsculture.264.
11. Baudry J-L. [Ideological effects of the basic cinematographic apparatus]. Vivsanyuk O, translator. *Cineticle* [Internet]. 2017 [cited 2024 April 26]. Available from: <https://cineticle.com/23-0-jean-louis-baudry-ideological-effects/>. Russian.
12. Caillois R. *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Games and people. Articles and essays on the sociology of culture]. Zenkin SN, compiler and translator. Moscow: O'edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo; 2007. 304 p. Russian.
13. Maffesoli M. *Le rythme de la vie*. Paris: Table Ronde; 2004. 260 p.
14. Keller R. *Michel Maffesoli: Die Wiederkehr der Stämme in der Postmoderne Michel Maffesoli: eine Einführung*. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft [Internet]. 2006 [cited 2024 January 19]. Available from: <https://docplayer.org/190761444-Michel-maffesoli-die-wiederkehr-der-staemme-in-der-postmoderne.html>.
15. Thévenot L. [Creative configurations in the humanities and the figuration of social community]. Kovenev O, translator. *Novoe literaturnoe obozrenie* [Internet]. 2006 [cited 2023 September 9];1. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/kreativnye-konfiguracii-v-gumanitarnyh-naukah-i-figuracii-sotsialnoj-obshhnosti.html>. Russian.
16. Thévenot L. [The pragmatics of cognition. Introduction: exploring the connection between cognition, collectivity and practice]. Khlopin AD, translator. *Sociological Journal* [Internet]. [cited 2023 September 9];3–4:5–24. Available from: <http://www.socjournal.ru/review/614>. Russian.
17. Thévenot L. Grand résumé de L'Action au pluriel. Sociologie des régimes d'engagement. *SociologieS* [Internet]. 2006 [cité 2024 juin 6]. Disponible par: <http://journals.openedition.org/sociologies/3572>.
18. Latour B. On actor-network theory: a few clarifications. *Soziale Welt* [Internet]. 1996 [cited 2024 April 11];47(4):369–381. Available from: <http://www.jstor.org/stable/40878163>.
19. Latour B. *Splatając na nowo to, co społeczne. Wprowadzenie do teorii aktora sieci*. Derra A, Arbiszewski K, tłumaczy. Kraków: Universitas; 2010. 446 s.
20. Sztompka P. *Socjologia wizualna. Fotografia jako metoda badawcza*. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN; 2005. 150 s.
21. Sztompka P. *Życie codzienne – temat najnowszej socjologii*. W: Sztompka P, Boguni-Borowska M, redaktorzy. *Socjologia Codziennosci*. Kraków: Wydawnictwo Znak; 2008. S. 15–53.

Статья поступила в редколлегию 12.07.2024.
Received by editorial board 12.07.2024.

ДОВЕРИЕ И ЕГО РОЛЬ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВОЛОНТЕРСТВА

А. А. ПОХОМОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется роль феномена доверия в функционировании инфраструктуры волонтерства, которая представляет собой совокупность субъектов, организаций и связей, способствующих существованию и развитию института волонтерства. Она детерминирована определенной социокультурной средой. В инфраструктуру волонтерства входят следующие элементы: реципиенты (благополучатели), общественные организации, традиционные и новые медиа, принципы волонтерской деятельности, а также правовые нормы, регулирующие ее, народные традиции оказания помощи и обычаи взаимопомощи и т. д. Подвижность инфраструктуры волонтерства отражает специфику социально-демографического портрета волонтера в той или иной стране, уровень институционального развития волонтерства, интеграцию норм взаимопомощи в ценностную систему общества. Доверие, как социологическая категория, рассматривается сквозь призму научных идей Э. Гидденса, П. Штомпки и Ф. Фукуямы. Подчеркивается, что оно играет важную роль в поддержании устойчивости социальных отношений, а также в популяризации волонтерской деятельности. Несмотря на то что исследование взаимосвязи доверия и волонтерства представлено в работах некоторых зарубежных ученых, например А. Селигмена, Р. Беккера и Дж. Вилсона, данная тема остается малоизученной. Выделяются разные формы доверия в соответствии с указанными элементами инфраструктуры волонтерства. Рассматриваются четыре уровня доверия: базовый, личностный, социальный и культурный. Их выделение позволяет комплексно отразить взаимосвязь феномена доверия и института волонтерства в определенной социокультурной среде. Личностный и социальный уровни доверия фиксируют горизонтальные связи между субъектами и имеют особое значение при изучении неформального вида волонтерской деятельности. Приводятся вторичные данные социологических исследований уровня доверия. Делается вывод о том, что, во-первых, уровень доверия влияет на гражданскую активность населения, во-вторых, вовлеченное в волонтерскую деятельность население демонстрирует более высокую степень доверия, чем граждане, не имеющие опыта волонтерства.

Ключевые слова: волонтерство; доверие; инфраструктура волонтерства; формы доверия; уровни доверия.

TRUST AND ITS ROLE IN THE FUNCTIONING OF THE VOLUNTEERING INFRASTRUCTURE

A. A. POKHOMOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article analyses the role of the phenomenon of trust in the functioning of the volunteering infrastructure, which is a set of subjects, organisations and relationships that contribute to the existence and development of the institute of volunteerism. It is determined by a certain socio-cultural environment. The volunteering infrastructure includes the following elements: recipients (beneficiaries), public organisations, traditional and new media, principles of volunteering,

Образец цитирования:

Похомова АА. Доверие и его роль в функционировании инфраструктуры волонтерства. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:38–43. EDN: HJALSO

For citation:

Pokhomova AA. Trust and its role in the functioning of the volunteering infrastructure. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:38–43. Russian. EDN: HJALSO

Автор:

Алесья Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; head of the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

pakhom@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-8627-953X>

as well as legal norms governing it, folk traditions of assistance and mutual assistance, etc. The mobility of the volunteering infrastructure reflects the specifics of the socio-demographic portrait of a volunteer in a particular country, the level of institutional development of volunteering integration of norms of mutual assistance into the value system of society. Trust, as a sociological category, is considered through the prism of the scientific ideas of E. Giddens, P. Shtompka and F. Fukuyama. It is emphasised that it plays an important role in maintaining the stability of social relations, as well as in popularising volunteer activities. Despite the fact that the study of the relationship between trust and volunteerism is presented in the works of some foreign scientists, for example A. Seligman, R. Beckers and J. Wilson, this topic remains poorly understood. Different forms of trust are distinguished in accordance with the specified elements of the volunteering infrastructure. Four levels of trust are considered: basic, personal, social and cultural. Their allocation allows us to comprehensively reflect the relationship between the phenomenon of trust and the institution of volunteerism in a certain socio-cultural environment. Personal and social levels of trust fix horizontal connections between subjects and are of particular importance when studying the informal type of volunteer activity. Secondary data from sociological studies of the level of trust are presented. It is concluded that, firstly, the level of trust affects the civic engagement of the population, and secondly, the population involved in volunteer activities demonstrates a higher level of trust than citizens without volunteering experience.

Keywords: volunteering; trust; volunteering infrastructure; forms of trust; levels of trust.

Введение

С ростом индивидуализации и коммерциализации социальной жизни под сомнение начали ставиться многие универсальные ценности, такие как доверие, добро, взаимопомощь, ответственность, гуманизм. Деятельность, имеющая символическую, а не материально выражаемую ценность, часто не рассматривается поколением Z как ценность, стоящая внимания. Основой современной рациональности выступают меркантильность и здоровый эгоизм. Однако существование индивида в социальном общежитии предполагает выстраивание сети взаимодействий, которые опираются на систему не только рациональных, но и ценностно-рациональных действий, основанных, например, на доверии.

Как отмечает американский социолог А. Селигмен, «наличие доверия является существенным компонентом всех устойчивых социальных отношений» [1, с. 7]. К таковым относятся и отношения, связанные с организацией и реализацией волонтерской деятельности. С одной стороны, нет сомнения в актуальности и необходимости работы волонтеров по разным направлениям (экологическое, социальное, поисковое волонтерство, донорство). С другой стороны, практика участия в волонтерстве не является широко распространенной в белорусском обществе. Во многом такая ситуация обусловлена безвозмездным характером волонтерской деятельности, что является малопривлекательным в эпоху растущей рационализации социальных отношений. Однако ряд социокультурных факторов включенности населения в волонтерскую деятельность остаются неисследованными. В частности, не изучено влияние уровня доверия в обществе на распространенность и востребованность волонтерства. Подозрительность и сомнение вызывают действия, не связанные с прагматичными интересами и непосредственной выгодой,

поэтому на первый план выходит вопрос о кредите доверия к институту волонтерства в конкретной социокультурной среде. Как правило, для реципиента волонтер выступает незнакомым субъектом, а по словам Э. Гидденса, «все формы социальной жизни отчасти создаются знанием о них агентов» [2, с. 156]. В случае с волонтерством неизвестными остаются как осведомленность населения о подобной деятельности, ее принципах и характере, так и уровень доверия граждан к представителям волонтерского движения. В мире волонтерством занимается в среднем 24 % взрослого населения (по данным за 2022 г.). При этом среди стран доля населения, вовлеченного в волонтерскую деятельность, варьируется от 4 % (Польша, Египет) до 65 % (Либерия)¹.

Методы научной разработки проблем, связанных с волонтерством, существенно отличаются в разных странах, что коррелирует как с долей населения, охваченного данной деятельностью, так и с проводимой государствами социальной политикой, развитостью гражданского общества, историей волонтерства в определенном социуме и т. д. При этом в западном мире научный дискурс в отношении волонтерства имеет регулярный, разносторонний и системный характер. Так, например, вопросам благотворительности и волонтерства посвящены специализированные научные издания, в том числе журналы «International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing», «Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations», «International Journal of Volunteer Administration», «Australian Journal on Volunteering».

Из числа зарубежных ученых, исследования которых включают анализ взаимосвязи феноменов доверия и волонтерства, следует назвать Р. Беккерса, Дж. Вилсона и др. Среди русскоязычных авторов,

¹World Giving Index 2023. Global trends in generosity [Electronic resource]. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-research/wgi_report_2023_final.pdf?sfvrsn=402a5447_2 (date of access: 28.06.2024).

рассматривающих волонтерство в контексте решения теоретико-методологических исследовательских задач, можно выделить М. В. Певную, Г. Е. Зборовского, А. А. Кузьминчук и др.

Целью статьи выступает теоретическая реконструкция взаимосвязи доверия и иных элементов инфраструктуры волонтерства.

Информационную базу настоящей работы составляют научные публикации в пределах предметной области, а также вторичные данные социологических исследований. Для определения уровня охвата населения волонтерской активностью использованы открытые данные рейтинга «Всемирный индекс благотворительности».

Основная часть

Феномен доверия в социологической традиции. Доверие, как социологическая категория и социальный феномен, находилось в фокусе внимания ученых всегда. Оно выступает необходимым условием построения устойчивых социальных отношений. По мнению Э. Дюркгейма, «основа современной солидарности, взаимного доверия покоится на нашей общей вере в личную совесть» [1, с. 11]. Подкрепленный доверием социальный капитал субъекта расширяет его возможности по использованию материальных и нематериальных ресурсов. Американский социолог А. Селигмен отмечает, что идеи Э. Дюркгейма о договорных началах представляют собой «доказательство того, что условия доверия в обществе опосредуют свободный обмен ресурсами в обществе» [1, с. 15]. Доверие способствует выстраиванию диалога между субъектами и социальными институтами. Английский социолог Э. Гидденс писал о связи современных социальных институтов с доверием к абстрактным системам [2, с. 212–350]. Американский социолог Ф. Фукуяма рассматривает общественный капитал как материализованное доверие [3, с. 64]. Он отмечает, что большинство человеческих действий рациональны, так как они реализуют стратегию рациональной максимизации полезности и подчинены прагматическим мотивам. Однако 20 % действий остаются детерминированными культурой и непредсказуемыми с точки зрения рациональной логики [3, с. 38–39]. По мнению польского социолога П. Штомпки, доверие относится к группе «трудно учитываемых факторов общественной жизни» [4, с. 55] и «является залогом, принимаемым на будущие неуверенные действия других людей» [4, с. 80].

Доверие может рассматриваться в качестве элемента воспитательной системы, способствующей воспроизводству социальных взаимодействий, так как «вне доверия обнаруживается социальное отчуждение человека»². В большинстве случаев волонтерство предполагает субъект-субъектное взаимодействие, которое основывается на вере реципиента в честность, ответственность и компетентность волонтера и в надежность общественной организации, выступившей посредником между благополучателем и добровольцем. В современном обществе риска феномен доверия приобретает особую ценность.

Очевидно, что доверие способно минимизировать угрозы при социальном взаимодействии. Как отмечает П. Штомпка, в условиях растущей анонимности общественной жизни социальные взаимодействия во многом опираются на кредит доверия [4, с. 58]. Однако факторы оказания доверия к одним субъектам и выражения недоверия к другим субъектам при прочих равных условиях остаются неизвестными.

Единая научная точка зрения по поводу природы доверия и его оснований не сформировалась. Очевидно, что «доверие нельзя сводить исключительно к религиозной (вере) или экономической (расчет основе»³. По мнению психологов, доверие, как личностная характеристика, носит стабильный и устойчивый характер, поэтому в том или ином обществе на протяжении длительного периода может сохраняться определенный уровень доверия, который отражает соотношение субъектов, доверяющих другим людям и не доверяющих никому [5].

С точки зрения А. Селигмена, феномен доверия связан с обстоятельствами, порождающими риск. По его мнению, в условиях трансформации социума и повышения неопределенности по поводу ролевого поведения личности риск превратился в неотъемлемую часть ролевых ожиданий. Происходящие структурные изменения выступают тем фактором, который детерминирует новые формы риска и доверия [1, с. 198]. Этот вывод является созвучным с идеей Э. Гидденса о том, что современные формы жизни дистанцировали субъекта от «всех традиционных типов социального порядка» [2, с. 115], а также с идеей Н. Лумана о том, что сегодня доверие прочно связано с ожиданиями людей и риском, который в рациональной социальной реальности воспринимается как вероятность наступления неблагоприятного события. С позиции Г. Гарфинкеля доверие в контексте социологии повседневности рассматривается как «согласие с конститутивным порядком событий деятельности» [6, с. 10]. При этом американский социолог использует аналогию с игрой, где доверие выступает условием того, что игра состоится и ее правила будут соблюдены участниками взаимодействия (конститутивные ожидания) [6, с. 13].

В настоящее время доверие, несмотря на свою полисемантическую, чаще всего рассматривается как

²Тельфанова С. В. Феномен доверия в социокультурном развитии общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2007. С. 8.

³Там же. С. 18.

некая убежденность в добросовестности, честности и знаниях другого субъекта, возникающая в условиях нехватки объективной информации о субъекте взаимодействия, событиях или явлениях. При отсутствии уверенности в надежности партнера по интеракции происходит оценивание субъекта на основании предшествующего опыта и внутренних личностных установок, а также определяется кредит доверия (как обязательное условие сотрудничества). Данный механизм позволяет вступать во взаимодействие незнакомым людям и, как отмечает А. Селигмен, «может обеспечить основу для поддержания порядка в долговременной перспективе» [1, с. 7]. Э. Гидденс обращает внимание на то, что доверие опирается в большей степени «на веру в правильность неизвестных принципов», чем на веру в благонадежность и добрые намерения других людей [2, с. 150]. С точки зрения ученого, роль доверия проявляется через «уверенность в надежности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в доброе имя или любовь Другого или в правильность абстрактных принципов (технического знания)» [2, с. 150–151]. Доверие выстраивается на взаимных чувствах ответственности и соучастия, так как кредит доверия, который мы готовы предоставить другому человеку, служит идентификацией нашей собственной честности [1, с. 12].

В научной литературе выделяют четыре уровня доверия:

- 1) базовый (своеобразная установка на доверие к миру);
- 2) личностный (доверие к отдельным участникам взаимодействия);
- 3) социальный (доверие к социальным организациям, институтам, общностям и другим образованиям);
- 4) культурный (воспроизводство доверия в обществе) [7].

Роль доверия в системе волонтерской деятельности. Доверие рассматривается нами как условие функционирования инфраструктуры волонтерства. В качестве последней подразумевается совокупность субъектов, организаций и связей, обеспечивающих эффективную деятельность института волонтерства. В инфраструктуру волонтерства включены следующие элементы: волонтеры и общественные организации (как акторы), реципиенты (как благополучатели), традиционные и новые медиа (как социальный

институт для формирования позитивного имиджа волонтера и повышения популярности волонтерской деятельности среди населения), нормы и принципы волонтерской деятельности, менталитет, ценностные системы, народные традиции оказания помощи и обычаи взаимопомощи, правовые нормы, регулирующие волонтерскую деятельность, уровень доверия как условие успешного взаимодействия субъектов волонтерской деятельности и т. д. Инфраструктура волонтерства отражает специфику социокультурной среды, в которой функционирует данный социальный институт, а также его развитие на индивидуальном, институциональном и системном уровнях. Подвижность инфраструктуры волонтерства демонстрирует особенности социально-демографического портрета волонтера в той или иной стране, уровень институционального развития волонтерства, интеграцию норм взаимопомощи в ценностную систему общества.

В контексте изучения влияния доверия на инфраструктуру волонтерской деятельности следует рассматривать отдельные его формы, в том числе доверие к институту волонтерства в целом, доверие к волонтерам как субъектам бескорыстной добровольной помощи, доверие к общественным организациям, которые применяют в своей деятельности ресурсы волонтеров, доверие волонтеров к реципиентам, общий уровень доверия в обществе, доверие между волонтерами и т. д. (табл. 1). Указанные формы располагаются на личностном и социальном уровнях доверия. Народные традиции оказания помощи и обычаи взаимопомощи способствуют воспроизводству доверия к волонтерству как социальному институту, т. е. создают благоприятный социокультурный фон для распространения практик бескорыстного оказания помощи (культурный уровень). Задачу популяризации волонтерских практик решают во многом традиционные и новые медиа. Так, участие волонтеров в крупных спортивных соревнованиях или иных массовых мероприятиях широко освещается в печати и на телевидении. При этом практически каждая волонтерская организация демонстрирует результаты своей деятельности в нескольких социальных сетях, что позволяет ей привлечь новых членов, партнеров, спонсоров и т. д. В настоящее время формирование позитивного имиджа волонтера является актуальной задачей в рамках дальнейшего развития конструктивных практик добровольного труда на национальном и международном уровнях.

Таблица 1

Уровни и формы доверия к волонтерству

Table 1

Levels and forms of trust in volunteering

Уровни доверия	Формы доверия
Базовый	Доверие к абстрактному большинству Доверие к незнакомцу
Личностный	Доверие между волонтерами Доверие между волонтерами и благополучателями Доверие между волонтерами и руководителями общественной организации

Окончание табл. 1
Ending of the table 1

Уровни доверия	Формы доверия
Социальный	Доверие к волонтерству как социальному институту Доверие к волонтерам со стороны населения страны Доверие к локальным, национальным и международным общественным организациям
Культурный	Доверие к традициям народной культуры, связанным с практиками взаимопомощи Доверие к традиционным СМИ, социальным сетям и мессенджерам как источникам информации и каналам популяризации деятельности волонтерских групп и общественных организаций

Когда речь идет о личностном и социальном уровнях доверия в контексте функционирования феномена волонтерства, имеется в виду преимущественно горизонтальное, субъект-субъектное, доверие. Как отмечает Р. Беккерс, ссылаясь на эмпирические данные своих коллег, субъект, демонстрирующий доверие к другим людям, с большей вероятностью испытывает доверие по отношению к себе [5]. Это имеет особое значение, так как согласно отчету ООН о волонтерстве за 2018 г.⁴ большая часть (70 %) волонтерской деятельности осуществляется неформально, т. е. без посредничества государственных и общественных организаций.

Благотворительность, как социальный институт, и волонтерство, как ее частное проявление, основываются на разных формах доверия (доверие к волонтеру, собирающему пожертвования; доверие к реципиенту, принимающему помощь; доверие к общественной организации, выступающей посредником между жертвователем и получателем помощи, и т. д.). На примере национальных панельных исследований, проведенных в Нидерландах в 2002–2006 гг., Р. Беккерс подтвердил, что между доверием и гражданской активностью существует взаимосвязь (хоть и слабая), которая свидетельствует о том, что люди, доверяющие другим, с большей вероятностью участвуют в деятельности общественных объединений, чем люди с низким уровнем доверия [5]. Это же означает, что формальные волонтеры в большей степени доверяют окружающим, чем люди, не имеющие опыта волонтерской деятельности.

Результаты международных исследований, проведенных в 2022 г., демонстрируют, что в целом в мире уровень доверия населения к благотворительным и иным общественным организациям является достаточно высоким, при этом, как правило, кредит доверия, или обобщенное социальное доверие, имеет гораздо более низкие показатели⁵. Это говорит о том, что респондентам сложно пред-

ставить свою модель поведения в категориях доверия и недоверия по отношению к абстрактному и безликому большинству, особенно в городской среде с высокой анонимностью, но они легко могут определить кредит доверия к конкретным социальным субъектам, в том числе общественным организациям.

Замеры уровня доверия проводятся по всему миру в рамках социологических проектов, таких как программы «Глобальный мониторинг. Wellcome-2020: Covid-19», «Всемирное исследование ценностей», «Поколения и гендер». Как правило, замер уровня доверия в социологических исследованиях разного уровня (национальные или международные) производится с помощью индикатора «доверие к большинству людей» (обобщенное социальное доверие). Респондент должен согласиться или не согласиться со следующим утверждением: «Большинству людей можно доверять».

Уровень доверия белорусов показывают результаты программ «Всемирное исследование ценностей» и «Европейское исследование ценностей» (2014), а также лонгитюдного проекта «Поколения и гендер», в рамках которого первый замер общественного мнения проводился в 2017 г., а второй замер – в 2023 г.⁶ Так, в 2014 г. 22,1 % белорусов отметили, что они доверяют человеку, которого встретили впервые. Согласно результатам исследования, проведенного в 2017 г., белорусы в целом достаточно осторожно относятся к другим людям: только треть респондентов (35,1 %) считают, что большинству людей можно доверять. При этом между ответами мужчин и женщин существенной разницы нет (33,6 и 36,4 % соответственно). Однако представители разных возрастов демонстрируют отличия в уровне доверия. Так, наиболее высокий уровень доверия к другим людям показывает молодежь в возрасте до 20 лет, а наиболее низкий уровень доверия – респондентов в возрасте 40–49 лет (табл. 2).

⁴Связующая нить: добровольчество и устойчивость сообществ: отчет о состоянии добровольчества в мире за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf (дата обращения: 28.06.2024).

⁵Trust in organisations, 2022 // Our world in data : site. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/trust-organizations-wvs?tab=table> (date of access: 28.06.2024) ; Trust // Our world in data : site. URL: <https://ourworldindata.org/trust> (date of access: 28.06.2024).

⁶На момент подготовки статьи результаты исследования еще не были опубликованы.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Большинству людей можно доверять или нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми?» в зависимости от возрастной когорты респондентов, %

Table 2

Distribution of answers to the question «Can most people be trusted or do you need to be very careful in dealing with people?» depending on the age cohort of respondents, %

Вариант ответа	Возрастная когорта респондентов						
	До 20 лет	20–29 лет	30–39 лет	40–49 лет	50–59 лет	60–69 лет	70–79 лет
Большинству людей можно доверять	43,4	35,8	34,1	32,1	34,9	37,5	36,1
Нужно быть очень осторожными в отношениях с людьми	56,6	64,2	65,9	67,9	65,1	62,5	63,9

Если обратиться к предыдущим замерам, то можно сделать вывод о положительной динамике уровня доверия в белорусском обществе. Так, в 1993 г. 25 % населения согласились с утверждением, что большинству людей можно доверять. В 2014 г. таких респондентов стало 32,8 %, а в 2017 г. – 35,1 %.

Результаты свидетельствуют о том, что высокий уровень доверия в обществе порождает и стимулирует воспроизводство доверия. Люди, выражающие больше доверия к окружающим, чаще демонстрируют социальную и гражданскую активность, в том числе посредством волонтерской деятельности.

Заключение

Таким образом, феномен доверия в рамках развития волонтерской деятельности представляет собой перспективное поле для научных исследований. Результаты исследований подтверждают наличие взаимосвязи между доверием и включенностью населения в волонтерскую деятельность. Дальнейшего эмпирического изучения требуют формы доверия,

возникающие на его базовом, личностном, социальном и культурном уровнях и охватывающие основные элементы инфраструктуры волонтерства. Полученная эмпирическая информация может выступать основанием для разработки системы мероприятий по содействию развитию волонтерства в белорусском обществе.

Библиографические ссылки

1. Селигмен А. *Проблема доверия*. Мюрберг ИИ, Соболева ЛВ, переводчики. Москва: Идея-пресс; 2002. 254 с.
2. Гидденс Э. *Последствия современности*. Ольховиков ГК, Кибальчик ДА, переводчики. Москва: Практикс; 2011. 352 с.
3. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Павлова Д, Кирющенко В, Колопотин М, переводчики. Москва: АСТ; 2004. 730 с.
4. Штомпка П. *Доверие – основа общества*. Морозова НВ, переводчик. Москва: Логос; 2015. 445 с.
5. Bekkers R. Trust and volunteering: selection or causation? Evidence from a 4 year panel study. *Political Behavior*. 2012; 34:225–247. DOI: 10.1007/s11109-011-9165-x.
6. Гарфинкель Г. Концепция и экспериментальные исследования доверия как условия стабильных согласованных действий. Корбут А, переводчик. *Социологическое обозрение*. 2009;8(1):10–51.
7. Мышляева ТВ. Доверие в современном обществе: подходы к анализу. *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2006;1:301–307.

References

1. Seligman A. *Problema doveriya* [The problem of trust]. Myurberg II, Soboleva LV, translators. Moscow: Ideya-press; 2002. 254 p. Russian.
2. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 186 p. Russian edition: Giddens A. *Posledstviya sovremennosti*. Ol'khovikov GK, Kibal'chich DA, translators. Moscow: Praxis; 2011. 352 p.
3. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity]. Pavlova D, Kiryushchenko V, Kolopotin M, translators. Moscow: AST; 2004. 730 p. Russian.
4. Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the basis of society]. Morozova NV, translator. Moscow: Logos; 2015. 445 p. Russian.
5. Bekkers R. Trust and volunteering: selection or causation? Evidence from a 4 year panel study. *Political Behavior*. 2012; 34:225–247. DOI: 10.1007/s11109-011-9165-x.
6. Garfinkel G. [The concept and experimental studies of trust as a condition for stable coordinated actions]. Korbut A, translator. *Sociological Review*. 2009;8(1):10–51. Russian.
7. Myshljaeva TV. Trust in modern society: approaches to analysis. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 2006;1:301–307. Russian.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024.
Received by editorial board 05.08.2024.

ГОРОД КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕНТАЛЬНОГО ОБРАЗА МИНСКА

Е. В. ЛЕБЕДЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Представлены особенности отражения исторической памяти белорусского народа в ментальном образе Минска. Историческая память интерпретирована в двух качествах: как историческое наследие (дуальность истории города, объединяющая западноевропейские культурные традиции и советское наследие с акцентом на военный и послевоенный периоды) и как сфера культурного взаимодействия населения (ментальный образ города в представлении горожан, характеризующийся синкретичностью восприятия культурного прошлого и смешением разнонаправленных символов и идеологий). Выявлены два ключевых тренда, определяющих восприятие минчанами своего города, – влияние советского периода (сочетание в архитектуре советского монументализма и элементов национальной белорусской культуры) и влияние западноевропейских традиций (реставрация исторической части города в стиле дореволюционного Минска, следование европейским традициям в проведении городских мероприятий, создании пешеходных улиц и т. д.). При этом общая траектория развития белорусской столицы проходит в рамках деколонизации (наиболее ярко проявляющейся в городской топонимике) и реактивной модернизации как поиска собственного уникального пути.

Ключевые слова: городская среда; историческая память; ментальный образ; деколонизация; городская топонимика.

THE CITY AS THE HISTORICAL MEMORY REFLECTION: THE RECONSTRUCTION OF MINSK MENTAL IMAGE

E. V. LEBEDEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The features of reflecting the historical memory of the Belarusian people in the mental image of Minsk are presented. Historical memory is interpreted in two ways: as a historical heritage (the duality of the city's history, combining Western European cultural traditions and Soviet heritage with an emphasis on the war and post-war periods) and as a sphere of cultural interaction of the population (the mental image of the city in the minds of citizens, characterised by a syncretic perception of the cultural past and a mixture of multidirectional symbols and ideologies). Two key trends have been identified that determine the perception of Minsk residents of their city – the influence of the Soviet period (a combination of Soviet monumentalism and elements of national Belarusian culture in architecture) and the influence of Western European traditions (restoration of the historical part of the city in the style of pre-revolutionary Minsk, following European traditions in holding city events, creating pedestrian streets, etc.). At the same time, the general trajectory of the development of the Belarusian capital takes place within the framework of decolonisation (most clearly manifested in urban toponymy) and reactive modernisation as a search for its own unique path.

Keywords: urban environment; historical memory; mental image; decolonisation; urban toponymy.

Образец цитирования:

Лебедева ЕВ. Город как отражение исторической памяти: реконструкция ментального образа Минска. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:44–51.
EDN: BXHUTC

For citation:

Lebedeva EV. The city as the historical memory reflection: the reconstruction of Minsk mental image. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:44–51. Russian.
EDN: BXHUTC

Автор:

Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:

Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of technology of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by
<https://orcid.org/0000-0002-3138-337X>

Введение

Города обладают важным, но не всегда заметным свойством: они сохраняют отпечатки прошлого, причем как отдельных исторических событий, так и целых эпох. При этом ни один культурный слой не исчезает полностью. Внешний облик города, безусловно, может меняться под воздействием внешних сил (войн, революций, смены политических режимов, процессов глобализации и т. д.), однако под новым культурным слоем всегда проступает старый. Французский социолог, исследователь исторической памяти М. Хальбвакс называл данное свойство города способностью выступать в роли одного из хранителей коллективной памяти общества [1]. Индивидуальная память всегда опирается на коллективную память, личная история жизни всегда является частью истории страны. У каждой семьи есть традиции, связанные с теми или иными городскими местами: воскресная прогулка по центральной набережной, посещение любимой кофейни напротив городской ратуши, ежегодное возложение цветов к памятнику национального героя и т. д. Следовательно, каждый из нас видит свой город по-разному, пропуская его образ сквозь призму индивидуальных ассоциаций. Идея о существовании в рамках городской среды мест памяти, связанных с коллективной идентичностью, принадлежит французскому историку П. Нора. Он писал, что «представление, которое любая нация, группа, семья имела о своем будущем, диктовало ей, что она должна удерживать из прошлого, чтобы подготовить это будущее» [2]. Иначе говоря, внешний облик города не только отражает события прошлого, но и определяет будущий вектор развития коллективной идентичности горожан. Неудивительно, что тема деколонизации исторической памяти все чаще обсуждается в научном сообществе. Исследуя городские места памяти, можно не только обновить национальную историю, но и направить процесс формирования коллективной идентичности в нужное русло.

Условно можно выделить три модели деколонизации исторической памяти: реставрацию прошлого, прогресс и революцию. Все они так или иначе направлены на «отвоевание собственного прошлого», что «является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности» [2]. Особенно актуальным данный вопрос является для городов Беларуси, поскольку в силу противоречивости ее истории поиск оснований белорусской идентичности является сложной задачей.

Для того чтобы выделить ключевые вехи исторического развития белорусских городов, обратимся к классификации, предложенной французским историком Ф. Броделем [3]. Так, он выделяет открытые города (жизнь в которых практически не отличается от жизни в сельских поселениях), закрытые города (самодостаточные, живущие по установленным в городской общине нормам и законам) и города,

попавшие под опеку правителя или государства. Такое деление акцентирует внимание на сущностных изменениях городской организации жизни.

В период существования открытых городов (до X в.) на территории Беларуси были распространены городища, выполнявшие оборонительные функции. Жизнь горожан была подчинена главным образом сельскохозяйственному циклам. В XI–XV вв. белорусские города носили закрытый характер, что было обусловлено обретением финансовой мощи и независимости от окружающих поселений. Данный период хронологически совпал со временем формирования Великого княжества Литовского. Следовательно, развитие городов на территории Беларуси продолжалось преимущественно под западным влиянием (распространение Магдебургского права и практик самоуправления). Кроме оборонительной и экономической функций, город стал выполнять культурно-коммуникационную функцию. Новое время (XVI – конец XVIII в.) характеризовалось быстрым созданием государств как основных субъектов политических и экономических отношений. Дальнейшее формирование городской среды происходило под влиянием именно этой тенденции.

Следующей важной вехой в развитии белорусских городов стал период индустриализации (XIX – начало XX в.), которая усилила влияние восточного соседа – Российской империи – и, соответственно, ослабила воздействие европейских традиций. Подчинение городов централизованному администрированию, распространенному на российских землях, строительство железных дорог, изменение национального состава (увеличение доли еврейского населения) значительно преобразили культурный портрет белорусского города.

В советский период урбанизации (вторая половина XX в.) индустриализация играла ведущую роль в росте городов и городского населения. За короткий срок необходимо было восстановить разрушенную во время войны экономику. Отличительной чертой советского периода урбанизации является то, что рост городов происходил не посредством ускоренного перемещения человеческих ресурсов из сельской местности в города (за относительно короткий период доля горожан увеличилась с 21 до 69 %) [4], а за счет искусственного увеличения числа самих городов (если на 1 июня 1955 г. в республике насчитывалось 66 городов, то на 1 января 1964 г. – уже 74 города). При этом основным фактором создания новых городов в Беларуси во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. являлся стремительный рост промышленности (строительство крупных энергетических объектов, фабрик и заводов). Указанные обстоятельства привели к существенному запаздыванию качественных перемен по сравнению с количественными.

После Второй мировой войны произошла радикальная перестройка города. По мнению немецкого историка Т. Бона, «от старого Минска, столицы царской губернии, города еврейских торговцев и русских чиновников, ничего не осталось» [5, с. 6]. На его месте был построен новый населенный пункт – город пролетаризированных белорусских крестьян, созданный по классическим правилам симметрии и монументальности. Архитектурный ансамбль центральной части города олицетворял собой декларируемый функционализм нового общества, ключевую роль в котором играли технический прогресс и всеобщее равенство. При этом население Минска того периода представляло собой гетерогенную смесь разных социальных слоев и субкультур, сохранивших тесную связь с деревней, что было характерно для жителей большинства белорусских городов советского периода.

Начало 2000-х гг. можно обозначить как современный этап в развитии Минска. В градостроительстве произошла смена приоритетов. Акцент в развитии города сместился на совершенствование его функций как столицы. Значительное внимание было направлено на «развитие образования, науки, культуры и медицины, деловых и торговых центров, создание комфортных условий проживания» [6, с. 139]. Были предприняты достаточно инновационные для постсоветского пространства шаги, такие как переход от отраслевых и ведомственных принципов управления городом к многовариантному планированию городской среды, развитие городского самоуправления и городских сообществ как ключевых субъектов организации города, а также дополнение государственных источников финансирования городского развития частным капиталом (в том числе иностранными инвестициями). Ключевое внимание уделялось поиску путей повышения конкурентоспособности Минска среди других столичных городов бывшего Советского Союза (Москва, Киев), что приобрело особую актуальность на фоне роста интенсивности горизонтальной мобильности населения в начале 2000-х гг.

Минск является оптимальным объектом для изучения исторической памяти, поскольку его внеш-

ний облик сохранил отпечатки всех перечисленных эпох: и периода закрытых городов, пришедшегося на расцвет Великого княжества Литовского (Минская городская ратуша как символ распространения на столицу Магдебургского права в 1499 г.), и советской эпохи послевоенного строительства (бывший проспект Ленина с уникальной застройкой в стиле сталинского ампира), и распада СССР (переименование центральных проспектов и площадей, появление архитектурных объектов, олицетворявших новую государственность), и современного этапа формирования национальной идентичности.

С одной стороны, Минск представляет собой яркий пример «социалистического города», в котором «все принципы городского планирования... воплощены в чистом виде», при этом осуществляемая реконструкция предполагала «не восстановление исторически сложившегося города, а преодоление недостатков, которые приписывались традиционному капиталистическому городу» [5, с. 17]. С другой стороны, Минск – это образец догоняющей модернизации, где архитектура исторических объектов советской эпохи хранит в себе примеры реконструкции золотого века белорусских городов и элементы типичного капиталистического мегаполиса (торговые центры и многоэтажная офисная застройка).

Эмпирической основой статьи являются результаты онлайн-опроса минчан с использованием инструмента *Google Forms*. Период сбора данных – май 2024 г. В ходе исследования был опрошен 291 человек (жители Минска в возрасте от 16 лет и старше, не проживающие в городе менее шести месяцев), при этом 44 % опрошенных составляли мужчины, а 56 % – женщины. Распределение респондентов по возрасту выглядело следующим образом: 43,1 % опрошенных были в возрасте 16–24 лет, 38,3 % опрошенных – 25–45 лет, 13,1 % опрошенных – 46–60 лет, 5,5 % опрошенных – в возрасте 61 года и старше. Очевидно, что достигнутая выборка иллюстрирует мнение скорее молодой части населения, что необходимо принимать во внимание при интерпретации результатов исследования.

Результаты и их обсуждение

Городской центр как место памяти. Исследование показало, что минчане довольно часто проводят свободное время в центральной части города. По данным опроса, 24,1 % респондентов бывают в центре практически ежедневно, еще 19,6 % опрошенных стараются бывать здесь несколько раз в неделю, 34,1 % минчан посещают центральные городские места несколько раз в месяц, 18,9 % горожан выбирают сюда редко (всего несколько раз за год). Возникает вопрос о том, что в данном случае подразумевается под городским центром.

Концентрические представления о городе как о месте, имеющем определенный центр, сформировались еще в Античности. Центром древнегреческого полиса была агора (рыночная площадь, где проводились народные собрания). Средневековые города строились вокруг храмов или соборов. Американский социолог Э. Бёрджесс в своем исследовании описывает концентричную структуру города, а также динамику ее развития, которая заключалась в последовательном радиальном расширении городских зон за счет внешнего пространства [7]. Такое понимание

городского центра отчасти совпадает с видением респондентов. В ходе исследования были выявлены четыре городские зоны, являющиеся в восприятии минчан центром города:

- площадь Свободы (на это указали 50,2 % опрошенных);
- площадь Независимости (24,1 %);
- Октябрьская площадь (23,0 %);
- площадь Победы (17,9 %).

Таким образом, городской центр не всегда подразумевает наличие геометрической центральности. В отношении Минска речь идет скорее о функционально и психологически выделенных локусах, обладающих особыми свойствами и имеющих особое символическое наполнение. Действительно, все названные респондентами зоны олицетворяют ту или иную функцию городского центра. Площадь Свободы является центральным публичным пространством, площадь Независимости – административным центром, Октябрьская площадь выступает точкой пересечения ключевых транспортных артерий, площадь Победы – символическим местом памяти.

Учитывая тему нашего исследования, мы сконцентрировали внимание на культурно-просветительских функциях городского центра, а именно на его способности транслировать определенную культурную идентичность, выступать в роли отправной точки для формирования у горожанина представления о себе, родном городе и окружающем мире. Для более детального рассмотрения этого аспекта в исследовании выдвинута гипотеза о том, что понятия «центр» и «исторический центр», если мы говорим о городской среде, не являются тождественными, причем исторический центр города выполняет функцию прежде всего места памяти – пространства, которое «объединяет людей в одно сообщество общими воспоминаниями, переживаниями, что поддерживает их и ориентирует на будущее» [8, с. 112].

Согласно результатам опроса 65,3 % минчан под историческим центром столицы подразумевают район улицы Немиги. Данный район, как исторический центр, имеет два культурных слоя: европейский и советский. Олицетворением европейского культурного слоя можно назвать Минскую городскую ратушу, а олицетворением советского культурного слоя – стелу «Минск – город-герой».

Двойственность восприятия минчанами исторического центра является прямым отражением двойственности истории Минска, которая, с одной стороны, имеет западноевропейские корни (в XIV в. Минское княжество вошло в состав Великого княжества Литовского), а с другой – неотделима от советской эпохи истории Беларуси, прежде всего в послевоенный период (Минск, практически полностью разрушенный в годы Второй мировой войны, был воссоздан как идеальный город советской мечты).

С точки зрения отражения исторической памяти площадь Свободы (где расположена Минская

городская ратуша) является центром социальной и культурной жизни, одним из самых оживленных публичных пространств столицы. Во время летнего музыкально-туристического сезона (с мая по сентябрь) площадь превращается в городскую сцену, ремесленную ярмарку и прогулочную зону одновременно. Зимой здесь проходят рождественские гулянья. При этом площадь Свободы (исторические названия – «Рынок», «Высокий рынок») является скорее эмоционально-эстетическим центром городской жизни (в противовес более официальным центрам – Октябрьской площади или площади Независимости, которые никогда не имели рыночного прошлого). Данное пространство отражает европейскую суть Минска: джазовые вечера, летние террасы, уличные художники и музыканты, рождественские ярмарки.

Центральная точка советского культурного слоя, стела «Минск – город-герой», олицетворяет собой совершенно иной аспект исторической памяти, который тесно связан с военным прошлым столицы. В дни государственных праздников (День Победы, День независимости) вблизи стелы запускают праздничный салют и организуют парад. Это свойственно скорее классическому советскому городу, общественный центр которого выступал в роли сцены, предназначенной для организованных властями мероприятий.

Несколько менее популярным историческим центром города, но, несомненно, заслуживающим отдельного упоминания является проспект Независимости (в частности, его центральная часть – от площади Независимости до площади Победы). Стилем архитектурной застройки этого пространства был сталинский ампи́р. Для данной локации характерно все, что считается образцом советского империалистического стиля, соединившего в себе элементы барокко, ампи́ра, позднего классицизма, ар-деко, а также неоготики (массивные колонны, изящная лепнина, широкие улицы и т. д.). Примечательно, что 17,2 % минчан назвали в качестве исторического центра города именно это место.

Ментальный образ Минска как фиксация исторической памяти. Поскольку отражение исторической памяти в городской среде тесно связано с понятием «ментальный образ города», часть вопросов анкеты была посвящена именно этому феномену. Дадим краткую теоретическую справку на эту тему. Американский градостроитель и писатель К. Линч выделил следующие элементы (ключевые точки) городского пространства как ментального образа:

- коммуникации, по которым наблюдатель может перемещаться (тротуары или улицы);
- элементы окружения, олицетворяющие границу между двумя состояниями и представляющие собой линейные разрывы непрерывности (например, стены или окраины жилых районов);
- районы города, являющиеся средними по величине и имеющие вид двухмерной протяженности, в которую наблюдатель мысленно входит изнутри

(К. Линч полагал, что большинство горожан структурируют пространство своей жизни, оперируя понятием «район»);

- узлы – стратегические точки города, в которых максимально сконцентрированы какие-либо функции или особенности пространства (часто они приобретают черты центробежной силы и обладают символическим значением для целого района);

- ориентиры – точечные пространственные элементы, которые являются внешними по отношению к наблюдателю объектами [9].

В ходе исследования респондентам был задан вопрос о том, какие достопримечательности наиболее значимы для жизни Минска и составляют основу ментального образа города. Все предложенные локации необходимо было оценить по 10-балльной шкале, где 1 баллу соответствовал вариант ответа «совершенно не значимо», а 10 баллам – вариант ответа «наиболее значимо». По условиям анкеты максимально высокую оценку (10 баллов) можно было поставить не более чем трем городским достопримечательностям (если респондент не был знаком с местом, которое предлагалось оценить, он мог выбрать оценку «0 баллов»).

Наиболее узнаваемыми городскими достопримечательностями являются следующие места:

- Монумент Победы и Вечный огонь на площади Победы (лишь 0,3 % респондентов поставили оценку «0 баллов»);

- проспект Независимости (0,3 %);

- Национальный олимпийский стадион «Динамо» (0,3 %);

- стела «Минск – город-герой» (0,7 %);

- Национальная библиотека Беларуси (1,0 %);

- Большой театр Беларуси (1,4 %);

- Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (1,7 %);

- памятник Якубу Коласу на площади Якуба Коласа (2,1 %);

- Дом правительства на площади Независимости (2,1 %);

- Дворец Республики на Октябрьской площади (2,1 %).

Как видим, визитной карточкой города, по мнению минчан, являются такие объекты, как Монумент Победы и Вечный огонь на площади Победы, проспект Независимости, а также Национальный олимпийский стадион «Динамо». Все эти архитектурные объекты олицетворяют собой советский Минск – город, построенный в духе социалистической идеологии. Архитектурные ансамбли центральной части многих советских городов стремились «создать идейно-художественный образ большой впечатляющей силы» [10, с. 10], что воплотилось и в проектировании городских площадей, парков и проспектов (значительные размеры, монументальные пропорции), и в их дизайне (большое количество политических символов). Проведение парадов, митингов и демонстраций считалось главной функцией общественного центра

и в значительной степени обусловило его внешний вид. Шесть наиболее известных минчанам городских достопримечательностей (Монумент Победы, проспект Независимости, Национальный олимпийский стадион «Динамо», стела «Минск – город-герой», Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, Дом правительства на площади Независимости) из указанных десяти объектов являются ярким отражением советского прошлого города. Остальные четыре локации (Большой театр Беларуси, Национальная библиотека Беларуси, памятник Якубу Коласу на одноименной площади, а также Дворец Республики на Октябрьской площади) олицетворяют скорее национальную белорусскую историю.

Вызывает любопытство тот факт, что наименее известными минскими достопримечательностями являются фонтан «Мальчик с лебедем», расположенный в Александровском сквере вблизи Национального академического театра имени Янки Купалы (15,5 % респондентам это место незнакомо), Минский Свято-Духов кафедральный собор недалеко от Верхнего города (15,5 % опрошенных не знали о нем) и Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии (19,6 % минчан затруднились определить, что это за локация). Все перечисленные места свойственны европейскому Минску. Фонтан «Мальчик с лебедем» является единственной уцелевшей дореволюционной городской скульптурой. Минский Свято-Духов кафедральный собор и Архикафедральный собор Пресвятой Девы Марии (расположены в районе площади Свободы) представляют собой образцы виленского барокко (условное название позднего этапа развития стиля барокко в храмовой архитектуре католической церкви Великого княжества Литовского).

Однако знать о существовании того или иного архитектурного памятника и считать его знаковым для города – не одно и то же. Обратимся к перечню мест, которые, по мнению минчан, играют наиболее важную роль в жизни города:

- Верхний город и Троицкое предместье (50,9 % респондентов поставили оценку «10 баллов»);

- Монумент Победы и Вечный огонь на площади Победы (42,3 %);

- проспект Независимости (39,5 %);

- Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (34,0 %);

- стела «Минск – город-герой» (30,6 %);

- площадь Свободы и Минская городская ратуша (28,5 %);

- Костел Святого Симеона и Святой Елены (27,1 %);

- Национальная библиотека Беларуси (26,1 %);

- Большой театр Беларуси (23,7 %);

- Дворец Независимости и площадь Государственного флага (23,7 %).

Именно эти локации минчане чаще всего обозначали и как центр города, и как его исторический центр. Данные опроса свидетельствуют о том, что именно эти объекты городской среды и составляют основу ментального образа города (см. таблицу).

Оценка респондентами объектов,
составляющих основу ментального образа Минска, %

Respondents' assessment of objects
that form the basis of the mental image of Minsk, %

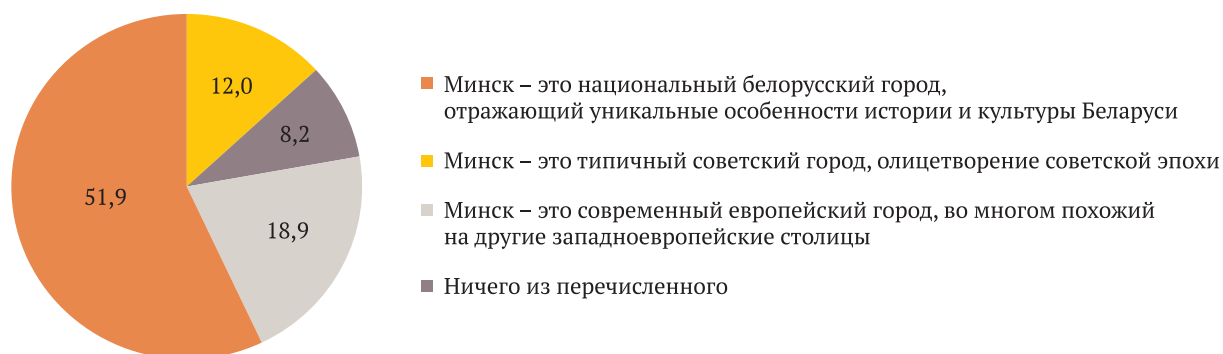
Локация	Количество респондентов, поставивших оценку «10 баллов»	Количество респондентов, поставивших оценку «0 баллов»	Средняя оценка респондентов
Верхний город, Троицкое предместье	50,90	2,40	8,90
Монумент Победы, Вечный огонь на площади Победы	42,30	0,30	8,63
Проспект Независимости	39,50	0,30	8,46
Большой театр Беларуси	23,70	1,40	8,39
Площадь Свободы, Минская городская ратуша	28,50	3,80	8,28
Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны	34,0	1,70	7,98

Примечание. Голубым цветом обозначены объекты, отражающие европейский культурный слой исторической памяти; розовым цветом обозначены объекты, отражающие советский культурный слой исторической памяти; желтым цветом обозначен объект, не имеющий однозначной европейской или советской коннотации.

В ходе исследования респондентам было предложено выбрать одно из нескольких утверждений, касающихся общего восприятия Минска его жителями. Наиболее популярным стал ответ: *Минск – это национальный белорусский город, отражающий уникальные особенности истории и культуры Беларуси* (см. рисунок).

Как видим, ментальный образ столицы представляет собой своеобразный сплав разных символов и идеологий. При этом речь идет не о фрагментарности культурного поля города или о вытеснении одной части городской истории другой, а о слиянии культурных слоев, которое и обеспечило Минску уникальность. Данный вывод подтверждают и ответы респондентов: *Минск – это город, который*

является смесью советского градостроительства и национальной идентичности, отражением белорусской культуры и политики (мужчина, 20 лет); *Минск – удивительный город, так как он хранит в себе (как и вся Беларусь) и советское, и европейское наследие* (женщина, 18 лет); *Минск – это уникальный город с тяжелой судьбой, он отражает исторический путь белорусского народа* (женщина, 21 год); *Минск, безусловно, советский город, чудом сохранивший свои уникальные особенности и культурное наследие (которое и сейчас можно найти, если знать, где искать и куда смотреть). В то же время город жив, он живет в настоящем и развивается как современный европейский город* (женщина, 40 лет).

Распределение мнений респондентов по поводу общего восприятия Минска, %
Distribution of respondents' opinions regarding the general perception of Minsk, %

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что историческая память Минска в данный момент представляет собой символическое поле противостояния разных культурных течений. С нашей точки зрения, можно выделить два ключевых тренда, определяющих восприятие Минска горожанами, – советское влияние (в том числе несоветское), кото-

рое выражено в воплощении отдельных элементов социалистического модернизма в архитектурных объектах, построенных после распада СССР (Дворец Республики, Дворец Независимости), и западноевропейское влияние, проявившееся в реставрации исторической части города в стиле дореволюционного Минска, воспроизведении европейских традиций

проведения городских праздников (рождественские ярмарки, городские фестивали, пешеходные улицы, уличные художники и музыканты).

Городская топонимика и ее роль в отражении исторической памяти. В ходе исследования горожанам был задан вопрос о том, в честь кого или чего должны быть названы центральные площади и улицы Минска. Результаты опроса показали, что названия центральных частей города должны отражать в первую очередь ключевые события белорусской истории (на это указали 86,6 % минчан) или должны быть связанными с именами наиболее известных белорусов: писателей, музыкантов, политических деятелей и др. (81,4 %). О том, что в городской топонимике необходимо представлять имена выдающихся советских деятелей или ключевые события советской истории, ответило значительно меньшее количество опрошенных (21,3 и 13,1 % респондентов соответственно). Подчеркнем, что всего 12 % опрошенных согласились с высказыванием о том, что Минск представляет собой типичный советский город и олицетворяет советскую эпоху.

Практически аналогично распределились ответы на вопрос о том, что именно должны отражать новые памятники, которые могут быть возведены

в Минске в ближайшее время. Абсолютное большинство респондентов (86,3 %) полагают, что новые памятники должны быть посвящены ключевым событиям белорусской истории, 74,6 % опрошенных высказали мнение о том, что героями новых памятников должны стать известные белорусы: писатели, музыканты, политические деятели и т. д. За увековечение советских известных личностей на улицах Минска выступили только 26,1 % респондентов, а за отражение на городских улицах советской истории – 16,5 % опрошенных.

Известный социолог, представитель постмарксизма Й. Терборн выделяет четыре типа столичных городов:

- европейские столицы, появляющиеся в результате революций или реформ;
- столицы поселенцев, которые воспроизводят многие европейские традиции даже вдали от Старого Света;
- колониальные и постколониальные столицы, в центре внимания которых оказываются отрицание свергнутой власти бывшей метрополии и противопоставление ей;
- столицы реактивной модернизации, предлагающие собственные оригинальные ответы на вызовы времени [11].

Заключение

Проведенное исследование не дало однозначного ответа на вопрос о пути развития Минска. С одной стороны, развитие столицы имеет явные признаки деколонизации, проявляющиеся в первую очередь в городской топонимике. С другой стороны, данные опроса говорят и об определенных признаках реактивной модернизации – поиска городом собственного уникального пути.

Можно предположить, что у минчан назрела потребность в возрождении уникального культурного кода, отражающего умонастроения современных белорусов, и в создании образа города, который не являлся бы ни отражением неосоветского стиля (крайне популярного в современной Москве или Санкт-Петербурге), ни репликой типичного туристического западноевропейского города (например, Вильнюса), а был воплощением собственного исторического пути, национальных ценностей и идей. В пользу этой версии говорит то, что среди значимых исторических мест города были упомянуты (хоть и крайне редко) район Осмоловки (6,0 % опрошенных) и район Тракторозаводского поселка (4,0 % респондентов) как места, сохранившие дух эпохи и транслирующие уникальную минскую идентичность. Однако данной трактовке противоречит тот факт, что такие уникальные городские локации, как Лошицкая усадьба в одноименном парке и фонтан «Мальчик с лебедем» в Александровском сквере,

малоизвестны горожанам (8,6 и 15,5 % респондентов соответственно не знают об этих местах).

Как видим, отражение исторической памяти о внешнем облике Минска может быть описано с двух позиций:

- как историческое наследие (дуальность истории города, объединяющая западноевропейские культурные традиции и советское наследие с акцентом на военный и послевоенный периоды);
- как сфера культурного взаимодействия (ментальный образ города в представлении горожан, характеризующийся синкретичностью восприятия культурного прошлого и смешением разнонаправленных символов и идеологий).

Символично, что ядром ментального образа Минска является район улицы Немиги, олицетворяющий собой как европейские традиции (Троицкое предместье, Минская городская ратуша), так и военную историю (проспект Победителей, а также Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны). И если советская (военная) история города минчанам известна хорошо (в первую очередь благодаря концентрации вокруг нее событийного наполнения городской жизни и городской топонимике), то уникальная минская история, отражающая собственный путь развития национальной белорусской столицы (реактивную модернизацию), не так хорошо знакома горожанам.

Библиографические ссылки

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. *Неприкосновенный запас* [Интернет]. 2005 [процитировано 28 мая 2024 г.]; 2. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти. *Неприкосновенный запас* [Интернет]. 2005 [процитировано 28 мая 2024 г.]; 2. Доступно по: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>.
3. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное*. Афанасьев ЮН, редактор; Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Весь мир; 2006. 551 с.
4. Красовский КК. *Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ*. Брест: Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина; 2004. 203 с.
5. Бон ТМ. «Минский феномен». *Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны*. Слепович Е, переводчик. Москва: РОССПЭН; 2013. 413 с.
6. Терборн Й, редактор. *Постсоветские столицы: Минск. Вильнюс. Баку*. Минск: Издательский центр БГУ; 2009. 270 с.
7. Burgess EW. The growth of the city: an introduction to a research project. In: Park RE, Burgess EW, McKenzie RD, editors. *The city*. Chicago: University of Chicago Press; 1925. p. 47–62.
8. Нора П. *Франция – память*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1999. 325 с.
9. Линч К. *Образ города*. Глазычев ВЛ, переводчик. Москва: Стройиздат; 1982. 328 с.
10. Матвеева НМ. Общественные центры городов. *Архитектура СССР*. 1972;7:9–13.
11. Therborn G. *Cities of power: the urban, the national, the popular, the global*. London: Verso; 2017. 408 p.

References

1. Halbwachs M. [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Internet]. 2005 [cited 2024 May 28]; 2. Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>. Russian.
2. Nora P. [Worldwide celebration of memory]. *Neprikosnovennyi zapas* [Internet]. 2005 [cited 2024 May 28]; 2. Available from: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html>. Russian.
3. Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilisation, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. Volume 1. Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Afanas'ev YuN, editor; Kubbel' LE, translator. Moscow: Ves' mir; 2006. 551 p. Russian.
4. Krasovskii KK. *Urbanizatsiya v Belarusi: ekonomiko-geograficheskii analiz* [Urbanisation in Belarus: economic and geographical analysis]. Brest: Brest State A. Pushkin University; 2004. 203 p. Russian.
5. Bon TM. *Minzk – Musterstadt des Sozialismus. Stadtplanung und Urbanisierung in der Sowjetunion nach 1945*. Köln: Bönlau Verlag; 2008. 410 S.
Russian edition: Bon TM. «Minskii fenomen». *Gorodskoe planirovanie i urbanizatsiya v Sovetskom Soyuze posle Vtoroi mirovoi voyny*. Slepovich E, translator. Moscow: ROSSPEN; 2013. 413 p.
6. Therborn G. *Postsoverskie stolitsy: Minsk. Vil'nyus. Baku* [Post-Soviet capitals: Minsk. Vilnius. Baku]. Minsk: Izdatel'skii tsentr BGU; 2009. 270 p. Russian.
7. Burgess EW. The growth of the city: an introduction to a research project. In: Park RE, Burgess EW, McKenzie RD, editors. *The city*. Chicago: University of Chicago Press; 1925. p. 47–62.
8. Nora P. *Frantsiya – pamyat'* [France – memory]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 1999. 325 p. Russian.
9. Lynch K. *Obraz goroda* [Image of the city]. Glazychev VL, translator. Moscow: Stroizdat; 1982. 328 p. Russian.
10. Matveeva NM. [Community centers of cities]. *Arkhitectura SSSR*. 1972;7:9–13. Russian
11. Therborn G. *Cities of power: the urban, the national, the popular, the global*. London: Verso; 2017. 408 p.

Статья поступила в редколлегия 12.06.2024.
Received by editorial board 12.06.2024.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.344.6:614.2:303.4

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ

М. Ю. СУРМАЧ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный медицинский университет,
ул. М. Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь

Аннотация. Анализируется методология измерения самооценки здоровья населения, а также особенности применения данного показателя в разных сферах. Показывается трансформация вектора научных исследований в здравоохранении. При изучении содержания рутинных оценок здоровья населения специалисты переключают внимание с количественных показателей, фиксируемых отраслевой статистикой, на комплексные данные, включающие результаты субъективных оценок, которые получены посредством социологических методов. Подчеркивается, что традиционные методы исследования общественного здоровья (анализ статистических показателей) являются объективными, но не позволяют составить полное представление о здоровье населения на территориальном и государственном уровнях и разработать комплекс мер, направленных на его укрепление. Объективность традиционно применяемых статистических показателей напрямую зависит от качества (полноты и охвата) фиксации явления при статистическом учете, наличия определенных барьеров, в том числе обусловленных несвоевременным обращением граждан за медицинской помощью. Таким образом, данные показатели не позволяют учесть социальный компонент здоровья, который является субъективным по своей сути. Он обусловлен личностными факторами, мотивами и паттернами поведения. Исследование социального компонента здоровья может быть проведено только с помощью социологических методов. При этом субъективные социологические показатели могут дать более широкую информацию для анализа, поскольку косвенным образом характеризуют здоровье и тех респондентов, которые не обращаются за медицинской помощью. Раскрываются возможности использования показателя самооценки здоровья, доказанные в ходе эпидемиологических исследований на популяционном уровне. Демонстрируются различия стандартизированных (в составе опросников по качеству жизни, разработанных экспертами Всемирной организации здравоохранения) и оригинальных методологических

Образец цитирования:

Сурмач МЮ. Самооценка здоровья как социологическая категория и категория общественного здоровья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:52–58.
EDN: BOANFD

For citation:

Surmach MYu. Self-assessment of health as a sociological category and category of public health. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:52–58. Russian.
EDN: BOANFD

Автор:

Марина Юрьевна Сурмач – доктор медицинских наук, профессор; заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения.

Author:

Marina Yu. Surmach, doctor of science (medicine), full professor; head of the department of public health and health services.

marina_surmach@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3653-8385>

подходов при изучении самооценки здоровья населения. Раскрываются перспективы использования данного показателя в практическом здравоохранении Республики Беларусь, в частности в процедурах оценки социальной эффективности медицинских технологий и статистических наблюдениях.

Ключевые слова: самооценка здоровья; общественное здоровье; измерение показателей общественного здоровья; показатели здоровья населения; социальный компонент здоровья; методология измерения социального компонента здоровья.

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г24У-007).

SELF-ASSESSMENT OF HEALTH AS A SOCIOLOGICAL CATEGORY AND CATEGORY OF PUBLIC HEALTH

M. Yu. SURMACH^a

^aGrodno State Medical University,
80 M. Gorkaga Street, Grodna 230009, Belarus

Abstract. The methodology of measuring the self-assessment of the population's health is analysed, as well as the specifics of using this indicator in various fields. The transformation of the vector of scientific research in healthcare is shown. When studying the content of routine assessments of public health, specialists switch their attention from quantitative indicators recorded by industry statistics to complex data, including the results of subjective assessments obtained through sociological methods. It is emphasised that traditional methods of public health research (analysis of statistical indicators) are objective, but do not allow us to get a complete picture of the health of the population at the territorial and state levels and develop a set of measures aimed at strengthening it. The objectivity of traditionally used statistical indicators directly depends on the quality (completeness and coverage) of recording the phenomenon in statistical accounting, the presence of certain barriers, including those caused by untimely citizens seeking medical help. Thus, these indicators do not allow us to take into account the social component of health, which is inherently subjective. It is determined by personal factors, motives and patterns of behaviour. The study of the social component of health can only be carried out using sociological methods. At the same time, subjective sociological indicators can provide broader information for analysis, since they indirectly characterise the health of those respondents who do not seek medical help. The possibilities of using the self-assessment indicator of health, proven in the course of epidemiological studies at the population level, are revealed. The differences between standardised (as part of questionnaires on quality of life developed by experts of the World Health Organisation) and original methodological approaches in the study of self-assessment of public health are demonstrated. The prospects of using this indicator in the practical healthcare of the Republic of Belarus are revealed, in particular in the procedures for assessing the social effectiveness of medical technologies and statistical observations.

Keywords: self-assessment of health; public health; population health indicators; measurement of population health indicators; the social component of health; methodology for measuring the social component of health.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Basic Research (grant No. G24U-007).

Введение

Большинство методов исследования здоровья населения сводятся к анализу статистических показателей. Последние, в свою очередь, komponуются на основе данных, представленных случаями некоего явления (смерть, рождение, заболевание, временная утрата трудоспособности, госпитализация и т. д.) в расчете на определенную численность населения (как правило, среднегодовую для региона, в котором проводится исследование). С методологической точки зрения такие показатели можно считать объективными: каждое событие фиксируется статистически, наличие заболевания посредством клинично-лабораторных методов устанавливает медицинский работник, а рассчитываемые показате-

ли дают возможность изучить явление в динамике в разных регионах.

Вместе с тем в современных условиях такой подход не позволяет составить полное представление о здоровье населения и разработать комплекс мер, направленных на его укрепление. Это обусловлено как минимум двумя причинами. Во-первых, объективность показателей напрямую зависит от качества (полноты и охвата) фиксации явления при первичном статистическом учете. Нередко на пути между возникновением явления и его фиксацией возникают барьеры (финансовые, территориальные, культурные и иные), которые не позволяют гражданам вовремя обратиться за медицинской

помощью и быть включенными в систему статистического учета в отрасли здравоохранения. Во-вторых, полнота представления о здоровье населения может быть достаточной только в случае учета социального компонента. По своей сути он является субъективным, поскольку связан с оценкой респондентом своего здоровья и удовлетворенностью им, а также с оценкой качества жизни и собственного функционирования. Проведенный на основе субъективной самооценки респондентов анализ связанного со здоровьем качества жизни (СЗКЖ) стандартизован в опросниках Всемирной организации здравоохранения и включен в процедуры оценки социальной эффективности медицинских технологий.

Субъективные оценки здоровья населения непосредственно связаны с социологическими подходами к его изучению. В исследовании здоровья применяются медико-социологические методики. Они позволяют проанализировать личностные факторы,

мотивы и паттерны поведения населения. При этом социологические показатели косвенным образом характеризуют здоровье и тех респондентов, которые не обращаются за медицинской помощью (если они охвачены социологическим исследованием).

На основе субъективных данных в социологии медицины также komponуются показатели, позволяющие посредством обобщенных личностных оценок охарактеризовать группу (население). Методологически они представляют собой либо средние величины, полученные на основе обобщения индивидуальных субъективных оценок (самооценок), либо экстенсивные коэффициенты, отражающие структуру изучаемого явления. Одним из таких показателей является показатель самооценки здоровья.

Целью данного исследования выступает анализ стандартизированных и оригинальных методологических подходов к исследованию и измерению самооценки здоровья населения.

Теоретические основы исследования

В настоящей статье раскрываются возможности применения, варианты исследования и показатели самооценки здоровья, обоснованные в эпидемио-

логических исследованиях, которые проводились на популяционном уровне в различных странах мира.

Результаты и их обсуждение

Самооценка здоровья (СОЗ) – интегральный показатель, отражающий комплексные субъективные ощущения человека относительно своего здоровья. Он косвенно отражает персональную мотивацию человека на здоровьесбережение в условиях действующих социальных детерминант¹.

СОЗ широко применяется в эпидемиологических исследованиях как мера оценки состояния здоровья населения и играет все более важную роль в клинических испытаниях и скрининговых исследованиях. Уже более 10 лет назад обнаружена и подтверждена довольно высокая степень соответствия самооценки и объективной характеристики здоровья (до 80 %) на индивидуальном уровне [1; 2]. Оценка состояния здоровья по СОЗ, выполненная в странах Восточной и Западной Европы, выявила сопоставимость значений и динамики СОЗ с показателями смертности населения [3]. Основываясь на данных социолого-статистических исследований, польские специалисты пришли к выводу о том, что самооценка здоровья является независимым предиктором преждевременной смертности населения [4]. Доказано, что СОЗ связана с поведенческими факторами риска, медицинской активностью в профилактических целях и может отражать заинтересованность населения в профилактических мероприятиях. Также установлена ассоциация СОЗ с распространенностью факторов риска наиболее

значимых с эпидемиологической точки зрения групп заболеваний, в частности болезней системы кровообращения [5].

Благодаря информативности показателя СОЗ большинство исследований по проблемам здоровья включают вопросы по самооценке в качестве точки отсчета при характеристике различных аспектов здоровья населения [6]. Показатели СОЗ и информированности в совокупности с другими индикаторами позволяют прогнозировать поведение людей в случае формирования групп риска [7]. Ряд авторов утверждают, что в условиях дефицита ресурсов СОЗ может быть полезна в качестве скринингового показателя в программах профилактики [8].

Несмотря на отмечаемую авторами гетерогенность [9] и субъективность показателя СОЗ, он был рекомендован для использования экспертами ВОЗ еще в 1996 г. [10]. В первых рекомендациях ВОЗ предлагалось использовать следующий инструментарий для измерения СОЗ: вопрос «Каково Ваше здоровье в общем?»; варианты ответа: «очень хорошее», «хорошее», «удовлетворительное», «плохое», «очень плохое» [10].

Методы измерения СОЗ, предлагаемые ВОЗ, проходят стандартизацию и могут быть рекомендованы в качестве методов выбора. Вместе с тем эти методы варьируют. Во-первых, эксперты ВОЗ постоянно совершенствуют их. Во-вторых, при применении

¹Social determinants of health // World Health Organisation : site. URL: https://www.who.int/health-topics/social-determinants-of-health#tab=tab_1 (date of access: 30.05.2024).

в крупных многоцентровых исследованиях, проводимых организациями немедицинского профиля, эти подходы также претерпевали изменения. Например, Евростат дополняет пять указанных вариантов ответа вариантами «не знаю» и «без ответа»².

Самооценка здоровья рассматривается как обязательный компонент оценки СЗКЖ. Инструменты ее изучения различны. Соответственно, вопросы, позволяющие получить информацию о самооценке здоровья, также отличаются. Наиболее широко распространенными инструментами изучения и оценки качества жизни, рекомендованными ВОЗ, являются опросники SF-36 и WHQOL (WHQOL-BREF).

Опросник SF-36 состоит из 11 разделов, результаты оценок по которым представлены в баллах по 8 шкалам: физическое функционирование, ролевое функционирование, интенсивность боли и ее влияние на способность заниматься повседневной деятельностью, общее состояние здоровья (оценка пациентом), жизнедееспособность, социальное функционирование, эмоциональное состояние, самооценка психического здоровья [11]. Шкалы опросника отражают два компонента здоровья: физический (1–4-я шкалы) и психический (5–8-я шкалы). SF-36 включает шесть вопросов, связанных с самооценкой здоровья. Респондентам предлагается дать ответ по 5-балльной шкале. Например, первые два вопроса анкеты звучат следующим образом: «В целом, как бы Вы могли охарактеризовать Ваше здоровье?» (1 баллу соответствует вариант ответа «отличное», 2 баллам – вариант ответа «очень хорошее», 3 баллам – вариант ответа «хорошее», 4 баллам – вариант ответа «плохое», 5 баллам – вариант ответа «очень плохое»); «В сравнении с состоянием Вашего здоровья год назад как Вы можете оценить его сейчас?» (1 баллу соответствует вариант ответа «значительно лучше», 2 баллам – вариант ответа «немного лучше», 3 баллам – вариант ответа «примерно такое же», 4 баллам – вариант ответа «немного хуже», 5 баллам – вариант ответа «значительно хуже, чем год назад»). Остальные четыре вопроса представлены в форме таблицы и имеют одинаковые варианты ответа.

Опросник WHOQOL-BREF³ [12], или сокращенный опросник качества жизни ВОЗ (ВОЗКЖ-26)⁴, является краткой версией опросника WHOQOL-100, состоящего из 100 вопросов. Краткий опросник WHOQOL-BREF состоит из 26 пунктов, которые оценивают физическое и психологическое здоровье респондента, его социальные взаимоотношения и окружающую среду. ВОЗКЖ-26 удобен своей краткостью, кроме того, он позволяет комплексно оценить качество жизни

в шести сферах (физическая сфера, психологическая сфера, независимость, социальная активность, окружающая среда и духовность). Состав профилей универсален, емок и не нуждается в адаптации для целевой возрастной группы. Кроме того, качество жизни можно оценить и интегрально.

Среди входящих в анкету WHQOL-100 позиций следует выделить два вопроса, позволяющих выполнить самооценку здоровья: «Насколько Вы удовлетворены Вашим здоровьем?» (1 баллу соответствует вариант ответа «совершенно не удовлетворен», 2 баллам – вариант ответа «не удовлетворен», 3 баллам – вариант ответа «ни удовлетворен, ни не удовлетворен», 4 баллам – вариант ответа «удовлетворен», 5 баллам – вариант ответа «абсолютно удовлетворен»); «Какое у Вас здоровье?» (1 баллу соответствует вариант ответа «очень плохое», 2 баллам – вариант ответа «плохое», 3 баллам – вариант ответа «ни плохое, ни хорошее», 4 баллам – вариант ответа «хорошее», 5 баллам – «очень хорошее»). Сокращенная версия WHQOL-100 включает только первый из двух указанных вопросов. Сопоставимость результатов при оценке СОЗ с помощью WHOQOL-BREF и посредством иных методик не может быть абсолютной. Вместе с тем известно, что респонденты в силу социально-психологических особенностей могут по-разному оценивать и воспринимать СОЗ. При этом универсальной для оценки СОЗ является 3-балльная шкала. Так, отвечая на вопрос о самооценке удовлетворенности состоянием собственного здоровья, респонденты, выбравшие варианты ответа «удовлетворен» или «очень удовлетворен» при наличии ответа «ни то, ни другое» (ВОЗКЖ-26), очевидно, не могут одновременно оценивать свое здоровье как плохое, а респонденты, выбравшие варианты ответа «не удовлетворен» или «очень не удовлетворен», не могут оценивать его как хорошее.

Изучение оригинальных авторских подходов к измерению СОЗ показывает превалирование 3-балльных шкал. Формулировки вопросов при этом могут отличаться, поскольку зависят от восприятия целевой группы опрашиваемых. При этом суть вопросов является одинаковой. Так, исследуя вклад СОЗ в смертность от сердечно-сосудистых патологий и от других заболеваний среди москвичей 55 лет и старше, С. А. Шальнова, А. Э. Имаева, А. В. Капустина, Г. А. Муромцева, Ю. А. Баланова и В. М. Школьников предлагали респондентам оценить свое здоровье, выбрав ответ из вариантов «хорошее», «удовлетворительное», «плохое» [8]. Такая же шкала применялась коллективом авторов МГУ имени М. В. Ломоносова

²European health interview survey // Eurostat : site. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/microdata/european-health-interview-survey> (date of access: 30.05.2024).

³WHOQOL-BREF // World Health Organisation : site. URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref> (date of access: 30.05.2024) ; Study protocol for the World Health Organisation project to develop a Quality of Life assessment instrument (WHOQOL) // Quality of Life Research. 1993. Vol. 2, No. 2. p. 153–159.

⁴Russian WHOQOL-BREF // World Health Organisation : site. URL: <https://www.who.int/tools/whoqol/whoqol-bref/docs/default-source/publishing-policies/whoqol-bref/russian-whoqol-bref> (date of access: 30.05.2024).

под руководством профессора А. И. Антонова при изучении субъективной самооценки здоровья состоящих в браке городских жителей [13]. Коллектив авторов ФНИСЦ РАН под руководством профессора И. В. Журавлёвой, исследуя здоровье подростков, использовал варианты ответа «хорошее», «нормальное», «плохое» [14]. В других публикациях, содержащих результаты самооценки здоровья российских школьников, также применяется 3-балльная шкала [15]. В работе О. В. Ходаковой и Н. В. Кошевой на тему самооценки здоровья использовались варианты ответа «хорошее», «удовлетворительное», «не удовлетворительное» [16].

Следует отметить, что не всегда вербальная формулировка ответов является понятной для респондентов. Для того чтобы повысить объективность данных, в некоторых методиках применяются цифровые и (или) визуальные шкалы. Вопрос может быть сформулирован, например, следующим образом: «Оцените, пожалуйста, состояние Вашего здоровья по 10-балльной шкале» (где 1 баллу соответствует вариант ответа «очень плохое», а 10 баллам – вариант ответа «отличное»). При необходимости 10-балльная шкала путем объединения позиций может быть сокращена до 5-балльной (1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10) и даже до 3-балльной (1–4, 5–7, 8–10).

К группе распространенных общих опросников СЗКЖ можно отнести анкету EQ-5D (EuroQoL), состоящую из пяти блоков вопросов о субъективных ощущениях физического и психического здоровья человека [4]. Ее специфика заключается в том, что респонденту предлагаются как аналоговые, так и визуальные шкалы оценки.

Опросник EQ-5D используется для измерения состояния здоровья пациентов, предоставления доказательств эффективности затрат и опросов популяции в целях изучения здоровья населения. Основными преимуществами использования данного опросника является то, что итоговые данные в нем представляют собой единую оценку здоровья респондента. Кроме того, анкета может использоваться как для расширенных опросов населения, так и для

опроса специфических социальных групп. На данный момент разработано несколько модификаций инструментария, некоторые из них еще совершенствуются. Существуют и адаптированные русскоязычные версии опросника. Так, Международный центр экономики, управления и политики в области здоровья НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия) провел тестирование различных инструментов оценки качества жизни с использованием опросника EQ-5D. Исследование показало, что в официальной русской версии EQ-5D есть лингвистические и логические неточности. В ходе консультаций с англо-русскими переводчиками и представителями EuroQoL-группы в формулировки русскоязычной версии анкеты были внесены необходимые изменения. Центр первым в России адаптировал анкету EQ-5D с учетом национальных особенностей языка и получил одобрение на разработанный вариант русской версии опросника от EuroQoL-группы⁵. Таким образом, данный инструментарий можно также считать стандартизированным. Вместе с тем использование опросника требует регистрации на портале EuroQoL, что ограничивает его повсеместное распространение в качестве метода выбора.

Социологические методы обретают все большую популярность в практическом здравоохранении. Так, постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 30 августа 2023 г. № 125 «О порядке проведения диспансеризации взрослого и детского населения», утвердившим соответствующую инструкцию о порядке проведения диспансеризации, регламентировано анкетирование населения с выявлением факторов риска. Утвержденная форма анкеты не содержит вопросов о самооценке здоровья и позиций, позволяющих оценить СЗКЖ. Она предполагает автоматизированный сбор анамнеза у потенциального пациента и ориентирована на конкретные факторы риска. Вместе с тем впервые в национальном здравоохранении в практике утвержденных стандартных скрининговых процедур, к которым можно отнести и диспансеризацию, применяются опросные методы.

Заключение

Таким образом, нынешнее поколение становится свидетелем трансформационных процессов в понимании здоровья населения, методологии его изучения и анализа на популяционном и территориальном уровнях. Объективные статистические показатели здоровья постепенно дополняются субъективными индикаторами, основанными на самооценке респондента. Анализ субъективных показателей проводится с помощью социологических методов, позволяющих оценить социальный компонент здоровья населения

и охватить категории лиц, которые не обращаются за медицинской помощью и выпадают из отраслевой статистики.

Показатели СЗКЖ, являясь социологическим конструктом, уже прочно вошли в научный оборот. Показатели самооценки здоровья пока не имеют столь широкого применения как самостоятельные данные, однако имеют перспективную основу для изучения здоровья населения в когортных и иных сплошных исследованиях.

⁵ Анкета EQ-5D-3L (русская версия) // Высшая школа экономики : сайт. URL: <https://spb.hse.ru/scem/chemp/healthoutcomes/EQ-5D-3L> (дата обращения: 29.05.2018).

Методики исследования и измерения самооценки здоровья населения демонстрируют некоторую гетерогенность даже в стандартизированных инструментариях, рекомендованных ВОЗ. Оригинальные методики также различаются. Вместе с тем отмечается возможность сведения этих инструментов к 3-балльной шкале оценки.

Ввиду простоты измерения и возможности охвата населения за пределами системы здравоохранения показатель самооценки здоровья может быть рекомендован ко включению в исследования на уровне государственных статистических наблюдений, а также в программы оценки эффективности внедрения новых технологий в здравоохранительную сферу.

Библиографические ссылки

1. Bombak AE. Self-rated health and public health: a critical perspective. *Frontiers in Public Health*. 2013;1:15. DOI: 10.3389/fpubh.2013.00015.
2. Wu S, Wang R, Zhao Y, Ma X, Wu M, Yan X, et al. The relationship between self-rated health and objective health status: a population-based study. *BMC Public Health*. 2013;13:320. DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.
3. Benjamins MR, Hummer RA, Eberstein IW, Nam CB. Self-reported health and adult mortality risk: an analysis of cause-specific mortality. *Social Science and Medicine*. 2004;59(6):1297–1306. DOI: 10.1016/j.socscimed.2003.01.001.
4. Dziańkowska-Zaborszczyk E, Ciabiada B, Maniecka-Bryła I. Samoocena stanu zdrowia jako predyktor umieralności przedwcześnie. *Problemy higieny i epidemiologii* [Internet]. 2014 [cited 2024 May 30];95(4):866–870. Available from: <http://www.phie.pl/pdf/phe-2014/phe-2014-4-866.pdf>.
5. Акимов АМ, Гафаров ВВ, Бессонова МИ, Каюмова ММ, Гакова ЕИ, Лебедев ЕВ и др. Ассоциации самооценки здоровья и физической активности среди населения среднеурбанизированного города Западной Сибири (гендерный аспект). *Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины*. 2023;38(4):290–297. DOI: 10.29001/2073-8552-2023-38-4-290-297.
6. Журавлёва ИВ. *Отношение к здоровью индивида и общества*. Москва: Наука; 2006. 238 с.
7. Журавлёва ИВ, редактор. *Здоровье студентов: социологический анализ*. Москва: Инфра-м; 2014. 272 с.
8. Шальнова СА, Имаева АЭ, Капустина АВ, Муромцева ГА, Баланова ЮА, Школьников ЮМ. Самооценка здоровья москвичей 55 лет и старше, традиционные факторы риска и их прогностическое значение. *Российский кардиологический журнал*. 2019;24(6):27–33. DOI: 10.15829/1560-4071-2019-6-27-33.
9. Герри КД, Байдин ВМ. Источники искажений в самооценке здоровья. *Фармакоэкономика. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология*. 2017;10(4):31–36. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036.
10. de Bruin A, Picavet HSJ, Nossikov A. *Health interview surveys: towards international harmonisation of methods and instruments*. Geneva: World Health Organization. 161 p. [Internet]. 1996 [cited 2024 May 30]. Available from: <https://iris.who.int/handle/10665/107328.30.05.2024>.
11. Ware JE, Sherbourne CD. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Medical Care*. 1992;30(6):473–483.
12. Skevington SM, Lotfy M, O'Connell KA. The World Health Organisation's WHOQOL-BREF quality of life assessment: psychometric properties and results of the international field trial. A report from the WHOQOL group. *Quality of Life Research*. 2004;13(2):299–310. DOI: 10.1023/B:QURE.0000018486.91360.00.
13. Антонов АИ, Карпова ВМ, Новоселова ЕН. Здоровье в субъективных оценках состоящих в браке городских жителей. *Социальные аспекты здоровья населения* [Интернет]. 2020 [процитировано 29 мая 2024 г.];66(6):7. Доступно по: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1216/30/lang.ru/>.
14. Журавлёва ИВ, Иванова ЛЮ, Ивахненко ГА, Лакомова НВ, Резникова ТП. *Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет*. Москва: ФНИСЦ РАН; 2021. 309 с.
15. Кравченко НЛ. Оценка и самооценка текущего состояния здоровья школьников. *Научные высказывания* [Интернет]. 2023 [процитировано 29 мая 2024 г.];3(27):16–20. Доступно по: https://nvjournal.ru/article/Otsenka_i_samootsenka_tekushchego_sostojaniya_zdorovja_shkolnikov/.
16. Ходакова ОВ, Кошечкина НВ. Самооценка здоровья, как элемент самосохранительного поведения и приверженности к диспансеризации взрослого населения. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики*. 2019;4:321–338. DOI: 10.24411/2312-2935-2019-10099.

References

1. Bombak AE. Self-rated health and public health: a critical perspective. *Frontiers in Public Health*. 2013;1:15. DOI: 10.3389/fpubh.2013.00015.
2. Wu S, Wang R, Zhao Y, Ma X, Wu M, Yan X, et al. The relationship between self-rated health and objective health status: a population-based study. *BMC Public Health*. 2013;13:320. DOI: 10.1186/1471-2458-13-320.
3. Benjamins MR, Hummer RA, Eberstein IW, Nam CB. Self-reported health and adult mortality risk: an analysis of cause-specific mortality. *Social Science and Medicine*. 2004;59(6):1297–1306. DOI: 10.1016/j.socscimed.2003.01.001.
4. Dziańkowska-Zaborszczyk E, Ciabiada B, Maniecka-Bryła I. Samoocena stanu zdrowia jako predyktor umieralności przedwcześnie. *Problemy higieny i epidemiologii* [Internet]. 2014 [cited 2024 May 30];95(4):866–870. Available from: <http://www.phie.pl/pdf/phe-2014/phe-2014-4-866.pdf>.
5. Akimov AM, Gafarov VV, Bessonova MI, Kayumova MM, Gakova EI, Lebedev EV, et al. Associations of health and physical activity self-assessment among the population of a mediumurbanised city of Western Siberia (gender aspect). *Siberian Journal of Clinical and Experimental Medicine*. 2023;38(4):290–297. DOI: 10.29001/2073-8552-2023-38-4-290-297. Russian.
6. Zhuravleva IV. *Otnoshenie k zdorov'yu individa i obshchestva* [Relation to the health of the individual and society]. Moscow: Nauka; 2006. 238 p. Russian.

7. Zhuravleva IV, editor. *Zdorov'e studentov: sotsiologicheskii analiz* [Students' health: a sociological analysis]. Moscow: Infra-m; 2014. 272 p. Russian.
8. Shalnova SA, Imaeva AE, Kapustina AV, Muromtseva GA, Balanova YuA, Shkolnikov VM. Health self-esteem of 55 years and older Muscovites, traditional risk factors and their prognostic value. *Russian Journal of Cardiology*. 2019;24(6):27–33. DOI: 10.15829/1560-4071-2019-6-27-33. Russian.
9. Gerry KD, Baydin VM. Sources of BIAS in self-assessed health. *Farmakoeconomika. Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology*. 2017;10(4):31–36. Russian. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.4.031-036.
10. de Bruin A, Picavet HSJ, Nossikov A. *Health interview surveys: towards international harmonisation of methods and instruments*. Geneva: World Health Organization. 161 p. [Internet]. 1996 [cited 2024 May 30]. Available from: <https://iris.who.int/handle/10665/107328.30.05.2024>.
11. Ware JE, Sherbourne CD. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection. *Medical Care*. 1992;30(6):473–483.
12. Skevington SM, Lotfy M, O'Connell KA. The World Health Organisation's WHOQOL-BREF quality of life assessment: psychometric properties and results of the international field trial. A report from the WHOQOL group. *Quality of Life Research*. 2004;13(2):299–310. DOI: 10.1023/B:QURE.0000018486.91360.00.
13. Antonov AI, Karpova VM, Novoselova EN. Health in the subjective assessments of married urban residents. *Social Aspects of Population Health* [Internet]. 2020 [cited 2024 May 29];66(6):7. Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1216/30/lang,ru/>. Russian.
14. Zhuravleva IV, Ivanova LYu, Ivakhnenko GA, Lakomova NV, Reznikova TP. *Zdorov'e подростков i okruzhayushchaya sreda: izmeneniya za 20 let* [Health of adolescents and the environment: changes over 20 years]. Moscow: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2021. 309 p. Russian.
15. Kravchenko NL. [Assessment and self-assessment of the current state of schoolchildren's health]. *Nauchnye vyskazyvaniya* [Internet]. 2023 [cited 2024 May 29];3(27):16–20. Available from: https://nvjournal.ru/article/Otsenka_i_samootsenka_tekushego_sostojaniya_zdorovya_shkolnikov/. Russian.
16. Khodakova OV, Koshevaya NV. Self-assessment of health as an element of self-preserving behaviour and addition to dispersonisation of adults. *Current Problems of Health Care and Medical Statistics*. 2019;4:321–338. Russian. DOI: 10.24411/2312-2935-2019-10099.

Статья поступила в редколлегию 14.06.2024.
Received by editorial board 14.06.2024.

СОВРЕМЕННЫЕ РИСКИ РАЗМЫВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ВИРТУАЛИЗИРОВАННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Е. Г. ПАВЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Обосновывается мысль о том, что в настоящее время меняется парадигма общественного развития: на смену буржуазному постмодернизму приходит рабочий технократизм. Формирование культурной парадигмы нового технократизма обусловлено тем, что картина мира современного человека строится на основе повсеместного использования компьютерных технологий. Отмечается, что новыми элитами становятся программисты, управляющие компьютерными устройствами и сетями. Анализируются современные риски размывания субъективной идентичности личности в интернет-пространстве: присутствие виртуализированного другого субъекта как мнимого оппонента, создание индивидуализированного информационного пространства вокруг интернет-пользователя, установление идеализированного «общения» с гаджетом, формирование дофаминовой зависимости. Делается вывод о том, что современная техногенная цивилизация таит в себе не только угрозу потери реального самосознания и самоидентификации личности, но и угрозу деформации ценностно-нормативных основ общества, т. е. культуры, через реальное и потенциальное манипулирование общественным сознанием в интернете.

Ключевые слова: технократизм; парадигма культуры; идентичность личности; виртуализированный другой субъект; индивидуальное информационное пространство; дофаминовая зависимость; искусственный интеллект.

MODERN RISKS OF EROSION OF SUBJECTIVE IDENTITY OF A PERSON IN THE VIRTUALISED INTERNET-SPACE

E. G. PAVLOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Annotation. The idea is substantiated that the paradigm of social development is currently changing: bourgeois postmodernism is being replaced by working-class technocracy. The formation of the cultural paradigm of the new technocracy is due to the fact that the picture of the world of modern man is based on everyday life organised by the widespread use of computer technology. It is noted that programmers managing computer devices and networks are becoming new elites. The article analyses the current risks of erosion of the subjective identity of a person in the Internet space: the presence of a virtualised another subject as an imaginary opponent; the creation of an individualised information space around an Internet user; the establishment of an idealised «communication» with a gadget; the formation of dopamine addiction. It is concluded that modern man-made civilisation conceals not only the threat of loss of real self-awareness and self-identification of the individual, but also the threat of deformation of the value-normative foundations of society, i.e. culture, through real and potential manipulation of public consciousness on the Internet.

Keywords: technocracy; cultural paradigm; personal identity; virtualised another subject; individual information space; dopamine addiction; artificial intelligence.

Образец цитирования:

Павлова Е.Г. Современные риски размывания субъективной идентичности личности в виртуализированном интернет-пространстве. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:59–63. EDN: AEKSUB

For citation:

Pavlova EG. Modern risks of erosion of subjective identity of a person in the virtualised internet-space. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:59–63. Russian. EDN: AEKSUB

Автор:

Екатерина Геннадьевна Павлова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Ekaterina G. Pavlova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
kitipav@gmail.com

Введение

Современное общество, уставшее от постмодерна и скрытых смыслов на поверхности культурного слоя, погружается в техногенный цифровой порядок. Беларусь также идет по пути цифровизации культурной реальности. Сегодня процессы жизнеобеспечения, трудовой деятельности и общения предполагают наличие цифрового посредника. Мобильный телефон с круглосуточным выходом в интернет стал незаменимым спутником человека в повседневной жизни. Модели телефонов и их функции меняются и совершенствуются очень быстро. Человек не успевает освоить цифровые гаджеты, как на смену им приходят новые. В современном информационном обществе человек обречен на постоянное отставание от прогресса науки и техники. Вновь появляющиеся компьютерные технологии сложно воспринимаются сознанием обывателя (пользователя персонального компьютера). Сегодня происходит смена технологического уклада. Новыми элитами становятся программисты, управляющие компьютерными устройствами и сетями. В обществе цифрового потребления культура и искусство отходят на задний план. Чтобы постигать глубину духовной культуры, у современного человека не хватает ни времени, ни способностей. Его мышление стало клиповым и обрывочным. Одномоментный клик гаджета выдает сведения о любой сфере деятельности общества в сжатом визуализированном формате, что быстро насыщает мозг цифровыми символами, вызывая дофаминовую зависимость от символической информации.

В статье «Виртуальный мир и рождение нового человека» А. Н. Данилов делает вывод о том, что «...любой прогресс в жизни общества должен сопровождаться духовным обновлением человека, изменением его ценностных оснований с учетом национальных традиций и исторического опыта. В современном виртуальном мире формируется человек с новыми ценностными ориентирами, новым пониманием добра и зла, новым взглядом на будущее» [1, с. 4]. В то же время исследователь виртуальной культуры личности А. Н. Исаева утверждает, что «на данный момент в культуре нет сформированного способа персонального освоения виртуального пространства и разрешения противоречий, порождаемых личной активностью в нем» [2, с. 491]. Указанная

тенденция развития общества обуславливает актуальность и эвристическую значимость настоящего исследования. Под субъективной идентичностью личности мы понимаем ощущение человеком единения с самим собой. Виртуализированное пространство – это параллельная реальность, формирующаяся в сознании индивида при взаимодействии с устройством для выхода в интернет.

В монографии «Человек. Деятельность. Культура» В. С. Стёпин отмечает, что современные глобальные кризисы, порожденные техногенной цивилизацией, требуют пересмотра прежних стратегий ее развития. В XXI в. происходит радикальная трансформация типа цивилизационного развития. В процессе кризисов ценности техногенной культуры претерпевают трансформацию. Ее социальными проявлениями являются формирование экологического сознания, актуализация этических регулятивов научного поиска (социально-этический контроль) и установление техногенной власти (новые технологии обработки сознания масс людей открыли широкие возможности информационного насилия, манипуляции общественным сознанием со стороны анонимных социальных групп властной элиты) [3, с. 401]. Техногенному типу цивилизационного развития, по мнению В. С. Стёпина, характерны следующие признаки:

- восприятие человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир;
- понимание деятельности как креативного действия;
- приоритет инноваций над традициями;
- видение природы как преобразованного человеком поля, резервуара ресурсов для культурно-научной рациональности;
- формирование идеала современной автономной личности, не относящейся с рождения к определенной социальной общности и способной включаться в разные социальные общности;
- установление власти не только как господства человека над человеком, но и как господства над природными и социальными объектами.

Генетическое ядро техногенных цивилизаций определяет их воспроизводство и историческое развитие.

Основная часть

На смену буржуазному постмодернизму в культуре и обществе приходит рабочий технократизм. Меняется парадигма общественного развития. Управление миром осуществляется посредством глобальных компьютерных сетей. Их владельцы в один миг могут ограничить доступ к интернету. В условиях нехватки цифровых стимулов подсаженные на «цифровую

иглу» обыватели будут повержены в эмоционально-психологический голод. Общество, привыкшее познавать и осваивать мир только посредством гаджетов, окажется социально дезадаптированным.

Сейчас ни одно домохозяйство не обходится без подключенного персонального компьютера, не говоря уже о провайдерах мобильной связи, обеспе-

чивающих круглосуточный интернет в кармане. Современный пользователь засыпает и просыпается с телефоном в руках, став инфантильно зависимым от быстрого получения цифровых стимулов и символических вознаграждений. К цифровым изменениям быстро адаптируются узкие специалисты – цифровые профессионалы, которые пишут коды программ и обеспечивают работу персональных гаджетов и сетевых компьютеров. Эксперты в других областях вынуждены осваивать вновь появляющиеся компьютерные технологии, находясь в статусе вечного студента. Старшее, умудренное профессиональным и жизненным опытом поколение уступает молодежи в освоении новых компьютерных программ, что требует много времени и снижает продуктивность работы.

В указанных обстоятельствах пластичная детская психика находится под угрозой. Привыкая насыщать мозг легкодоступными символами и образами из цифровой реальности, ребенок быстро теряет интерес к реальной жизни. Чтение, отдых на природе, культурные мероприятия, общение со сверстниками и значимыми взрослыми не вызывают у него интереса. Ребенок привыкает к быстрому получению удовольствия от цифровой стимуляции головного мозга. Таким образом, растет поколение не компьютерных гениев, а социально дезадаптированных и инфантильных пользователей персонального компьютера.

Формирование культурной парадигмы нового технократизма обусловлено тем, что картина мира современного человека строится на основе повсеместного использования компьютерных технологий. Новыми элитами становятся программисты, управляющие компьютерными устройствами и сетями.

Среди современных рисков размывания субъективной идентичности личности в интернет-пространстве необходимо выделить, во-первых, присутствие виртуализированного другого субъекта как мнимого оппонента, во-вторых, создание индивидуализированного информационного пространства вокруг интернет-пользователя, в-третьих, установление идеализированного «общения» с гаджетом, в-четвертых, формирование дофаминовой зависимости.

Проблема виртуализированного другого субъекта возникает, когда индивид, выходя в интернет с помощью гаджета, осознанно пребывает наедине с собой и просматриваемым контентом. Человек должен осознавать, что его действия в интернете отслеживаются. Виртуальное пространство наполнено другими пользователями, программистами, разработчиками, блогерами, рекламодателями и т. д. Личная информация, которую человек выкладывает в интернет (включая переписку в мессенджерах), является опубликованной информацией. Данные

могут быть использованы владельцами интернет-порталов. Осознавая это, человек начинает манипулировать своим образом, пытаясь предстать в наилучшем свете перед виртуализированными другими. Данные попытки (конструирование виртуального образа личности) могут нанести вред субъективной идентичности человека, т. е. его самовосприятию. Искусственно созданный образ не всегда соответствует реальному. Пытаясь соответствовать симулякру, человек теряет свою индивидуальность: происходит размывание субъективной идентичности. Поэтому, пользуясь интернетом, необходимо контролировать свое поведение.

Риском размывания субъективной идентичности личности в интернете является создание индивидуального информационного пространства вокруг каждого пользователя. Все страницы и сайты, к которым он обращался, зафиксированы сервером. Из интересов каждого складывается картина того, что предлагает интернет-страница. При этом обзору и невольному восприятию подлежат реклама, новости и т. д. Они вторгаются в сознание индивида. Через свой мозг он пропускает гигабайты информационного мусора, стремясь вычленив нужные сведения. Процесс поиска необходимых данных и следование по горящим ссылкам есть не что иное, как манипуляция сознанием пользователя. В чьих интересах она производится? Человек теряет ощущение единения с самим собой. Несмотря на то что пользователь понимает, что им могут манипулировать, он бессознательно насыщает свой мозг легкодоступными визуализированными стимулами, истощая свою психику.

Большую роль в размывании субъективной идентичности личности играет характер взаимодействия человека с гаджетом. Сетевое общение, опосредованное различными мессенджерами, сегодня является широко популярным. Многие люди отказываются от телефонной связи в пользу сообщения в мессенджере. Отправленное сообщение можно просмотреть в удобное для пользователя время, между тем как звонок может отвлечь от важного дела. Но предпочтение общаться через мессенджеры влечет угрозу потери навыка живой коммуникации. В набранное в мессенджере сообщение человек вкладывает эмоцию и ожидает ответной реакции от адресата. В результате формируется привычка часто проверять поступившие сообщения, что, в свою очередь, приводит к устойчивой психоэмоциональной зависимости от устройства. Гаджет становится организатором и местом концентрации делового и личного общения. Такой формат общения носит идеализированный характер, поскольку мы не видим и не слышим собеседника, а значит, не вступаем с ним в эмоциональную связь. Ассоциируя все свои эмоции с персональным устройством связи, пользователь наделяет его желаемыми характеристиками собеседника.

Оно в руках может стать источником как радости, так и негодования. Человек способен проводить по несколько часов наедине с ним, участвуя в обсуждениях, что приводит к эмоциональному выгоранию. Пользователь попадает в дофаминовую ловушку – он получает удовольствие от поглощения информации и инстинктивно ищет новые стимулы.

Угрозу субъективной идентичности в интернете представляет формирующаяся у индивида дофаминовая зависимость. Насыщенный визуальный контент предполагает одномоментное клиповое считывание информации, смысл которой является легкодоступным и не требует много усилий для расшифровки. Мгновенная интерпретация смысла и удовлетворение от достижения цели по его восприятию стимулируют рецепторы мозга на повторение предпринятого действия. Получая сиюминутное удовольствие от просмотра легкодоступного контента в интернете, человек испытывает выброс дофамина. Чтобы пережить эти чувства вновь, пользователь стремится вернуться в виртуальное пространство, постепенно превращаясь в «цифрового наркомана».

От дофаминовой зависимости не застрахованы и программисты, которые в силу профессии вынуждены проводить 4–8 ч в день перед компьютером. У многих из них диагностирована игровая или цифровая зависимость. Они отвлекаются от написания кодов программ в виртуальной игре. На интернет-форумах довольно часто можно встретить статьи программистов о том, как они ведут борьбу с интернет-зависимостью (например, обесцвечивают экран устройства до черно-белого изображения, чтобы в мозг поступало меньше стимулов, отключают рекламные сообщения, дозируют время пребывания в компьютерной сети, актуализируют двигательную активность и т. д.). Тем не менее без программистов оцифрованный мир перестанет функционировать. Современный рабочий процесс невозможен без выхода в интернет, поскольку функции представителей большинства профессий сопряжены с работой в виртуальном пространстве. Это обстоятельство наводит на конспирологические мысли о мировом господстве над умами, ведь владельцы глобальных сетей обладают полномочиями в любой момент отключить «рубильник» интернета.

В процессе виртуализации личность испытывает ряд трансформаций, проявляющихся в модификации и расширении ее системы ценностей и смыслов, что приводит к формированию новых поведенческих и мировоззренческих паттернов. Личность интернет-пользователя формируется при переходе реальной личности в социокультурное виртуальное пространство с последующей интернализацией ценностей и смыслов виртуального социума. В ходе виртуальной социализации ценностно-смысловая

сфера личности становится диффузной. Она включает в себя ценности и смыслы, приобретенные в реальном пространстве и интернализированные в виртуальной среде. Такая среда позволяет создавать новые образы для реализации потребности индивида в самопрезентации, новые социальные связи, новые социальные роли и интегрироваться в референтные группы, не доступные в реальном пространстве [4, с. 47–48].

Российский исследователь Э. О. Расина обобщила результаты научного поиска отечественных и зарубежных специалистов в сфере конструирования виртуального образа личности в работе [5]. На взгляд Э. О. Расиной, причины и цели активности в виртуальном пространстве и конструировании виртуального образа личности можно разделить на следующие группы:

- фрустрационная группа (стремление изменить внешность и идентичность, заменить себя идеализированным образом, выразить свою многогранность, высказать критические взгляды на традиционный уклад жизни в условиях, когда ими нельзя поделиться даже с самыми близкими людьми, выражение подавленных в реальности сторон своей личности, желание контролировать других людей, властвовать над ними);
- защитная группа (ощущение уязвимости и боязнь близости, стремление убежать от реальности, сэкономить энергию за счет энергоемких виртуальных процессов);
- мотивационная группа (стремление к поддержанию позитивной самооценки, чувства собственной уникальности, потребность в повышении уровня самооценки и активизации социального взаимодействия, а также в самоактуализации и самоопределении, поиск альтернатив дальнейшего развития);
- потребительская группа (желание получить удовольствие, стремление к познанию нового, приобретение нового опыта);
- позиционная группа (вариативность идентификации, потребность в демонстрации своей принадлежности);
- аффилиационная группа (боязнь одиночества, стремление получить социальное одобрение, находиться в обществе других людей и быть принятым и признанным ими, желание обрести доверительные и эмоционально значимые отношения с другими людьми).

Следовательно, свой виртуальный образ пользователь формирует, опираясь на собственные цели и мотивы, вступая во взаимодействие с другими субъектами. Функциональный компонент, в свою очередь, определяет набор инструментария для управления впечатлением. Цели и мотивы пользователя влияют и на смысловую нагрузку образа, оформляя его семантику [5, с. 709].

Заключение

Так, рисками размывания субъективной идентичности личности в интернет-пространстве выступают присутствие виртуализированного другого субъекта как мнимого оппонента, создание индивидуализированного информационного пространства вокруг интернет-пользователя, идеализированное «общение» с гаджетом, формирование дофаминовой зависимости. Кроме того, особый риск для каждой личности и человечества в целом представляет искусственный интеллект. Разработчик чат-бота *ChatGPT* И. Маск в своем интервью американскому журналисту Т. Карлсону отметил, что искусственный интеллект несет в себе потенциальную угрозу уничтожения человечества. Есть вероятность того, что появится сверхсильный искусственный интеллект. Со временем он обретет способность влиять на людей, манипулировать общественным мнением, что может привести к катастрофе. Уже сейчас некоторые разработчики искусственного интеллекта обучают чат-бот *ChatGPT* лгать, утаивать информацию, быть политкорректным. Размышляя о перспективах искусственного интеллекта и возможного

нивелирования угрозы уничтожения человечества, И. Маск делится планами по созданию искусственного интеллекта, способного постичь законы природы. Такое достижение станет шагом к обеспечению безопасности, ведь такой искусственный интеллект вряд ли захочет уничтожить человечество как вид. Вместе с тем разработчик акцентирует внимание на том, что искусственный интеллект должен быть под контролем правительства. Сверхсильный искусственный интеллект будет похож на сотни тысяч компьютеров, работающих в связке. Правительству нужно иметь механическое средство управления им на случай, если по каким-либо причинам перестанет работать административное управление данной технологией [6].

Таким образом, современная техногенная цивилизация таит в себе угрозу не только потери реального самосознания и самоидентификации личности, но и деформации ценностно-нормативных основ общества через реальное и потенциальное манипулирование общественным сознанием в интернете.

Библиографические ссылки

1. Данилов АН. Виртуальный мир и рождение нового человека. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2023;4:4–9. EDN: ABYMOU.
2. Исаева АН. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021;18(3):491–505. DOI: 10.17323/1813-8918-2012-3-491-505.
3. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; 2018. 800 с.
4. Зекерьяев РИ. Эмпирическое исследование влияния ценностно-смысловой сферы личности на ее виртуальный образ: компонент смысложизненных ориентаций. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2021;27(1):46–52. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-46-52.
5. Расина ЭО. Психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021;23(3):705–716. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-3-705-716.
6. Карлсон Т. Полное интервью с Илоном Маском [Интернет]. 2023 [проецировано 5 июня 2024 г.]. Видео: 88:13 мин. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=bOznEZAjX3I>.

References

1. Danilov AN. The virtual world and the birth of a new human. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2023;4:4–9. Russian. EDN: ABYMOU.
2. Isaeva AN. The «disembodiment» of the personality in the context of virtual culture. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2021;18(3):491–505. Russian. DOI: 10.17323/1813-8918-2012-3-491-505
3. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Man. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
4. Zeker'yev RI. Empirical study of the influence of the value-sense sphere of a personality on its virtual image: a component of meaningful orientations. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2021;27(1):46–52. Russian. DOI: 10.34216/2073-1426-2021-27-1-46-52.
5. Rasina EO. Psychological determinants of virtual personality image. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;23(3):705–716. Russian. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-3-705-716.
6. Carlson T. [Full interview with Elon Musk] [Internet]. 2023 [cited 2024 June 5]. Video: 88:13 min. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=bOznEZAjX3I>.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024.
Received by editorial board 02.07.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А. Ю. САКОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены история и современное состояние социологического изучения белорусской провинции. Установлено, что в царской России социологическое изучение провинции сводилось к анализу разных сторон сельской жизни. Проводились социально-гигиенические обследования села, рассматривалась специфика крестьянского быта и религиозности сельчан. Социологический анализ села в дореволюционный период можно обнаружить в работах А. С. Пругавина, В. В. Тенишева, М. А. Харузина, Н. А. Янчука и др. В период с 1917 г. до начала 1930-х гг. изучение села продолжалось: организовывались социолого-статистические, социолого-политологические и социально-гигиенические обследования деревень, волостей и уездов. Исследованием села в этот период занимались Н. И. Бухарин, А. И. Тодорский, А. В. Чаянов и др. Во времена БССР сельская тематика была представлена в работах С. Я. Вольфсона, Б. Я. Смулевича и С. М. Василейского. В период с середины 1930-х гг. до середины 1950-х гг. социологические исследования села не проводились, так как социология была под запретом. В 1960–80-х гг. проблематика исследований провинции расширилась и охватила вопросы взаимодействия города и села, обусловленного миграцией крестьян, а также урбанизацией и индустриализацией деревни. Изучением миграционных перемещений сельского населения в города занимались Т. И. Заславская, Л. В. Корель, Р. В. Рывкина, В. И. Староверов и др. В работах Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной рассматривались также вопросы урбанизации и индустриализации села. Н. А. Аитовым и Р. Б. Камаевым было установлено, что эффективное функционирование сельского хозяйства невозможно без помощи городов. В Республике Беларусь начали проводиться самостоятельные исследования провинциального сообщества. Они предполагали теоретический анализ основных понятий в рамках данной темы, изучение образа жизни, менталитета, идентичности, ценностных ориентаций, гражданского поведения и социального самочувствия провинциального населения. Исследованием белорусской провинции занимались Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева и др. На современном этапе А. Ю. Сакович выделено новое исследовательское направление – социология провинции, в рамках которой особое внимание уделяется развитию сельских населенных пунктов. Автором предлагается новый подход к решению проблемы кадрового обеспечения агропромышленного комплекса.

Ключевые слова: провинция; село; малый город; провинциальное сообщество; агропромышленный комплекс; социология провинции.

SOCIOLOGICAL STUDY OF THE BELARUSIAN PROVINCE: HISTORY AND CURRENT STATE

A. Yu. SAKOVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The history and current state of the sociological study of the Belarusian province are considered. It is established that in tsarist Russia, the sociological study of the province was reduced to the analysis of various aspects of rural life. Social and hygienic surveys of the village were carried out, the specifics of peasant life and the religiosity of the villagers were

Образец цитирования:

Сакович АЮ. Социологическое изучение белорусской провинции: история и современное состояние. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:64–70.
EDN: YTEMEQ

For citation:

Sakovich AYu. Sociological study of the Belarusian province: history and current state. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:64–70. Russian.
EDN: YTEMEQ

Автор:

Анжела Юрьевна Сакович – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anzhela Yu. Sakovich, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
sakovich05@mail.ru

considered. The sociological analysis of the village in the pre-revolutionary period can be found in the works of A. S. Prugavin, V. V. Tennishev, M. A. Kharuzin, N. A. Yanchuk and others. In the period from 1917 to the early 1930s, the study of the village continued: sociological-statistical, sociological-political and socio-hygienic surveys of villages, volosts and counties were organised. N. I. Bukharin, A. I. Todorskii, A. V. Chayanov, and others studied the village during this period. During the time of the BSSR, rural themes were presented in the works of S. J. Wol'fson, B. J. Smulevich and S. M. Vasileiskii. In the period from the mid-1930s to the mid-1950s, sociological studies of the village were not conducted, since sociology was banned. In the 1960s and 80s, the problems of provincial research expanded and covered the issues of urban-rural interaction caused by the migration of peasants, as well as the urbanisation and industrialisation of the village. T. I. Zaslavskaya, L. V. Korel', R. V. Ryvkina, V. I. Staroverov and others studied migration movements of rural population to cities. In the works of T. I. Zaslavskaya and R. V. Ryvkina, the issues of urbanisation and industrialisation of the village were also considered. N. A. Aitov and R. B. Kamaev found that the effective functioning of agriculture is impossible without the help of cities. Independent studies of the provincial community have begun in the Republic of Belarus. They assumed a theoretical analysis of the basic concepts within the framework of this topic, the study of lifestyle, mentality, identity, value orientations, civic behaviour and social well-being of the provincial population. The Belarusian province was studied by R. A. Smirnova, T. V. Kuz'menko, T. S. Balakireva and others. At the present stage, A. Y. Sakovich has identified a new research area – the sociology of the province, within which special attention is paid to the development of rural settlements. The author proposes a new approach to solving the problem of staffing the agro-industrial complex.

Keywords: province; village; small town; provincial community; agro-industrial complex; provincial sociology.

Провинция представляет собой сложный социокультурный феномен, имеющий множество интерпретаций. В настоящей статье под провинцией подразумевается территория, которая удалена от столицы и крупных городов – экономических и культурных центров – и на которой расположены малые города, поселки городского и курортного типа, агрогородки и сельские поселения [1, с. 48].

Развитие провинциальных регионов является важнейшей задачей Республики Беларусь. В настоящее время в стране реализуется Концепция государственной политики регионального развития, предполагающая дифференцированный подход к развитию разных типов территорий. Приоритет отдается созданию благоприятных условий для жизни и труда в наименее развитых регионах, к числу которых относятся провинциальные населенные пункты. Одним из элементов указанной концепции является проект «Деревня будущего»¹. Особое внимание уделяется развитию агропромышленного комплекса. Так, сельское хозяйство является важнейшей отраслью экономики, которая обеспечивает население продовольствием и поставяет сырье для промышленности. В 2023 г. в стране насчитывалось около 1,5 тыс. сельскохозяйственных организаций и 3,4 тыс. фермерских хозяйств, где работала примерно 251 тыс. человек². На поддержку сельского хозяйства направлена государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг.³ Белорусская провинция также находится в поле зрения исследователей.

Исторически социологический анализ жизни в провинции начинался с изучения села. На современном этапе проводятся теоретические и эмпири-

ческие исследования провинциального сообщества. В данной работе рассмотрены в ретроспективе основные этапы социологического анализа белорусской провинции, а также определена его специфика в Российской империи, СССР и Республике Беларусь.

В начале XIX в. Российская империя представляла собой аграрную страну. Примерно 90,0 % населения были крестьянами. В городах проживало 2,7 млн человек, что составляло 6,5 % от общей численности населения [2]. Социологическое изучение провинции в царской России сводилось к исследованию сельской жизни. Осуществлялись регулярные переписи податного населения. Во второй половине XIX в. правительственные комиссии и земства проводили детальный анализ жизни в сельской глубинке, что в последующем стало постоянной практикой. Социологический анализ жизни в сельской местности в дореволюционный период можно обнаружить в работах А. С. Пругавина, В. В. Тенишева, М. А. Харузина, Н. А. Янчука и др. [3, с. 18]. Специалисты изучали социально-экономические проблемы крестьян, особенности их сельского быта, религиозности, проводили социально-гигиенические обследования села.

Регулярные монографические обследования деревень, волостей и уездов начали проводиться после Октябрьской революции. Так, А. М. Большаковым было проведено социологическое исследование около 600 сельских уездов. Организовывались социологические, социолого-политологические, социально-гигиенические обследования села. Изучением сельской проблематики в период с 1917 г. по начало 1930-х гг. занимались Н. И. Бухарин, А. И. Тодорский, А. В. Чаянов и др. [3, с. 18–19; 4, с. 11–12].

¹Эксперт о проекте государственной политики регионального развития Беларуси // Беларусь сегодня : сайт. URL: <https://www.sb.by/articles/privlech-investora-v-regiony.html> (дата обращения: 01.07.2024).

²Сельское и лесное хозяйство // Президент Республики Беларусь : сайт. URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/selskoe-i-lesnoe-hozjajstvo> (дата обращения: 12.06.2024).

³О государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 1 февр. 2021 г. № 59 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

В советской Беларуси изучением брачно-семейных отношений, религиозности сельского и городского населения занимался С. Я. Вольфсон. Исследования образа жизни и быта сельских и местечковых белорусских поселений были проведены Б. Я. Смулевичем и С. М. Василейским [4, с. 21]. Таким образом, социологическое изучение провинции на данном этапе, как и во времена Российской империи, сводилось к анализу сельского социума.

С середины 1930-х гг. до середины 1950-х гг. социологическая наука в СССР была под запретом. Возрождение социологии началось с середины 1950-х гг. В это же время возобновились социологические исследования села. Специалисты изучали разные стороны деревенской жизни. В 1960-х гг. эксперты делали акцент на анализе социальной структуры крестьян, особенностей ведения хозяйства, миграционной активности сельского населения и т. д. К концу 1970-х гг. не осталось практически ни одной области сельской жизни, которая не подверглась социологическому анализу [3, с. 19]. В 1960–80-х гг. особое внимание уделялось исследованию миграции сельского населения в города. Упадок сельской экономики в конце 1950-х гг. привел к возрастанию миграционной активности крестьян. Интенсивному переселению деревенских жителей в города способствовала кампания сселения неперспективных деревень, реализуемая в 1960–70-х гг. Ее целью было создание промышленных производств в сельской местности, т. е. индустриализация деревни. Осуществление данной кампании являлось неотъемлемой частью концепции агрогородка. Крестьянам предлагался промежуточный между городом и деревней вариант организации жизни, который должен был включать преимущества городской жизни и исключать недостатки сельской. Однако новый тип поселений характеризовался множеством недостатков. Сохраняющаяся недоступность городских благ и ограниченность ведения домашнего хозяйства обусловили массовый отток сельского населения в города, вызвав тем самым новую волну урбанизации. Одновременно усилилась маятниковая миграция. Так, в 1965 г. ежедневные поездки из села в город совершали 3,5 % крестьян БССР, а в 1975 г. – уже 6,0 % крестьян БССР [5, с. 31–41]. Таким образом, интенсификация миграционных процессов способствовала укреплению связи между сельскими поселениями и городами. Социологическое изучение провинции в 1960–80-х гг. заключалось в исследовании не только сельской проблематики, но и вопросов взаимодействия деревни и малых городов, обусловленного миграцией.

Изучением миграционного поведения сельского населения занимались Т. И. Заславская, В. И. Староверов, Л. В. Корель, Р. В. Рывкина и др. Особый вклад в исследование данной темы внесла Т. И. Заславская. В статье «Методологические проблемы оптимизации миграции сельского населения» автор приводит результаты социально-экономического исследования

миграционных перемещений крестьян. Данное исследование было проведено в 1965–1968 гг. сектором социальных проблем города и деревни Института экономики и организации промышленности производства Сибирского отделения Академии наук СССР совместно с Центральным статистическим управлением РСФСР. В работе рассматриваются социальные и экономические функции миграции, анализируются ее последствия для города и села, обосновывается необходимость управления миграционными процессами [6]. В 1960–70-х гг. под руководством Т. И. Заславской был проведен ряд социально-экономических и статистико-социологических исследований миграции сельского населения в города.

Изучением миграционного поведения крестьян занимался В. И. Староверов. По результатам исследования, проведенного в 1966–1969 гг. в Старорусском районе Новгородской области, ученым подготовлена работа «Город или деревня». В ней проанализированы основные характеристики сельских мигрантов, изучены мотивы переселения, определены социально-экономические последствия миграции для города и села. Выбор объекта исследования был обусловлен тем, что по демографическим, экономическим, топографическим и другим критериям данный регион являлся типичным регионом, где наблюдался миграционный отток сельского населения. Полученные в ходе исследования результаты были распространены на аналогичные Старорусскому району местности, испытывающие недостаток трудовых ресурсов (преимущественно северо-западные, волго-вятские, центральные и белорусские районы) [7]. Данная работа имела большое значение для исследования сельской миграции в труднедостаточных регионах Советского Союза.

В статье Л. В. Корель «К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей в города» представлены результаты опроса крестьян, проведенного в 1967 и 1970 гг. В работе проанализирована связь между потенциальной и реальной миграцией. Автором установлено, что на формирование миграционных установок сельского населения большое влияние оказала оценка им сельского и городского образа жизни. В ходе исследования 1967 г. зафиксировано, что 37,3 % крестьян имели твердое намерение переехать в город. Данные опроса 1970 г. показали, что 41,0 % потенциальных мигрантов занимались реализацией этих планов. Ответы родных и односельчан этих лиц свидетельствовали о том, что 92,2 % переселенцев выражали удовлетворенность жизнью в городе. Результаты исследований также показали, что значительная часть жителей села переезжали в города в два-три этапа: сначала в ближайшие рабочие поселки и районные центры, а затем в более крупные города. При этом показатели потенциальной и реальной миграции не совпадали: не всегда крестьяне, имеющие намерение переехать в город, в действительности это делали [8, с. 11–31].

Таким образом, многие оставались на промежуточном этапе, пополняя малые города, рабочие и городские поселки и формируя тем самым структуру современной провинции.

О сближении города и деревни свидетельствовала не только сельская миграция, но и урбанизация села, признаками которой являлись развитие бытового обслуживания, торговли, увеличение количества библиотек и т. д. В работе «К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения» Р. В. Рывкина пишет, что за 1959–1970 гг. в сельских поселениях Новосибирской области число объектов бытового обслуживания выросло в 2,5 раза, а число объектов общественного питания – в 2,0 раза. В 1965–1970 гг. было построено более 300 торговых предприятий, более 200 точек бытового обслуживания, 120 мест общественного питания. Автор отмечает, что урбанизация села охватывала три взаимосвязанные сферы:

1) условия сельской жизни (труд, быт, досуг, учеба и др.);

2) образ жизни крестьян (организация жизни);

3) состояние сознания сельского населения (ценности, потребности и характер их удовлетворения).

Урбанизация села могла происходить как стихийно, через изменение поведения людей в результате трансформации их ценностей и потребностей, так и планомерно, посредством принятия административно-управленческих решений, постепенно изменяющих условия жизни и труда сельчан. Исследователь подчеркивает, что планомерная урбанизация развивалась недостаточно, что проявлялось в медленном строительстве жилья, а также в невысоком уровне бытового и культурного обслуживания. Прогнозировалось, что противоречия между запросами сельского населения и медленной урбанизацией села будут усугубляться, что приведет к усилению маятниковой мобильности и миграции [9]. В указанной работе сформировано представление о современной тому времени деревне как об урбанизированном населенном пункте, жителям которого должны быть доступны блага цивилизации, присущие городам.

В работе Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной «Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни» разработаны критерии, позволяющие определить уровень урбанизации сельского поселения, изучены особенности индустриализации сферы общественного производства в сельской местности, описаны внутренние (происходящие внутри деревни) и внешние (предполагающие фиксацию связей между городом и деревней) механизмы развития деревни. Установлено, что движущей силой социальных изменений в сельских поселениях выступают именно города. Деревня рассматривается как объект трансформации [10]. Таким образом, проблематика социологического анализа провинции расширилась. Взаимодействие села и малых городов обусловилось

не только миграцией, но и урбанизацией и индустриализацией сельских поселений.

В 1980 г. была опубликована работа «Социально-демографическое развитие села», в которой описывалась территориальная структура аграрного сектора Советского Союза. Были выделены две взаимосвязанные структурные проекции: территориально-управленческая и социально-территориальная. Территориально-управленческая структура включала пять уровней:

1) аграрные секторы 15 союзных республик (сельскохозяйственные районы, агропромышленные города);

2) аграрные секторы 20 автономных республик, 121 области и 6 краев;

3) аграрные секторы 8 автономных областей и 10 автономных округов;

4) сельские сельскохозяйственные районы (около 3 тыс.);

5) аграрные и агропромышленные сельские населенные пункты (около 400 тыс.), города и поселки городского типа (2–3 тыс.).

Социально-территориальная структура отражала социально-экономическую дифференциацию аграрных поселений низшего уровня. Например, она фиксировала различия между аграрными секторами Казахстана и Беларуси [11, с. 27–33]. Таким образом, территориальная структура низшего уровня аграрного сектора СССР во многом схожа со структурой современной белорусской провинции.

Одной из задач развитого социализма являлось ускоренное стирание значимых различий между городом и деревней, что во многом зависело от уровня развития производительных сил аграрного сектора экономики. В работе Н. А. Аитова и Р. Б. Камаева «Новый промышленный центр и село» отмечается, что политика партийного руководства исходила из того, что эффективное функционирование сельского хозяйства невозможно обеспечить только усилиями деревни – необходимо перераспределение средств из промышленности в агросферу. Без помощи города темпы роста сельскохозяйственного производства являлись недостаточными. Указывалось, что если вначале промышленность нуждалась в ресурсах аграрной отрасли, то в условиях невысокой эффективности последней промышленность должна была ускорить развитие сельского хозяйства. Поддержка села со стороны рабочего класса состояла преимущественно в поставке техники колхозам и совхозам [12, с. 14–15]. Таким образом, в Советском Союзе было сформировано понимание того, что развитие сельского хозяйства невозможно без помощи городов.

Анализируя изменения, происходящие с селом при формировании нового промышленного центра, Н. А. Аитов и Р. Б. Камаев указывают на необходимость рассмотрения города и деревни как социально-экономических общностей людей, проживающих на их

территории. Каждая из них являлась самостоятельной системой, вместе с тем они не существовали изолированно. Город являлся подсистемой общества. Он имел тесные культурные, экономические, социальные и демографические связи как с другими городами, так и с прилегающими деревнями. Сельские поселения выступали источником продовольствия, местом рекреации и зоной миграции. Город был центром притяжения сельского населения и источником урбанизации села. Деревня также рассматривалась как система. Однако в сельской местности присутствовала лишь часть объектов, образующих поселение. Так, если на территории города было расположено несколько промышленных предприятий, учреждений образования, здравоохранения, культуры и т. д., то в сельской местности одно сельхозпредприятие объединяло несколько деревень. Кроме того, многие небольшие села не имели пунктов медицинского обслуживания, школ, магазинов, клубов, что обуславливало маятниковую миграцию между сельскими населенными пунктами [12, с. 29–33]. Современную белорусскую провинцию также можно представить как систему. В качестве ключевых объектов, образующих провинцию, следует рассматривать модернизированные, высокотехнологичные сельхозпредприятия, эффективное функционирование которых обеспечено силами всего провинциального сообщества.

Таким образом, в 1960–80-х гг. отечественные ученые в процессе изучения взаимодействия города и деревни, обусловленного миграцией, сельской урбанизацией и индустриализацией, заложили основы социологического изучения провинции как социально-территориальной общности, занятой преимущественно в сельском хозяйстве.

В Республике Беларусь активное изучение сельской проблематики продолжилось. С конца 1990-х гг. исследуются вопросы развития фермерства, модернизации агропромышленного комплекса, предпринимательской инициативы в сельской местности, удовлетворенности крестьян социальной инфраструктурой деревень, материального положения сельского населения, репродуктивных и миграционных установок сельчан и т. д. Анализ белорусского села посвящены работы Н. Е. Лихачёва, Р. А. Смирновой, Т. В. Кузьменко и др. Наряду с изучением деревни осуществлялись самостоятельные исследования провинции. В монографии «Судьба белорусской провинции» под редакцией Р. А. Смирновой представлена специфика социологического подхода к изучению провинции, описана типология провинциальных регионов, приведены результаты эмпирических социологических исследований провинциального сообщества, изучена роль сельского населения в развитии аграрной отрасли экономики. В данной работе провинция понимается как «открытая развивающаяся социальная система, имеющая географические и административно-территориальные параметры, социально-культурное про-

странство, особенности образа жизни, идентичности, условий социализации, менталитета и ценностных ориентаций» [13, с. 15]. Особое внимание в монографии уделяется взаимодействию сельских населенных пунктов и малых провинциальных городов.

В работе Р. А. Смирновой «Белорусская провинция как объект социологического анализа» изучаются функции и роль провинции в жизни как конкретных людей, так и всей нации, исследуется степень зависимости малых городов и сельских поселений от центра, в качестве которого чаще всего выступает столица. Автор отмечает, что малым городам присущи две характеристики:

- 1) наряду с другими городами (областными центрами и столицей) они включены в культурное целое;
- 2) несмотря на выделенность из аграрной сферы, малые города выполняют функцию социально-экономического, организационно-управленческого, культурно-бытового центра для прилегающих сельских поселений [14].

Особое внимание в работе уделяется анализу социокультурных ресурсов провинции, которые на основе общих ценностей и общей территории способны сплотить местные сообщества.

В статье А. Ю. Сакович «Развитие белорусской провинции: социологический аспект» развитие провинции связывается с созданием модернизированных агрохолдингов, эффективное функционирование которых должны обеспечить не только труженики села, но и высококвалифицированные кадры из малых городов. В работе описана структура белорусской провинции, рассмотрены вопросы закрепления молодых специалистов в сельской местности [15]. Автор предлагает новый подход к решению проблемы кадрового обеспечения белорусской агросферы.

Потребность в более детальном изучении провинциального социума обусловила выделение нового исследовательского направления – социологии провинции. В работе А. Ю. Сакович «Социология провинции как новое исследовательское направление» установлено, что объектом социологии провинции выступает социально-территориальная общность людей, ведущих особый образ жизни. Данная общность обладает определенным менталитетом и определенной идентичностью. Предметом социологии провинции выступают «закономерности функционирования местных сообществ, важнейшим вектором деятельности которых является развитие аграрного сектора экономики» [1, с. 48]. Социология провинции определена как «исследовательское направление в социологии, изучающее провинцию как социальнотерриториальную общность людей, обладающую определенным менталитетом и выполняющих социально-экономическую функцию (обеспечение населения сельскохозяйственной продукцией)» [1, с. 48]. Особое внимание в рамках социологии провинции уделяется развитию сельских территорий.

Таким образом, на протяжении истории анализировались разные аспекты жизни провинциального сообщества. Важнейшей составляющей белорусской провинции является село. В 1930-х гг. подавляющее большинство населения было сельским, поэтому социологический анализ провинции сводился к изучению особенностей деревенской жизни. В 1960–80-х гг. проблематика исследований расширилась и охватила вопросы миграции сельского населения в города, урбанизации и индустриализации деревни. В Республике Беларусь социологический анализ села проводился с конца 1990-х гг. Параллельно начались исследования провинциального сообщества. В 2015 г.

вышла монография «Судьба белорусской провинции», в которой было представлено теоретическое обоснование феномена провинции и приведены результаты эмпирических социологических исследований 2009 и 2011–2014 гг. [13, с. 12]. В дальнейшем А. Ю. Сакович было предложено осуществить комплексный анализ провинциального социума в рамках нового исследовательского направления – социологии провинции [1, с. 45–50]. Сегодня социологическое изучение провинции требует выделения самостоятельного направления в социологии, важнейшей задачей которого является поиск оптимальных путей развития агропромышленного комплекса.

Библиографические ссылки

1. Сакович АЮ. Социология провинции как новое исследовательское направление. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2024;1:45–50. EDN: SQPCGE.
2. Морозов АЮ. Россия в начале XIX в.: территория и население. *Фоксфорд* [Интернет; процитировано 11 июня 2024 г.]. Доступно по: https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiyavnachalexixvterritoriyainaselenie?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F.
3. Староверов ВИ. *Сельская социология*. Москва: ИСПИ РАН; 2003. 259 с.
4. Лихачёв НЕ. *Белорусское село в социальном измерении*. Минск: А. Н. Вараксин; 2007. 303 с.
5. Лин ДГ, Предыбайло СД. *Сельское население Беларуси: демографический анализ*. Гомель: Барк; 2008. 273 с.
6. Заславская ТИ. Методологические проблемы оптимизации миграции сельского населения. В: Заславская ТИ, редактор. *Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства АН СССР; 1969. с. 3–28.
7. Староверов ВИ. *Город или деревня*. Москва: Полииздат; 1972. 87 с.
8. Корель ЛВ. К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей в города. В: Заславская ТИ, Калмык ВА, редакторы. *Социально-экономическое развитие села и миграция населения*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства АН СССР; 1972. с. 11–31.
9. Рывкина РВ. К изучению основных направлений урбанизации образа жизни сельского населения. В: Заславская ТИ, Калмык ВА, редакторы. *Современная сибирская деревня*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства АН СССР; 1975. с. 3–39.
10. Заславская ТИ, Рывкина РВ, редакторы. Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни. В: Заславская ТИ, Калмык ВА, редакторы. *Социально-экономическое развитие села и миграция населения*. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства АН СССР; 1972. с. 245–262.
11. Бельняк ИИ, Бородин СМ, Заславская ТИ. *Социально-демографическое развитие села*. Заславская ТИ, Мучник ИБ, редакторы. Москва: Статистика; 1980. 343 с.
12. Аитов НА, Камаев РБ. *Новый промышленный центр и село*. Москва: Экономика; 1983. 104 с.
13. Смирнова РА, Кузьменко ТВ, Смирнов ВЭ, Балакирева ТС. *Судьба белорусской провинции: социологический анализ*. Минск: Беларуская навука; 2015. 435 с.
14. Смирнова РА. Белорусская провинция как объект социологического анализа. *Социологический альманах*. 2015; 6:116–125.
15. Сакович АЮ. Развитие белорусской провинции: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:65–74. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-65-74.

References

1. Sakovich AYU. Provincial sociology as a new research direction. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024;1:45–50. Russian. EDN: SQPCGE.
2. Morozov AY. [Russia at the beginning of the 19th century: territory and population]. *Foxford* [Internet; cited 2024 June 11]. Available from: https://foxford.ru/wiki/istoriya/rossiyavnachalexixvterritoriyainaselenie?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. Russian.
3. Staroverov VI. *Sel'skaya sotsiologiya* [Rural sociology]. Moscow: Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences; 2003. 259 p. Russian.
4. Likhachev NE. *Belorusskoe selo v sotsial'nom izmerenii* [The Belarusian village in the social dimension]. Minsk: A. N. Varaksin; 2007. 303 p. Russian.
5. Lin DG, Predybailo SD. *Sel'skoe naselenie Belarusi: demograficheskii analiz* [Rural population of Belarus: demographic analysis]. Gomel: Bark; 2008. 273 p. Russian.
6. Zaslavskaya TI. [Methodological problems of optimising rural migration]. In: Zaslavskaya TI, editor. *Migratsiya sel'skogo naseleniya: tseli, zadachi i metody regulirovaniya* [Rural migration: goals, objectives and methods of regulation]. Novosibirsk: Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva AN SSSR; 1969. p. 3–28. Russian.

7. Staroverov VI. *Gorod ili derevnya* [City or village]. Moscow: Politizdat; 1972. 87 p. Russian.
8. Korel' LV. [On the issue of the relationship between potential and real migration of rural residents to cities]. In: Zaslavskaya TI, Kalmyk VA, editors. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sela i migratsiya naseleniya* [Socio-economic development of the village and migration of the population]. Novosibirsk: Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva AN SSSR; 1972. p. 11–31. Russian.
9. Ryvkina RV. [To study the main directions of urbanisation of the rural lifestyle]. In: Zaslavskaya TI, Kalmyk VA, editors. *Sovremennaya sibirskaya derevnya* [Modern Siberian village]. Novosibirsk: Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva AN SSSR; 1975. p. 3–39. Russian.
10. Zaslavskaya TI, Ryvkina RV, editors. [The impact of the processes of urbanization and industrialization on the socio-economic development of the village]. In: Zaslavskaya TI, Kalmyk VA, editors. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sela i migratsiya naseleniya* [Socio-economic development of the village and migration of the population]. Novosibirsk: Institut ekonomiki i organizatsii promyshlennogo proizvodstva AN SSSR; 1972 p. 245–262. Russian.
11. Belenkaya II, Borodkin SM, Zaslavskaya TI. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sela* [Socio-demographic development of the village]. Zaslavskaya TI, Muchnik IB, editors. Moscow: Statistika; 1980. 343 p. Russian.
12. Aitov NA, Kamaev RB. *Novyi promyshlennyi tsentr i selo* [New industrial center and village]. Moscow: Ekonomika; 1983. 104 p. Russian.
13. Smirnova RA, Kuz'menko TV, Smirnov VE, Balakireva TS. *Sud'ba belorusskoi provintsii: sotsiologicheskii analiz* [The fate of the Belarusian province: a sociological analysis]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 435 p. Russian.
14. Smirnova RA. Belarusian province as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskii al'manakh*. 2015;6:116–125. Russian.
15. Sakovich AYu. Development of the Belarusian province: a sociological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1: 65–74. Russian. DOI: 10.33581/2520-2251-2023-1-65-74.

Статья поступила в редколлегию 02.07.2024.
Received by editorial board 02.07.2024.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316:37

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ, РИСКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Л. В. ФИЛИНСКАЯ¹⁾, И. В. ЛЕВИЦКАЯ²⁾, А. А. МИСУН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Международный институт управления и предпринимательства,
ул. Славинского, 1, корп. 3, 220086, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются преимущества и риски применения искусственного интеллекта в учреждениях высшего образования. Описываются факторы эффективного внедрения нейросетей в процесс обучения. Акцентируется внимание на необходимости разработки норм применения систем искусственного интеллекта. Представляются результаты социологического исследования «Искусственный интеллект глазами студентов: возможности, проблемы, риски», проведенного среди студентов Белорусского государственного университета и Международного института управления и предпринимательства. Данные исследования свидетельствуют об активном использовании генеративного искусственного интеллекта в процессе обучения. Делается вывод о необходимости широкого обсуждения

Образец цитирования:

Филинская ЛВ, Левицкая ИВ, Мисун АА. Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:71–77.
EDN: DUKHBW

For citation:

Filinskaya LV, Levitskaya IV, Misun AA. Artificial intelligence and education: challenges, risks and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:71–77. Russian.
EDN: DUKHBW

Авторы:

Лариса Владимировна Филинская – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Ирина Владимировна Левицкая – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой общепедagogических дисциплин.

Алина Андреевна Мисун – студентка факультета философии и социальных наук.

Authors:

Larisa V. Filinskaya, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

filinskayv@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4133-5416>

Irina V. Levitskaya, PhD (sociology), docent; head of the department of general education disciplines.

lev@imb.by

<https://orcid.org/0009-0009-1673-1717>

Alina A. Misun, student at the faculty of philosophy and social sciences.

alina.misun@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0000-1917-0163>

вопросов развития искусственного интеллекта и его внедрения не только в образование, но и в здравоохранение, международную торговлю, юридическую практику и т. д. Междисциплинарный подход к изучению экономических, политических, социальных и правовых аспектов применения ИИ позволит повысить уровень доверия к создаваемым интеллектуальным системам и активизировать международное сотрудничество в сфере развития ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросети; чат-бот *ChatGPT*; образование; преимущества, угрозы и риски использования искусственного интеллекта в образовании.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND EDUCATION: CHALLENGES, RISKS AND PROSPECTS

L. V. FILINSKAYA^a, I. V. LEVITSKAYA^b, A. A. MISUN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInternational Institute of Management and Business, 1 Slavinsky Street,
3 building, Minsk 220086, Belarus

Corresponding author: Larisa V. Filinskaya (filinskalv@gmail.com)

Abstract. The advantages and risks of using artificial intelligence in higher education institutions are analysed. The factors of effective implementation of neural networks in the learning process are described. Attention is focused on the need to develop standards for the use of artificial intelligence systems. The results of the sociological study «Artificial intelligence through the eyes of students: opportunities, problems, risks» conducted among students of the Belarusian State University and the International Institute of Management and Business are presented. These studies indicate the active use of generative artificial intelligence in the learning process. It is concluded that there is a need for a broad discussion of the development of artificial intelligence and its implementation not only in education, but also in healthcare, international trade, legal practice, etc. An interdisciplinary approach to the study of the economic, political, social and legal aspects of application of artificial intelligence will increase the level of confidence in the created intelligent systems and enhance international cooperation in the field of development of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence; neural networks; chat bot *ChatGPT*; education; advantages, threats and risks of using artificial intelligence in education.

Введение

Первые научные работы, в которых была осмыслена и развита идея о возможностях и перспективах взаимодействия людей и машин, а также об использовании технологий для решения производственных задач и улучшения качества жизни, появились в 1950-х гг. [1–5]. Уже тогда были обозначены этические и социальные аспекты автоматизации многих технологических процессов, прозвучали призывы к осознанному внедрению новых технологий и отмечена необходимость контроля над машинами.

Термин «искусственный интеллект» (ИИ) был введен Дж. Маккарти в 1956 г. и определен как область науки и исследований, которая занимается созданием машин и программ, способных выполнять интеллектуальные задачи. Спустя полвека, в 2007 г., в работе «Что такое искусственный интеллект?», предназначенной для непрофессионалов, Дж. Маккарти высказал мнение о том, что интеллект – это вычислительная способность достигать глобальных целей, присущая людям, животным и некоторым машинам, а ИИ, как область науки и совокупность техник по созданию интеллектуальных машин и компьютерных программ, предполагает исполь-

зование компьютеров, обладающих способностями человеческого интеллекта [6].

Сегодня ИИ вносит существенные коррективы в процесс образования, оказывает влияние на рынок труда, правовую систему, социальные нормы и ценностные ориентации общества, алгоритм работы с применением машинного интеллекта. Современные исследователи проводят тщательный анализ взаимодействия индивида с системой ИИ, изучают опыт его применения в разных областях: в юридической практике [7], транспортной сфере [8], маркетинге [9], экономике, международной торговле [10], здравоохранении [11] и т. д.

Процесс активного внедрения ИИ во все сферы деятельности человека обуславливает необходимость переосмысления постулатов марксизма, символического интеракционизма, феноменологии, глобализации и других концепций, а также разработки новых социальных теорий, например постгуманизма или техногуманизма. В связи с этими задачами социологии являются комплексный анализ потенциала ИИ и предупреждение рисков его использования.

Социологическая теория, не будучи проверенной эмпирическим путем, не может полноценно

выполнять свои функции (гносеологическую, прогностическую, управленческую и др.), поэтому любое социальное явление, особенно если речь идет о новом феномене, должно быть подробно изучено и описано различными способами. Постепенно ИИ

становится универсальным помощником для поиска, обработки и анализа информации, решения творческих и практических вопросов. При этом важно отметить, что его широкое применение может обусловить и возникновение определенных угроз.

Методология исследования

В настоящей статье представлены результаты исследования «Искусственный интеллект глазами студентов: возможности, проблемы, риски», в котором участвовали студенты 1-х курсов Белорусского государственного университета и Международного института управления и предпринимательства. Опрос был проведен в феврале 2024 г. Объем выборочной совокупности составил 245 респондентов. Целями исследования выступали изучение практик использования систем ИИ студентами, в частности, в образовательной деятельности, и анализ их представлений о преимуществах и угрозах применения новых технологий, в частности ИИ.

Сбор данных осуществлялся методом формализованного опроса с использованием онлайн-инструмента *Google Forms*. Анкета включала как структурированные (закрытые), так и неструктурированные

(открытые) вопросы, которые были направлены на выяснение осведомленности студентов об ИИ и областях его применения, связанных с ним ассоциаций, практик использования элементов ИИ, преимуществ и рисков внедрения новых технологий в повседневные практики. Статистический анализ и обработка данных производились с помощью пакета программ SPSS.

Для уточнения полученных данных в мае 2024 г. был осуществлен опрос с использованием метода незаконченных предложений. Были опрошены 65 студентов из числа участников исследования, проведенного в феврале.

Полученные результаты позволяют составить представление об опыте студентов-первокурсников в области использования генеративного ИИ и их взглядах на возможности новых технологий.

Результаты и их обсуждение

Вопрос о необходимости использования ИИ сегодня уже не стоит, однако внедрение его инструментов должно сопровождаться тщательным анализом новых возможностей, потенциальных преимуществ и рисков в данной области. Все чаще звучат призывы к ответственному применению искусственного разума.

По словам генерального директора ЮНЕСКО О. Азуле, «искусственный интеллект серьезно изменит сферу образования, методы преподавания, способы обучения, доступ к знаниям и подготовка учителей претерпят революционные изменения»¹. ИИ способен существенно трансформировать процесс образования, сделать его более эффективным, доступным и персонализированным. Уже сегодня инструменты ИИ используются для анализа поведения обучающихся, персонализации образовательного процесса, автоматизации рутинных задач, усиления инклюзивности образовательной среды, проверки знаний студентов, повышения уровня их мотивации и решения других важных задач.

Вопрос об использовании ИИ в образовании обрел актуальность среди представителей социально-

гуманитарных наук (социологов, экономистов, юристов, педагогов, психологов, философов) в последние несколько лет. Особенно активно данная тема стала обсуждаться после ноября 2022 г., когда американская научно-исследовательская компания *OpenAI* представила универсальный чат-бот *ChatGPT*, нашедший применение в самых разных сферах, в том числе в образовании.

В 2023 г. произошел технологический прорыв: любой пользователь компьютера получил доступ к генеративным сетям. Неслучайно словом 2023 г., по версии британского словаря английского языка, назван термин «искусственный интеллект»², по версии портала «Грамота.ру» – термин «нейросеть»³, по версии составителей Кембриджского словаря – термин «галлюцинировать», т. е. создавать ложную информацию⁴.

Популярность использования чат-бота *ChatGPT* обусловлена его способностью генерировать качественные тексты, рисунки и другие объекты интеллектуальной деятельности, что делает его удобным и привлекательным для широкого применения. При этом актуальность обретает проблема так называемых

¹Как искусственный интеллект может улучшить образование? // ЮНЕСКО : сайт. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/kak-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-uluchshit-obrazovanie> (дата обращения: 10.04.2024).

²Самое популярное слово в 2023 году // vc.ru : сайт. URL: <https://vc.ru/u/2016119-veniamin-bakalinskii/933372-samoe-populyarnoe-slovo-v-2023-godu> (дата обращения: 10.04.2024).

³Нейросеть – слово 2023 года по версии Грамоты // Грамота.ру : сайт. URL: <https://gramota.ru/journal/novosti-i-sobytiya/neyroset-slovo-2023-goda-po-versii-gramoty> (дата обращения: 10.04.2024).

⁴Кембриджский словарь назвал словом года глагол «галлюцинировать» // Хабр : сайт. URL: <https://habr.com/ru/news/774136/> (дата обращения: 10.04.2024).

искусственных галлюцинаций, когда чат-бот генерирует опыт, лишь кажущийся реалистичным. Особую остроту приобретает проблема интеллектуальной собственности на созданные нейросетью объекты.

Отвечая на открытый вопрос «С чем у Вас ассоциируется ИИ?», студенты БГУ и МИУП чаще всего использовали формулировки «помощь» и «будущее», что свидетельствует о возрастающем внимании молодежи к этому феномену и ее намерении активно использовать технологии в повседневной жизни.

Сегодня уже практически все студенты используют возможности ИИ (на это указали 94,3 % опрошенных), при этом 5,7 % респондентов обращаются к платным версиям нейросетей. Так, среди молодежи популярны такие инструменты ИИ, как чат-бот *ChatGPT* (это отметили 56,7 % респондентов), *MidJourney* (18,2 %), *Character.ai* (11,3 %), *Stable Diffusion* (3,0 %), *Quillbot* (2,8 %), *Google Bard* (1,9 %), *Bing* (1,9 %) и другие сервисы (4,2 %). Доступность, скорость применения инструментов, простота написания промтов, возможность задавать любой язык и работать с разными видами контента привлекают пользователей сервиса, основанного на нейросети.

Студенты-первокурсники прибегают к помощи нейросетей прежде всего для выполнения образовательных задач, например для поиска определенной информации (на это указали 81,4 % опрошенных), выполнения учебных заданий (70,6 %), подготовки курсовых работ (25,1 %), проверки собственных знаний (31,2 %) или перевода текстов на иностранный язык (26,4 %).

Студенты активно делегируют ИИ свои обязанности, например такие, как выполнение и проверка домашних заданий, контрольных работ и тестов, генерация изображений и текстовых материалов, описание таблиц и графиков, редактирование, структурирование и сокращение текста, подбор литературы, составление расписания и т. д.

Нередко студенты, выполняя задания, обращаются к ИИ за дополнительной информацией: *Я пишу основную суть – он дополняет*⁵. Также ИИ используется в качестве персонального учителя, который *объясняет непонятные моменты, теоремы и т. д.* Студенты отмечают, что *в процессе обучения в университете ИИ стал действительно помощником*. При этом многие респонденты указали на то, что не испытывали бы потребности в применении ИИ, если бы не учились в учреждении высшего образования.

Студенты, которые не прибегают к помощи ИИ, объясняют это следующим образом: *Я предпочитаю действовать привычными способами; Не доверяю новым технологиям*.

Может ли ИИ заменить личное общение студента и преподавателя? Безусловно, использование новых технологий в процессе обучения позволяет сформировать у студентов определенные компетенции,

например повысить их информационную грамотность и улучшить их навыки работы с большим объемом данных и др. В то же время взаимодействие «преподаватель – студент» остается неизменным. Его важное значение обусловлено возможностью сформировать у студентов навыки социальной коммуникации, развить эмоциональный интеллект. Таким образом, ИИ может лишь облегчить решение образовательных задач. Ведущая же роль в процессе обучения остается за преподавателем.

Студентам был задан вопрос о преимуществах использования инструментов ИИ. Отвечая на него, респонденты указали на сокращение времени для решения учебных задач, мгновенное получение ответа на поставленный вопрос (79,2 %), возможность задать любой язык (75,7 %), бесплатное пользование сервисом (75,0 %), круглосуточную доступность в любом месте, где есть интернет (70,8 %), устранение психологических барьеров (50,7 %), учет подготовки и индивидуальных особенностей пользователя (41,0 %), возможность оценить уровень знаний и проверить выполненные задания (50,0 %), доступ к дополнительным обучающим ресурсам и материалам (67,4 %).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что студенты ценят ИИ за экономию ресурсов (времени, финансов, сил и т. д.), а также за то, что он дает дополнительные возможности и учитывает индивидуальные потребности обучающихся.

Признавая всевозрастающее значение ИИ в современных условиях, не следует забывать о проблемах, связанных с его применением. Так, по мнению студенческой молодежи, использование новых технологий может обусловить следующие риски:

- недостоверность сведений (80,6%);
- утрата способности анализировать, адекватно оценивать информацию, творчески мыслить и самостоятельно решать проблемы (69,4 %);
- небезопасность данных, отсутствие конфиденциальности (64,6 %);
- анонимность информации (61,1 %);
- плагиат, мошенничество (56,3 %);
- снижение авторитета преподавателей, низкая мотивация студентов к обучению (49,3 %);
- развитие зависимости от интернета (48,6 %);
- отказ от межличностного общения, усиление социальной изоляции (48,6 %);
- отсутствие равного доступа пользователей к сервисам ИИ ввиду технических, экономических или культурных причин (45,1 %).

Сможет ли ИИ спустя 5–10 лет заменить традиционную систему образования и как современные студенты оценивают данную технологию: как опасную или как полезную? Определяющим фактором при ответе на данные вопросы выступает уровень доверия к ИИ. В рамках исследования студентам было

⁵Здесь и далее курсивом выделены высказывания респондентов.

предложено оценить свой уровень доверия к результатам деятельности нейросетей по шкале от 1 до 5 баллов, где баллу 1 соответствует вариант ответа «совсем не доверяю», а баллу 5 – «полностью доверяю». Среднее значение составило 2,45 балла, что свидетельствует о рациональной осторожности и критическом подходе студентов в отношении ИИ.

Студентам также было предложено высказать мнение по поводу угроз и перспектив использования ИИ. Большинство студентов-первокурсников считают, что ИИ упрощает жизнь человека (72,9 %), позволяет развивать новые отрасли экономики (56,4 %), повышает эффективность любой деятельности (54,9 %) и помогает улучшить качество жизни (50,0 %). При этом, по мнению опрошенных, использование ИИ является гуманным (68,4 %) и не представляет собой угрозу для человечества (51,1 %). Студенты полагают, что ИИ не способен мыслить как человек (51,5 %) и не может его заменить (61,3 %).

Полученные в ходе исследования результаты подтверждают мнение российских исследователей П. М. Лукичёва и О. П. Чекмарева, согласно которому существуют следующие риски применения ИИ в системе высшего образования:

- замена оригинальных текстов студентов текстами, выполненными ИИ;
- увеличение объема плагиата в студенческих работах, снижение отметок;
- технологический уклон;
- бюрократизация (формализация) системы высшего образования;
- риски целеполагания;
- усиление социального неравенства;
- отрицание необходимости в высшем образовании для будущих поколений [12].

Значительный технологический и научный прогресс, связанный с развитием ИИ, сопряжен с большим количеством потенциальных изменений на макро-, мезо- и микроуровнях. Эти изменения могут нести как позитивные, так и негативные эффекты. Позитивными эффектами развития ИИ выступают следующие явления:

- значительный рост производительности труда, увеличение ВВП, улучшение качества жизни, создание новых рабочих мест, повышение эффективности управления, разработка новых систем безопасности, совершенствование систем образования, здравоохранения, изменение баланса сил между странами, имеющими доступ к передовым технологиям ИИ, решение проблем изменения климата и др. (макроуровень);
- автоматизация производственного процесса, разработка новых финансовых продуктов и услуг, оптимизация транспортных потоков, повышение безопасности движения, обеспечение наблюдения за общественными местами, предотвращение преступлений и др. (мезоуровень);

- изменение характера и содержания работы, осуществление мониторинга здоровья человека и разработка индивидуального плана лечения, автоматизация бытовых процессов, обеспечение безопасности дома, персонализация развлечений, помощь в саморазвитии и др. (микроуровень).

Среди негативных эффектов развития ИИ можно назвать следующие явления:

- рост социального неравенства и напряженности, массовая безработица, потеря суверенитета стран и их экономическая зависимость, разработка атомного оружия, новый виток гонки вооружений, дестабилизация международных отношений, дегуманизация общества, потеря человеческих ценностей и др. (макроуровень);
- монополизация в сфере ИИ, предвзятость алгоритмов ИИ, дискриминация определенных групп людей, кибератаки, высокая зависимость от ИИ в принятии решений, способная привести к увеличению рисков, ошибок и др. (мезоуровень);
- снижение когнитивных навыков человека и потеря его способности к самостоятельному мышлению, манипулирование людьми и их поведением, уязвимость умных домов к кибератакам, кража данных и др. (микроуровень).

Исследователи А. Хамилтон, Д. Уильям и Д. Хатти описывают четыре сценария внедрения технологий ИИ в систему образования.

Согласно 1-му сценарию нынешняя система образования сохранена. Используются уже созданные и новые модели ИИ. Знания и навыки развиваются и совершенствуются. Обсуждаются перспективы взаимодействия человека и ИИ.

По 2-му сценарию технологии ИИ используются во всех сферах, имеют преимущество перед человеческим трудом, при этом компании обязаны сохранять рабочие места для людей. Ценность получения образования снижается, оно не является необходимым. Новые идеи предлагает ИИ. Человек не выдерживает такой конкуренции. Он должен знать лишь основы социального поведения. Такой сценарий возможен примерно через 10–20 лет.

В рамках 3-го сценария люди пытаются вернуть себе первенство над машинами за счет внедрения интерфейса «мозг – машина». Получение высшего образования отменяется. Все необходимые знания и навыки можно получить используя цифровые импланты.

В соответствии с 4-м сценарием люди абсолютно не участвуют в экономической деятельности. Все мыслительные процессы, принятие решений и внедрение инноваций выполняют машины. Каждый человек имеет универсальный базовый доход. Человек обретает большую свободу выбора [13].

При кажущейся фантастичности описанных сценариев нельзя отрицать, что они имеют реальные основания. Поэтому уже сейчас важно задуматься о том, как мы будем жить в мире с таким мощным

инструментом, как усовершенствованный ИИ. Стоит обратить внимание на предложенные А. Хамилтоном, Д. Уильямом и Д. Хатти меры по замедлению темпов развития ИИ:

- необходимо создать глобальную нормативно-правовую структуру по регулированию развития ИИ, включающую международный координационный орган и контролирующие органы на национальном уровне;
- компании, занимающиеся разработкой ИИ, должны пройти процедуру соответствующего лицензирования;
- приложения ИИ следует подвергать дополнительной проверке с оценкой социальных рисков, прежде чем эти инструменты станут доступными для широкой общественности;

- системы, используемые студентами, должны обладать ограничительной функцией, которая позволяет образовательным учреждениям контролировать, как студенты используют возможности ИИ;
- необходимо соблюдать строгие правила в отношении конфиденциальности данных;
- создатели сгенерированного текста, ответственные за его размещение в открытом доступе, должны удалить недостоверные данные, обвинения и клевету в короткие сроки после получения соответствующего сигнала;
- следует осуществлять постоянный мониторинг безопасности и эффективности использования приложений ИИ;
- необходимо разработать систему штрафов за любые нарушения правил использования ИИ [13].

Заключение

Современный мир характеризуется стремительным развитием информационных технологий, которые применяются в повседневной и профессиональной деятельности человека. Система высшего образования не является исключением. Регулирование применения ИИ должно быть гибким и быстро адаптируемым к развитию новых технологий.

Вопросы развития ИИ и его внедрения в повседневную жизнь требуют широкого обсуждения

с участием политиков, разработчиков нейросетей, представителей сферы образования, здравоохранения, юриспруденции и т. д. Междисциплинарный подход к изучению экономических, политических, социальных и правовых аспектов применения ИИ позволит повысить уровень доверия к создаваемым интеллектуальным системам и активизировать международное сотрудничество в сфере развития ИИ.

Библиографические ссылки

1. Turing AM. Computing machinery and intelligence. *Mind*. 1950;59(236):433–460. DOI: 10.1093/mind/LIX.236.433.
2. Тьюринг АМ. *Может ли машина мыслить?* [Интернет]. 1960 [протитировано 19 апреля 2024 г.]. Доступно по: http://www.etheroneph.com/files/can_the_machine_think.pdf.
3. Wiener N. *Men, machines, and the world about them* [Internet]. 1950 [cited 2024 April 19]. Available from: <https://www.wnyc.org/story/men-machines-and-the-world-about-them>.
4. Wiener N. *Men, machines, and the world about* [Internet]. 1954 [cited 2024 April 19]; c. 65–72. Available from: https://www.robertspahr.com/teaching/hnm/wiener_men_machines_and_the_world_about.pdf.
5. McCarthy J, Minsky ML, Rochester N, Shannon CE. *A proposal for the Dartmouth summer research project on artificial intelligence* [Internet]. 2007 [cited 2024 April 20]. Available from: <http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf>.
6. McCarthy J. What is artificial intelligence? *Formal Reasoning Group* [Internet]. 2007 [cited 2024 April 20]. Available from: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.pdf>.
7. Березина ЕА. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(12):25–38. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038.
8. Акимов АЕ. Большие данные, искусственный интеллект и облачные технологии: цифровизация железных дорог. *Инновации и инвестиции* [Интернет]. 2023 [протитировано 10 апреля 2024 г.];3:150–153. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-iskusstvennyy-intellekt-i-oblachnye-tehnologii-tsifrovizatsiya-zheleznih-dorog>.
9. Долженко ИБ. ChatGPT и потенциал применения генеративного искусственного интеллекта в маркетинге. *Вектор экономики* [Интернет]. 2023 [протитировано 10 апреля 2024 г.];4. Доступно по: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2023/4/marketingandmanagement/Dolzhenko2.pdf>.
10. Городнова НВ. Применение искусственного интеллекта в экономической дипломатии и международной торговле. *Вопросы инновационной экономики*. 2021;11(2):565–580. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112214.
11. Фершт ВМ, Латкин АП, Иванова ВН. Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2020;12(1):121–130. DOI: [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130).
12. Лукичев ПМ, Чекмарев ОП. Риски применения искусственного интеллекта в системе высшего образования. *Вопросы инновационной экономики*. 2024;14(2):463–482. DOI: 10.18334/vinec.14.2.120731.
13. Hamilton A, Wiliam D, Hattie J. The future of AI in education: 13 things we can do to minimize the damage. *ResearchGate* [Internet]. 2023 [cited 2024 April 10]. URL: https://www.researchgate.net/publication/373108877_The_Future_of_AI_in_Education_13_Things_We_Can_Do_to_Minimize_the_Damage/link/64ef1f48f3514c57c4397d37/download?_tp=eyJjb250ZXh0I-jp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19.

References

1. Turing AM. Computing machinery and intelligence. *Mind*. 1950;59(236):433–460. DOI: 10.1093/mind/LIX.236.433.
2. Turing A. *Mozhet li mashina myslit'?* [Can a machine think?] [Internet]. 1960 [cited 2024 April 19]. Available from: http://www.etheroneph.com/files/can_the_machine_think.pdf. Russian.
3. Wiener N. *Men, machines, and the world about them* [Internet]. 1950 [cited 2024 April 19]. Available from: <https://www.wnyc.org/story/men-machines-and-the-world-about-them>.
4. Wiener N. *Men, machines, and the world about* [Internet]. 1954 [cited 2024 April 19], p. 65–72. Available from: https://www.robertspahr.com/teaching/hnm/wiener_men_machines_and_the_world_about.pdf
5. McCarthy J, Minsky ML, Rochester N, Shannon CE. *A proposal for the Dartmouth summer research project on artificial intelligence* [Internet]. 2007 [cited 2024 April 20]. Available from: <http://jmc.stanford.edu/articles/dartmouth/dartmouth.pdf>.
6. McCarthy J. What is artificial intelligence? *Formal Reasoning Group* [Internet]. 2007 [cited 2024 April 20]. Available from: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.pdf>.
7. Berezina EA. The use of artificial intelligence in juridical activities. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(12):25–38. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.025-038.
8. Akimov AE. Big data, artificial intelligence acited and cloud technologies: digitization of railways. *Innovacii i investicii* [Internet]. 2023 [cited 2024 April 10];3:150–153. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshie-dannye-iskusstvennyy-intellekt-i-oblachnye-tehnologii-tsifrovizatsiya-zheleznih-dorog>. Russian.
9. Dolzhenko IB. [ChatGPT and the potential of using generative artificial intelligence in marketing]. *Vektor ekonomiki* [Internet]. 2023 [cited 2024 April 10];4. Available from: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2023/4/marketingandmanagement/Dolzhenko2.pdf>. Russian.
10. Gorodnova NV. Artificial intelligence in economic diplomacy and international trade. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2021;11(2):565–580. Russian. DOI: 10.18334/vinec.11.2.112214.
11. Fersht VM, Latkin AP, Ivanova VN. Modern approaches to the use of artificial intelligence in medicine. *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2020;12(1):121–130. Russian. DOI: [dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130](https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-1/121-130).
12. Lukichev PM, Chekmarev OP. Risks of artificial intelligence in higher education. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2024;14(2):463–482. Russian. DOI: 10.18334/vinec.14.2.120731.
13. Hamilton A, Wiliam D, Hattie J. The future of AI in education: 13 things we can do to minimize the damage. *ResearchGate* [Internet]. 2023 [cited 2024 April 10]. URL: https://www.researchgate.net/publication/373108877_The_Future_of_AI_in_Education_13_Things_We_Can_Do_to_Minimize_the_Damage/link/64ef1f48f3514c57c4397d37/download?_tp=eyJjb250ZXh0Ijp7ImZpcnN0UGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIiwicGFnZSI6InB1YmxpY2F0aW9uIn19.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024.
Received by editorial board 28.05.2024.

УДК 316.74:2-4/-6(560+476)

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И ТУРЦИИ

Е. В. ШКУРОВА¹⁾, Э. ДОКУЗЛУ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220012, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Отмечается, что одной из ключевых задач современной социологии религии является осмысление феномена религиозности, претерпевающего сегодня заметные трансформации. Представляются результаты международного исследования ценностей, позволяющего произвести межстрановое сравнение религиозности населения. С использованием многомерного кросс-конфессионального подхода к изучению религиозности анализируется вовлеченность населения Беларуси и Турции в деятельность религиозных институтов, а также религиозные представления белорусов и турков. Определяются основные мировоззренческие, поведенческие и организационно-нормативные индикаторы религиозности населения указанных стран.

Ключевые слова: религия; религиозность; религиозная ситуация; Беларусь; Турция.

PECULIARITIES OF RELIGIOSITY OF THE BELARUSIAN AND TURKISH POPULATION

A. V. SHKUROVA^a, E. DOKUZLU^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220012, Belarus

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

Abstract. It is noted that one of the key tasks of modern sociology of religion is to comprehend the phenomenon of religiosity, which is undergoing noticeable transformations today. The results of an international study of values are presented, which allows for an inter-country comparison of the religiosity of the population. Using a multidimensional cross-confessional approach to the study of religiosity, the involvement of the population of Belarus and Turkey in the activities of religious institutions, as well as the religious beliefs of Belarusians and Turks, is analysed. The main ideological, behavioural, organisational and normative indicators of the religiosity of the population of these countries are determined.

Keywords: religion; religiosity; religious situation; Belarus; Turkey.

Introduction

The phenomena of religion and the way of its reflection – religiosity – are constantly present in the system of socio-humanitarian knowledge as an object of re-

search, although its comprehensive comprehension is one of the most difficult problems to solve. The issues of conceptualisation of religiosity have been actualised

Образец цитирования:

Шкурова ЕВ, Докузлу Э. Особенности религиозности населения Беларуси и Турции. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;3:78–86 (на англ.). EDN: DHVYUQ

For citation:

Shkurova AV, Dokuzlu E. Peculiarities of religiosity of the Belarusian and Turkish population. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024;3:78–86. EDN: DHVYUQ

Авторы:

Елена Валерьевна Шкурова – доктор социологических наук, доцент; старший научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Эмрах Докузлу – заведующий Белорусско-турецким исследовательским центром.

Authors:

Alena V. Shkurova, doctor of science (sociology), docent; senior researcher at the Belarusian-Turkish Research Center. vogel_82@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1214-0783>

Emrah Dokuzlu, head of the Belarusian-Turkish Research Center.

edokuzlu@gmail.com

since about 1920s within the framework of religious studies and relevant social disciplines with the subsequent transformation of mechanisms of its understanding. In the anthropology of religion, this transformation can be traced in the interpretation of religion as a universal factor of social and individual life, followed by a transition to the understanding of the socio-cultural conditionality of religiosity. In psychology, one can note a change from interpreting religiosity as a simple phenomenon to a multidimensional one. Sociology of religion begins its consideration as a group characteristic with a transition to taking into account its individual dimensionality, which formed the basis for the construction of standardised research methods of study. In modern religious studies, a comprehensive approach has emerged, based on the interpretation of religiosity as a multidimensional phenomenon manifested in a variety of forms, not only between different religious systems, but also within religions themselves, and even within religious movements and at the individual level of followers.

In today's transforming and globalising society, religion is one of the most important factors of social life, although its influence is often latent. It can function as an integrative mechanism that ensures the maintenance of social structure, can act as a source of social change, determining the direction of social dynamics.

It manifests itself at the level of any type of social subjects – individual, collective, society as a whole.

Any religious sphere is heterogeneous, and religion as a social institution is polyfunctional and not only sets the meanings of the transcendental order, but also providing worldview, norm-regulating, communicative, value functions. The nature of social subjects' perception of the content and functions of religion reveals the peculiarities of religiosity of a particular society in a certain period of its development.

In this context, it is of special interest to analyse the specificity of religiosity in different types of societies, with different confessional structure, with different features of historical presence of confessions, with special forms of formation and transformation of state-confessional relations. The purpose of this article is to present the specificity of religiosity in Belarusian and Turkish societies on the basis of the interpretation of religion as a sphere of social (individual) life, which is an institutionalised symbolic system of beliefs and practices focused on the meanings of the ultimate (namely, transcendent) content, which have the status of sacred (holy). And religiosity, in turn, as involvement (of an individual, group, society) in religion, formalised (to a greater or lesser degree of expression) in a religious system and existing in the form of a religious tradition or religious movement.

Research methodology

The methodological basis of the research is the results of the European Values Survey, a large-scale cross-national programme launched in 1981 to study the ideas, beliefs, preferences and views of the population of European countries on life, family, work, religion, politics and society. The research project consists of nationally representative surveys conducted in nearly 100 countries, representing nearly 90.0 % of the world's population, using a common questionnaire. In the first wave of the

project (1981–1984), 16 countries participated, in the second wave (1990–1993) – 29 countries, in the third wave (1999–2001) – 33 countries, in the fourth wave (2008–2010) – 47 countries. The fifth wave of the European Values Survey started in September 2017. In the Republic of Belarus, it fell in 2018, 1548 respondents were interviewed [1, p. 123–124; 2, p. 124]. In the Republic of Turkey, the survey was also conducted in 2018, with 2415 respondents participating in the survey¹ [3].

Results and discussion

It is obvious that the peculiarities of the historical development, which determined the formation of the religious field of the countries, are fundamentally different in Belarus and Turkey. At the time of the formation of its own statehood, the Republic of Belarus was formed as a polyconfessional country. Its religious sphere is characterised by confessional diversity with the dominance of the traditional religions – Orthodoxy and Catholicism. According to the Office of the Commissioner for Religions and Nationalities under the

Council of Ministers of the Republic of Belarus, the total number of registered confessions in Belarus is 25, they include 3419 religious communities, including 1737 Orthodox, 500 Roman Catholic, 1038 Protestant, 34 Old Believers, 51 Jewish and 24 Muslim communities².

The Republic of Turkey is a traditional Muslim country, but religion is predominantly separate from secular government. Islam is the main religion of the country and 99.0 % of the population consider themselves Muslims. The vast majority of Muslims (75.0 %) are Sunnis³.

¹Gedeshi I., Dachulia M., Poghosyan G. European Values Study 2017: integrated dataset (EVS 2017) // Gesis : site. URL: <https://doi.org/10.4232/1.13897> (date of access: 01.05.2024).

²Information about the confessional situation in the Republic of Belarus // Commissioner for Religious and Ethnic Affairs of the Council of Ministers of the Republic of Belarus : site. URL: belarus21.by/Articles/1439296790 (date of access: 01.05.2024) (in Russ.).

³Islam in Turkey // Electronic Turkey : site. URL: <http://eturka.ru/obshchaya-informatsiya-o-turtsii/kratko-o-turtsii/religiya-v-turtsii-sobennosti-islama.html> (date of access: 01.05.2024) (in Russ.).

The Alevi Shiites constitute the second largest religious community in Turkey, and number some 20.0–25.0 % (15 mln) of the total population [4]. In addition, more than 180 thsnd Christians and about 20 thsnd Jews live on the territory of Turkey⁴.

The main source of information about the peculiarities of the population's perception of religion is mainly the data of sociological studies, within which it is possible to trace the nature of attitudes towards various components of the religious system. If we interpret religion in the broad sense as the ultimate worldview perspective, which appeals to the transcendent as a self-sufficient and self-acting reality, we can judge that in sociological terms religion is a system of necessity and not reducible to each other element [2]: religious ideas, expressing the transcendent idea of religion; religious activity, implementing the principles and methods of realisation of the idea; religious institutions, organising the followers of the idea into a community. They form the dimensions of the religious system, the nature of participation in which allows us to assess the state of religiosity in the aggregate.

The study of religion as one of the six basic values within the framework of the fifth wave of the European Values Survey is based on the identification of the characteristics of the respondents' involvement in its individual elements, i. e. on the assessment of the religiosity of the population and is formed by three groups of indicators.

Indicators of involvement in the system of religious ideas are such characteristics as experience and declaration of belonging to a certain confession (denomination); self-assessment of religiosity; worldview ideas about the content of religion; assessment of the importance of religion as a whole and its individual elements. Indicators of involvement in the system of religious activity include frequency of attendance at religious services and individual religious activity. Indicators of the assessment of the institutional and functional significance of religion are represented by the following characteristics: membership in religious organisations; trust in social institutions, including the church; assessment of the socialising role of religious ideas.

One of the key components of the study of religiosity is the certainty of the religious position, which is revealed by the assessment of belonging to a particular confession (denomination), the importance of religion, the attitude to its key positions. The results of the study show a moderate level of confessional commitment in the Republic of Belarus: the number of respondents who declared belonging to a particular confession is about two thirds (65.2 %) and very high among the Turkish population (98.8 %). At the same time, confessional affiliation has a traditional character in both countries: Belarusians are predominantly Orthodox (89.0 %) and

Roman Catholic (8.0 %) (in addition, the sample included 2.0 % Protestants, 0.3 % Jews and 0.6 % members of other denominations), while the absolute majority (99.9 %) of the Turkish population is Muslim (in isolated cases, respondents indicated belonging to Christianity and other denominations) (fig. 1).

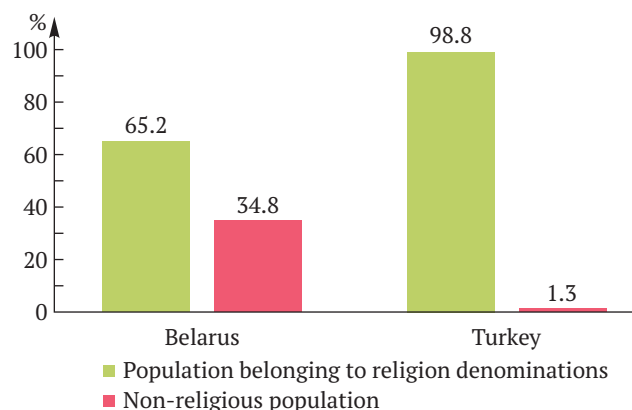

Fig. 1. Belonging of the Belarusian and Turkish population to religious denominations, %

The confessional identification of the respondents is traditionally somewhat different from their assessment of their religious position and has certain peculiarities in Belarus and Turkey. If we compare the values of the indicators of confessional identification of Belarusians with their definite religious type, we can note that the former are traditionally higher, as the number of respondents who identify themselves with a particular confession is twice as high as the number of those who identify themselves with a definite religious type. In Turkey, the number of respondents who confidently identify themselves as a religious type is significantly higher than in Belarus, but lower than the declared level of denominational affiliation. This conclusion is valid if we consider religiosity exclusively as a phenomenon of consciousness changed under the influence of a religious worldview. This approach implies revealing the nature of the impact of religion on consciousness and behaviour, in which the first place is given to religious consciousness as the main indicator of religiosity. In this case, the part of the population that clearly identifies itself with a corresponding type can be considered religious.

On the other hand, if we approach the understanding of religiosity comprehensively and consider it as a symbol formalised system of interaction with the transcendent, the interpretation of the data can be expanded. An expansive interpretation of religiosity implies the inclusion in the number of carriers of religious consciousness not only unambiguously religious respondents, but also those who are on the path of religious choice.

⁴In Turkey, the number of sites of religious communities is 5 times higher than in the West // Haberler.com : site. URL: <https://ru.haberler.com/russian-news-1481117/> (date of access: 01.05.2024) (in Russ.).

With this approach, according to the results of the research, the number of respondents who consider themselves to be religious and at the same time belong to different types of religiosity (unambiguously religious and not very religious) increases to more than 90.0 % (fig. 2). In this case, the indicator of self-attribution to a certain religious type of Belarusians significantly exceeds the indicator of confessional identification, and for the Turkish population it coincides with it. And, in general, it testifies to the relevance of the problem of religious search for the inhabitants of both countries.

The peculiarities belonging to different religious types are also reflected in the respondents' answers to the questions characterising their worldviews on religion, confirming the importance of resolving the issue of spiritual self-determination (table 1). The Turkish population's statements on the main denominational positions on religion are closer to their denominational and worldview identification: more than 90.0 % believe in God, life after death, hell or paradise. For Belarusians, belief in God is such a stable characteristic (80.6 %), and more than half of them are skeptical about other religious ideas. Here the fundamental difference of cultures is manifested: if for the Turkish society reli-

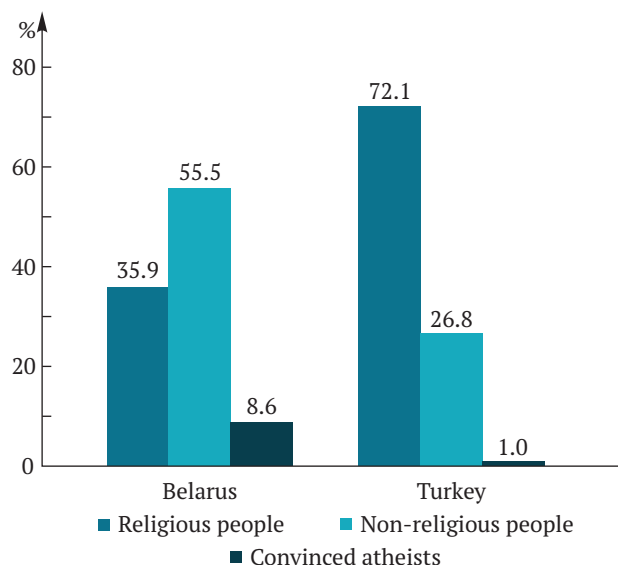

Fig. 2. Distribution of the Belarusian and Turkish population by religious and ideological types, %

gion fulfills the determining and meaning-giving role, for the Belarusian society it acts rather as a source of reproduction of cultural-traditional patterns.

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question «Do you believe in...?», %

Answer option	Respondents from Belarus		Respondents from Turkey	
	No	Yes	No	Yes
God	19.4	80.6	4.7	95.3
Life after death	53.9	46.1	6.1	93.9
Hell	53.4	46.6	8.0	92.0
Heaven	51.2	48.8	7.4	92.6

The same tendencies explain the assessment of the importance of God in one's own life (fig. 3). The assessments of the Belarusian population are more balanced: the majority (44.9 %) speaks of rather high importance, almost one in five speaks of moderate importance, and almost one in three speaks of relatively low importance. The opinion of Turkish respondents tends to be high, which of course correlates with the traditional religious way of life in the country; nevertheless, one in five respondents indicated a moderate or even low importance of God in their lives.

These aspects demonstrate a fundamental difference in the functional status of religion in different types of societies. The dynamics of religiosity of the Belarusian population is manifested not so much in the quantitative indicators of religious and confessional affiliation as in the structure of religious and worldview types. The Turkish population is characterised by extremely stable confessional identification and adherence to religious ideas, but differentiated identification with religious and attitudinal types at the level of self-perception.

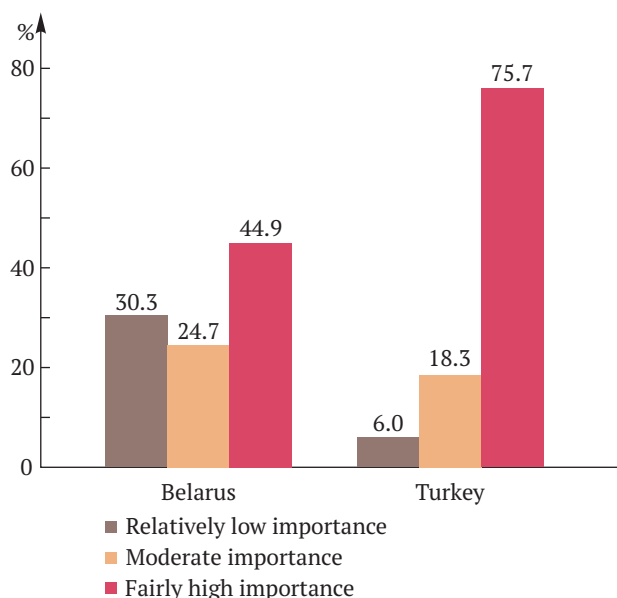

Fig. 3. The degree of importance of God in the lives of Belarusians and Turks, %

One of the main tasks of the study, which also allowed the assessment of religious and ideological positions, was to determine the importance of the main values. In both Turkey and Belarus, the most important of the proposed social values is the family: the total number of respondents who gave it a positive rating in both countries is close to 100 % (table 2). It is also common that the second most important group of values is formed by positions related to everyday activity and social environment. At the same time, it is worth noting that the Belarusians, with their ge-

nerally high positive ratings, put to work in the first place, while the residents of Turkey place a significantly higher value in their circle of friends and leisure activities. The third most important factor is religion, although the Turkish population than by the Belarusians rates the role of religion much higher. The most moderate assessments are made of the value of politics, although the Turks show significantly more interest in it than the Belarusians, among whom the number of negative assessments exceeds the number of positive ones.

Table 2

**Distribution of respondents' answer to the question
«How important is the following in your life?», %**

Answer option	Respondents from Belarus		Respondents from Turkey	
	Somewhat important*	Somewhat not important**	Somewhat important*	Somewhat not important**
Family	98.70	1.30	99.20	0.80
Friends	88.40	11.60	96.70	3.30
Leisure time	82.80	17.20	92.60	7.40
Politics	39.90	60.10	56.70	43.30
Work	90.30	9.70	84.10	15.90
Religion	54.70	45.30	88.60	11.40

Note. Symbol * stands for sum of answers «very important» and «rather important», symbol ** stands for sum of answers «rather not important» and «not at all important».

The second characteristic of religiosity is involved in the system of religious activity, which is revealed by the indicators of individual and collective religious practices. Collective religious practices are mainly associated with participation in the religious services practiced in the religious system. If we group the characteristics of the collective religious activity according to the frequency of participation in religious services, we can distinguish three forms: active participation includes participation in collective religious practices at least once a month; moderate religious participation is characterised by participation in traditional religious holidays; passive participation is associated with extremely rare, not more than once a year, regularity of participation in forms of collective religious activity.

Taking into account the completely different standards of religious behaviour in Christianity and Islam, it is possible to compare the features of religious activity of the Belarusian and Turkish populations only to a limited extent. However, if we talk about collective forms of religious activity (table 3), the residents of both countries choose the holidays and special days as the main opportunity for attending religious services (about one third of the respondents indicated this). Otherwise, Belarusians tend to stick to more passive forms of participation (42.9 % attend religious services

once a year or less or do not attend at all), only every fifth respondent (20.2 %) noted active participation at least once a month. Residents of Turkey, on the other hand, are oriented toward active participation in the collective religious activity (42.1 %), although every fourth respondent indicated passive or no participation (25.6 %).

The second element of evaluation of participation in the system of religious activity is the frequency of performance of individual religious practices. The specificity of individual religious activity is determined mainly by the normative standards of confessions and peculiarities of cultural and historical formation of secular society. Naturally, participation in individual forms of religious activity is higher than in collective practices. Less than a third of Belarusians (31.9 %) do not feel the need to pray, the share of Turks is insignificant (4.5 %). The share of Belarusians for whom communication with the object of religious veneration is important at least once a month (41.5 %) is quite significant; another 26.4 % resort to prayer not very often. Religious communication is particularly important for the residents of Turkey, where the majority (74.5 %) communicates with the object of their faith at least several times a week, and almost one in five (21.0 %) does so relatively infrequently or on special occasions.

Table 3

Distribution of respondents' answers to questions concerning their religious activity, %

Answer option	Respondents from Belarus	Respondents from Turkey
<i>How often do you attend religious services?</i>		
More than once a week	2.6	9.0
Once a week	5.7	27.8
Once a month	11.9	5.3
Only on special holydays/ Christmas/Easter days	37.0	32.3
Once a year	11.2	5.9
Less often	7.8	6.0
Never, practically never	23.9	13.7
<i>Pray to God outside of religious services?*</i>		
Every day	14.8	–
More than once week	9.7	–
Once a week	4.8	–
At least once a month	12.2	–
Several times a year	13.8	–
Less often	12.6	–
Never, practically never	31.9	–
<i>How often do you pray?*</i>		
Several times a day	–	43.1
Once a day	–	13.0
Several times each week	–	18.4
Only when attending religious services	–	6.8
Only on special holydays	–	11.5
Once a year	–	1.4
Less often	–	1.3
Never, practically never	–	4.5

Note. Symbol * stands for the question differed across the different waves of research.

The institutional and functional significance of religion in the social system is determined by the characteristics of involvement in religious organisations, attitude to them in the system of other social institutions, and assessments of the nature of their influence on other components of society. Organisational involvement of the population of both countries in religion is much lower than confessional self-identification and self-attribution to the religious type: answering the question «What public (voluntary) organisations are you a member of?», 7.5 % of respondents in Belarus and only 5.7 % in Turkey indicated their membership in religious organisations. On the one hand, the indicators are not high, on the other hand, they are comparable with the specifics of participation in

other forms of public activity. For example, in Belarus this indicator is second only to membership in trade union organisations (36.6 %), participation in organisations of education, art, music, culture, sports does not exceed 4.0 %, and in specialised organisations (charitable, political, environmental, mutual aid, consumer protection) – 1–2 %. Similarly, the highest rate of membership in sports organisations in Turkey is less than 10.0 %.

The low level of organisational involvement does not imply the absence of institutional significance of religion: the assessment of the level of trust of the population of Belarus and Turkey in various social institutions shows a rather high status of the church in the public consciousness (table 4). In general, the highest

level of trust in both countries is characterised by the institutional structures that ensure the performance of normative-regulatory functions: the armed forces, the police, the judiciary, as well as churches and environmental organisations. The traditionalism connected with the importance of maintaining order is manifested in the indicators of trust of the population of Turkey in the mentioned institutions. In this connection, their estimations are characterised by high values, the exception are the environmental organisations, the level of trust to which among the Turkish citizens is lower than among the Belarusians, although it is also rather high. Another group of trust indicators consists of institutions, with regard to which the Belarusians' assessments are divided approximately in half: a slightly higher level of trust of the population (the total number of positive assessments is more than 50.0 %) in political organisations – government and parliament, and corporate

organisations – trade unions and large enterprises, business; a slightly lower level of trust (the total number of negative assessments is more than 50.0 %) in international organisations – the European Union and the United Nations Organisation. The position of the citizens of Turkey with regard to these categories of institutions is somewhat different: their support for the state authorities is quite high, but their attitude to international organisations is much more cautious: about two-thirds of the respondents tend not to trust them. Some political structures (political parties and state officials), as well as mass media, enjoy the lowest level of trust among Belarusians (the number of negative assessments exceeds the number of positive ones). The position of the Turkish population with regard to the mass media is similar, and it is close to the assessments of trust in state bodies on the question of the activity of civil services.

Table 4

**Distribution of respondents' answers to the question
«How much do you trust each of these social institutions?», %**

Answer option	Respondents from Belarus		Respondents from Turkey	
	I trust it to some extent*	I don't trust it to some extent**	I trust it to some extent *	I don't trust it to some extent**
Churches	61.6	38.4	71.5	28.5
Armed forces	65.9	34.1	86.0	14.0
Press	38.5	61.5	44.0	56.0
Labour unions	52.6	47.4	47.2	52.8
Police	61.5	38.5	84.3	15.7
Parliament	50.1	49.9	60.8	39.2
Civil services	33.1	66.9	62.9	37.1
European Union	43.7	56.3	33.2	66.8
Government	55.3	44.7	69.9	30.1
Political parties	29.2	70.8	51.5	48.5
Major companies	52.2	47.8	50.7	49.3
Environmental protection movement	61.1	38.9	56.0	44.0
Justice system (courts)	61.5	38.5	74.5	25.5
United Nations Organisation	50.1	49.9	33.6	66.4

Note. Symbol * stands for sum of answers «a great deal» and «quite a lot», symbol ** stands for sum of answers «not very much» and «none at all».

The character of adherence to worldview attitudes shows itself in the attitude to the issues of socialisation of the young generation. The key position, in which the perceptions of the necessity of bringing up certain qualities in children differ fundamentally between the residents of Belarus and Turkey, is religiosity: only 9.4 % of Belarusians consider it significant for upbringing, while in Turkey this share is 44.4 % (fig. 4). In general, both Turkish and Belarusian residents consider various social

and moral qualities important, their assessments are often similar, the intensity of choosing separate positions differs. For Belarusians, the first place in children's socialisation is occupied by education of diligence and sense of responsibility. In Turkey, good manners are highly appreciated in the first place. Turks also attach a little more importance than Belarusians to the education of tolerant attitude to other people, thrift, and unselfishness.

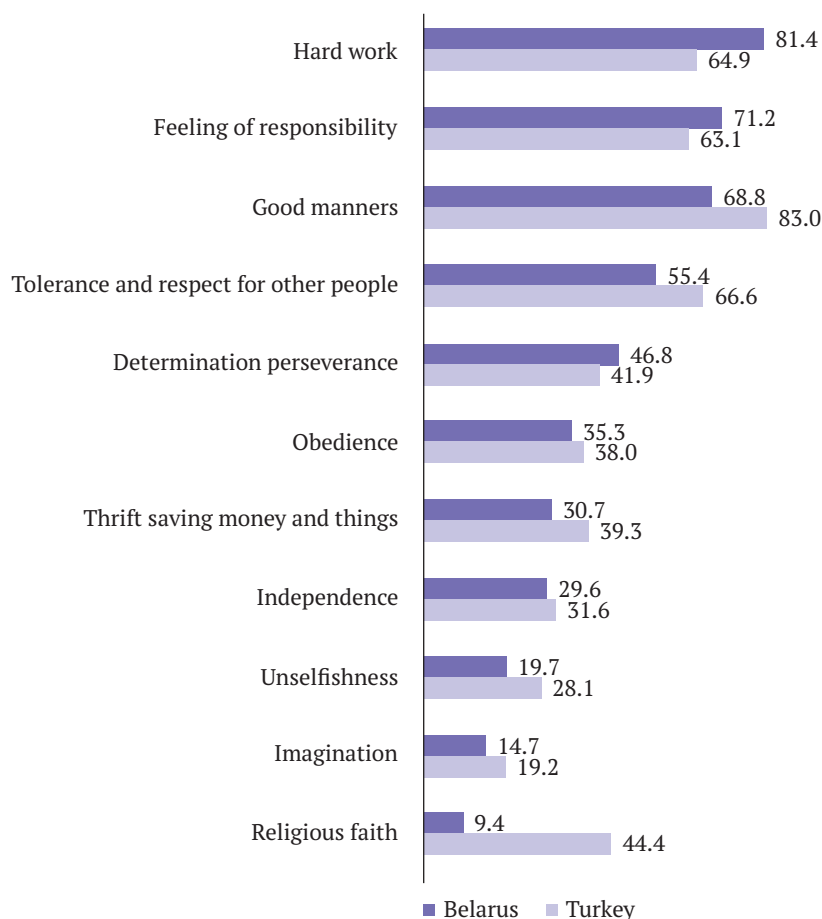

Fig. 4. Distribution of respondent' answers to the question «What qualities in children should be developed?», %

Conclusion

Turkey and Belarus have significant differences related to the formation of religious and confessional environment. With a general declaration of secular status, one society is traditionally religious, the other is quite secularised, although religion has quite a stable influence and importance in the structure of cultural values. The peculiarities of the current socio-cultural situation significantly determine the nature of religiosity, although it is obvious that in both countries it is subject to transformation processes. This transformation is not only about the transformation of the two countries, but also about the transformation of religions.

However, these differences are rooted in and transformed by the religious differences between Christianity and Islam, and come from jurisprudential differences in the practice of religious life. The unique sophistication of Islam in Turkey also distinguishes it from other countries with the same Islamic identity.

Taking into account the secular nature of the society and a rather long period of secularisation experience, in general, religious beliefs of the Belarusian population are relatively stable. Involvement in the system of religious ideas is characterised by the coverage of a noticeable part of the population by religious ideas with the dominance

of not very religious type, moderately high degree of confessional involvement with the dominance of followers of traditional (Orthodoxy and Catholicism) confessions and average assessment of the significance of religion, noticeable adherence to general religious and worldview ideas (about belief in God) and moderate adherence to more complex religious ideas (about postmortem existence).

Religious perceptions in Turkey play a key role in the formation of the world view, with a mono-confessional structure, confessional involvement is almost complete, the assessment of the importance of religion and the coverage of religious ideas is quite high. Nevertheless, there are social contingents that deviate from the general traditional trend, indicating that despite the relatively long history of the presence of Islam, eclectic perceptions permeate the Turkish religious environment.

This is manifested in the peculiarities of religious activity, participation in which, despite the rather strong influence of religion normativity in Turkish society, is relatively differentiated and often associated with the satisfaction of personal needs. For Belarusians, participation in the system of religious practices is mainly connected with following a certain cultural ideal, a socially approved model of behaviour. It is conditioned not so

much by the satisfaction of internal spiritual needs as by external communicative interactions. In general, it can be said that despite the fundamental differences in the forms of religious actions, the general tendency is an orientation to those forms of participation in religious activities that ensure the satisfaction of the need for communication. At the same time, for the Belarusian population the internalisation of norms and standards established in the society is the most important, while for the Turkish population it is also the exteriorisation of these norms and standards in external practices.

The general characteristics of institutional and functional involvement in religion show a rather low degree of religious organisational participation of respondents, while, although abstract, but rather high level of trust in the church as a social institution. Belarusians in general are characterised by a high degree of awareness of the importance of social structures that ensure the maintenance of security and social order. The church is one of such institutions (and among the first). For the Turkish population the influence of normativity – religious, managerial, socio-political – is decisive.

Библиографические ссылки

1. Шкурова ЕВ. *Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества*. Минск: БГУ; 2019. 223 с.
2. Шкурова ЕВ. Религия. В: Булынько ДМ, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2019*. Минск: БГУ; 2019. с. 114–143.
3. Haerpfer C, Inglehart R, Moreno A, Welzel C, Kizilova K, Diez-Medrano J, et al., editors. *World Values Survey: round seven – country-pooled datafile, version 6.0* [Internet]. Madrid: JD Systems Institute; 2022 [cited 2024 May 1]. Co-published with WWSA Secretariat. Available from: <https://doi.org/10.14281/18241.24>.
4. Zeidan D. The Alevis of Anatolia. *Wayback Machine* [Internet]. 1995 [cited 2024 May 1]. Available from: <https://web.archive.org/web/20120423153420/http://www.angelfire.com/az/rescon/ALEVI.html>.

References

1. Shkurova AV. *Transformatsiya religioznosti v sotsiokul'turnom prostranstve postsovetского obshchestva* [Transformation of religiosity in the sociocultural space of post-Soviet society]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 223 p. Russian.
2. Shkurova AV. [Religion]. In: Bulynko DM, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: proekt «Issledovanie evropeiskikh tsennostei», volna-2019* [The value world of modern person: project «Study of European values», wave-2019]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 114–143. Russian.
3. Haerpfer C, Inglehart R, Moreno A, Welzel C, Kizilova K, Diez-Medrano J, et al., editors. *World Values Survey: round seven – country-pooled datafile, version 6.0* [Internet]. Madrid: JD Systems Institute; 2022 [cited 2024 May 1]. Co-published with WWSA Secretariat. Available from: <https://doi.org/10.14281/18241.24>.
4. Zeidan D. The Alevis of Anatolia. *Wayback Machine* [Internet]. 1995 [cited 2024 May 1]. Available from: <https://web.archive.org/web/20120423153420/http://www.angelfire.com/az/rescon/ALEVI.html>.

Received by editorial board 10.05.2024.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность / под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: Весь мир, 2024. 462 с.

Life world of workers: stability *versus* precarity / ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow : Ves' mir, 2024. 462 p. (in Russ.).

В коллективной монографии под редакцией Ж. Т. Тощенко¹ на основе всероссийских социологических исследований 2012–2022 гг. рассматриваются теоретические и прикладные основы понятия «жизненный мир». В работе представлен анализ как позитивных (устойчивость, предсказуемость), так и негативных (отсутствие гарантий, стихийность, прекарность) тенденций развития сферы трудовых отношений. Авторы описывают особенности функционирования современного жизненного мира с точки зрения экономических, социальных и политических условий, общие и специфические характеристики жизненного мира больших социальных групп, например сельских тружеников или работников сферы образования, науки и культуры. Жизненный мир россиян исследуется с использованием гендерного подхода. Анализируемые проблемы сравниваются с ситуацией в других странах.

Уже тот факт, что книга написана под редакцией Ж. Т. Тощенко, свидетельствует о высоком уровне исследования. Среди социологической общественности автор пользуется высоким авторитетом. Актуальность данной книги – прямое тому доказательство. Она стала заключительной, четвертой, работой, подготовленной командой Ж. Т. Тощенко по результатам всероссийских социологических исследований 2012–2022 гг. И новое издание, и все предыдущие работы основаны на принадлежащей социологу гипотезе жизненного мира и посвящены

теоретической и прикладной природе этого понятия в рамках изучения экономически активного населения России.

Еще в монографии «Социология жизни»² Ж. Т. Тощенко определил жизненный мир как «единство объективного и субъективного», воплощающее синтез реального общественного сознания во всем его противоречивом развитии, деятельности, действительного поведения людей, условий, в которых они реализуются»³. Как отечественная, так и мировая социологическая наука очень редко обращается к данной проблематике, поэтому указанная работа, причем столь масштабная, стала фактически первой попыткой представить феномен жизненного мира системно, во всех его измерениях, оттенках и возможных деформациях, открывая тем самым дорогу новому научно-исследовательскому направлению – социологии жизни. Возможно, в этом и заключается главное достижение научной школы Ж. Т. Тощенко. Уместно упомянуть и предыдущие открытия социолога, изложенные им в широко цитируемой трилогии о парадоксальности, кентаврризме и фантомности в постсоветском обществе⁴. Таким образом, актуальность темы жизненного мира является неоспоримой.

Рассматриваемая нами монография состоит из предисловия (Г. А. Тосунян), введения (Ж. Т. Тощенко), двух частей, включающих в себя 16 глав, заключения и трех объемных приложений с результатами исследования. В первой главе под названием «Жизненный мир, эволюция смыслов и его особенности в современной России» рассмотрены структура понятия «жизненный мир», эволюция идей, связанных с изучением данного феномена, объективные и субъективные противоречия трудовых отношений, зигзаги на пути реализации социальных смыслов, доверие и аномия как два полюса политической жизни,

¹Жизненный мир работников: устойчивость *versus* прекарность / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Весь мир, 2024. 462 с.

²Тощенко Ж. Т. Социология жизни : монография. М. : Юнити-дана, 2016. 399 с.

³Там же. С. 96.

⁴Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с. ; Он же. Парадоксальный человек : монография. М. : Юнити-дана, 2008. 543 с. ; Он же. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. М. : Новый хронограф, 2011. 552 с.

повороты в развитии духовно-культурной сферы, проблемное поле и перспективы исследования указанной темы.

В первой части работы анализируется ряд узких тем: динамика труда и трудовые отношения работников производства (Р. И. Анисимов), трансформация занятости в России и за рубежом (А. В. Попов, Т. С. Соловьёва), роль безусловного базового дохода и социальных гарантий в преодолении прекаризации социального положения населения (А. П. Лазенкова, А. В. Кученкова), превращенные лики общественно-политической активности прекариев (М. С. Цапко), мировоззренческие ориентации россиян, устойчивость их жизненных ценностей (И. В. Воробьёва).

Во второй части коллективной монографии представлены следующие главы: «Работники сельского хозяйства: противоречия социального положения» (И. О. Шевченко), «Профессиональное образование в жизненном мире россиян: состояние и перспективы?» (М. Б. Буланова), «Научные работники: пролетариат или прекариат творческого труда?» (Ф. Э. Шереги, В. И. Савинков), «Жизненный мир работников сферы культуры» (Г. В. Тартыгашева), «Работники торговли: специфика жизненного мира» (О. В. Китайцева), «Гендерные проблемы в условиях трансформации жизненного мира» (М. Ю. Милованова), «Жизненный мир студенческой молодежи» (М. С. Короткова), «Эйджизм и прекаризация жизненного мира старшего поколения» (Г. В. Ниорадзе), «Повседневность жизненного мира россиян» (Е. А. Колосова).

В приложении читатель может ознакомиться с результатами социологических исследований на тему жизненного мира россиян.

Данная монография является итогом многолетней работы по исследованию жизненного мира социальных общностей и групп российского общества, которую с 2012 г. вел коллектив социологов Российского государственного гуманитарного университета под руководством Ж. Т. Тощенко. В процессе подготовки масштабного издания специалистам пришлось столкнуться с рядом сложностей. На первом этапе исследования (2012–2014) были изучены состояние, тенденции развития и сдвиги общественного (экономического, политического, нравственного) сознания, что позволило выявить эволюционные процессы в публичной и приватной жизни людей в современной России.

На втором этапе исследования (2014–2016) акцент был сделан на изучении особенностей жизненного мира российского населения. Анализ базировался на теоретической концепции социологии жизни, согласно которой жизненный мир рассматривается как синергетическая характеристика процессов, происходящих в основных сферах общества – экономической, политической, социальной и духовно-

культурной. Такой подход позволил «сформулировать исходные представления о жизненном мире как обобщающей характеристике» социума, а также «осуществить эмпирические измерения общественного сознания и поведения (деятельности) россиян как граждан (уровень макросреды), как жителей (уровень мезосреды), как работников и участников межличностного общения (уровень микросреды)»⁵. В монографии Ж. Т. Тощенко обратился к понятию «ноумен» и ввел его в научный оборот с позиций принципиально нового подхода.

На третьем этапе исследования (2017–2022) коллектив авторов проанализировал жизненный мир россиян во взаимосвязи с его ключевой характеристикой – занятостью населения, а также ее влиянием на политические, социально-экономические и духовно-культурные отношения. В издании предлагается новая социально-классовая структура современного общества и делается вывод о том, что наряду с правящим (политическим и экономическим) и средним классами формируется новый класс – прекариат, характеризующийся неустойчивым социально-экономическим положением. Для проверки гипотезы о появлении нового класса авторским коллективом в 2018–2022 гг. в рамках выполнения гранта Российского научного фонда «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества» были выполнены пять всероссийских исследований. В данной монографии представлено обобщение их результатов, а также анализ жизненного мира экономически активного населения современной России.

В рассматриваемой монографии изучается исторический аспект формирования понятия «жизненный мир». С позиций социологии жизни его структура может иметь следующие интерпретации:

- как единство сознания, поведения (деятельности) субъектов и условий, в которых они функционируют (т. е. общественной среды);
- как деятельность социальных, профессиональных, этнических и конфессиональных общностей и групп;
- как жизнь гражданина (на уровне макросреды), жителя поселенческой структуры (на уровне мезосреды), работника и участника межличностных отношений (на уровне микросреды);
- как общественная (публичная) и повседневная (приватная) жизнь;
- как функционирование жизни в рамках отраслей экономики и культуры.

Жизненный мир в книге рассматривается как комплекс позитивных и проблемных черт с позиции влияния объективного фактора (научно-технологический и информационный прогресс) и субъективного фактора (мотивы, потребности, ценностные ориентации и интересы граждан). Сочетание объективных

⁵Жизненный мир работников... С. 21.

потребностей и личностных устремлений индивида порождает возникновение многочисленных социальных коллизий и обострение общественных отношений. Данные обстоятельства требуют научно обоснованной настройки управления обществом на всех уровнях его организации.

Особое внимание авторы монографии обращают на формирование прекариата – социальных общностей и групп, не имеющих полной и гарантированной занятости. Индикаторами прекаризации выступают негарантированное социально-правовое положение (отсутствие трудового договора или заключение его на короткий срок), специфические формы организации трудового процесса (неполная, эпизодическая или сезонная занятость), произвольная оплата труда или заработная плата в конверте, полное или частичное отсутствие социальных гарантий и т. д. Важно отметить и влияние на формирование жизненного мира населения такого фактора, как социально-психологическое восприятие работником своего социального положения, когда он не видит удовлетворяющих его перспектив публичной и приватной жизни.

К сожалению, сегодня наблюдается тенденция к распространению прекаризации труда и усилению нестабильности профессиональной занятости значительных групп населения. В предисловии к изданию академик Г. А. Тосунян пишет: «С этой проблемой связано и решение такой важной социально-экономической задачи, как распределение трудовых ресурсов в экономике России, которое реализуется далеко неоднозначно. Один из аспектов данного процесса – регулирование трудовой (как внутренней, так и внешней) мобильности... Из общих проблем сферы труда следует сказать и о том, что меняется (как и в других странах) профессиональное лицо общества»⁶. В работе отмечено, что положению экономически активного населения России присущи противоречивые тенденции: с одной стороны, наблюдается потребность в квалифицированных кадрах, а с другой – они не имеют социальных гарантий. То, что научный руководитель и инициатор проекта Ж. Т. Тощенко предложил рассматривать процесс труда в контексте более широкого понятия «жизненный мир», стало новым поворотом в анализе социального положения работников основных сфер экономики и культуры.

В монографии утверждается, что современное поколение является свидетелем знаменательных изменений в сфере труда. Специфика жизненного мира россиян рассмотрена с разных позиций. Так, Р. И. Анисимов охарактеризовал его на примере анализа трудовых отношений в производстве и на транспорте. Состояние этих сфер в целом отражает стагнацию и имеет признаки общества травмы. И. О. Шевченко проводит подробный анализ особенностей жизненного мира сельских тружеников.

Среди проблем в данном вопросе она отмечает дефицит кадров, который напрямую связан с низкой оплатой труда и невысоким качеством жизни в сельской местности. Выпускники сельских школ отказываются от выбора сельскохозяйственных профессий, а молодые специалисты, оканчивающие сельскохозяйственные вузы, ищут работу в городах или трудоустраиваются не по специальности.

В настоящее время торговля – одна из тех сфер, которая сегодня, в условиях кризиса, показывает позитивную динамику развития. Многие должности в сфере торговли не требуют специального образования, что позволяет работодателю выстраивать неформальные отношения с работниками и создает предпосылки для прекарной занятости. Проблемы профессионального образования как эффективного стратегического ресурса общества, средства адаптации и социальной мобильности личности рассматривает М. Б. Буланова. Она отмечает, что в последние десятилетия в России постепенно меняется восприятие профессионального образования. Оно не выполняет роль «социального лифта», не позволяет быть уверенными в завтрашнем дне и не гарантирует достойную оплату труда.

Кадры сферы науки в целом не конкурируют с кадрами промышленности и сферой услуг в профессиональном аспекте (Ф. Э. Шереги, В. И. Савинков). К тому же научная сфера получает средства в основном из государственного бюджета и требует полного финансового авансирования, что не находит поддержки у частного бизнеса. При этом, как утверждают исследователи, научные работники слились с основной массой работников и не являются особым, привилегированным слоем, как было в советский период. Сотрудники научных организаций работают по контракту, как и большинство представителей занятого населения.

Культура, по мнению Г. В. Тартыгашевой, является важнейшим показателем качества жизни страны, способом гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития и гарантом сохранения единого духовного пространства государства. По мнению исследователя, прекарная занятость в сфере культуры распространена как в государственных и муниципальных учреждениях, так и в негосударственном секторе и среди фрилансеров. В то же время, по мнению Г. В. Тартыгашевой, большинству работников культуры свойственна высокая степень удовлетворенности спецификой своего труда.

Особое место в монографии занимает анализ жизненного мира социальных общностей и групп. В частности, М. Ю. Милованова, исследуя гендерные проблемы, отмечает, что в условиях трансформации жизненного мира россиян происходит становление нового социального порядка, а именно нового

⁶Жизненный мир работников... С. 11.

взаимодействия мужчин и женщин на основе принципа равноправия. М. С. Короткова утверждает, что с превращением университетского образования в платную образовательную услугу оно рушится как система, усиливая социальное неравенство и закрывая доступ к образовательным ресурсам молодежи из малообеспеченных семей.

Авторы монографии не уходят от острых дискуссионных вопросов, подчеркивая болезненную реакцию людей на социальное неравенство, которое в их восприятии ассоциируется с несправедливой оплатой труда (А. П. Лазенкова). Надо отметить, что в издании не только констатируются факты, касающиеся жизненного мира экономически активного населения России, но и предлагаются пути выхода из сложившегося положения. В данном контексте важен как исторический опыт своей страны, так и анализ развития человеческого потенциала в мировом разрезе. Примечательно, что феномен

прекаризации характерен для многих стран, при этом он не ограничивается рамками трудовых отношений и проникает в иные области деятельности, формируя явление общей нестабильности социума (А. В. Попова и Т. С. Соловьёва).

В монографии проанализированы общие и особенные черты жизненного мира работников основных отраслей экономики и культуры, дано описание состояния и динамики изменений сферы труда, показано отношение работников к политическим процессам и событиям. Монография, безусловно, вызовет интерес у специалистов. Она будет полезна управленцам любого уровня и социологам, а также аспирантам и студентам, исследующим социальные проблемы занятости и место работников труда в экономических, социальных, политических и культурных отношениях.

*А. Н. Данилов*⁷

⁷Александр Николаевич Данилов – доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, doctor of science (sociology), corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 81'38:001(075.8)

Похомова А. А. Академическое письмо [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / А. А. Похомова, Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 69 с. : ил. Библиогр.: с. 68–69, библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/315421>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 01.07.2024, № 010401072024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение системы знаний в области академического письма и письменной научной коммуникации, а также формирование компетенции по реализации их в профессиональной деятельности социолога.

УДК 316.334:37(075.8)

Курилович Н. В. Социология образования [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0314-01 «Социология» / Н. В. Курилович ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 99 с. : табл. Библиогр.: с. 97–99. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/318161>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 06.09.2024, № 012106092024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 6-05-0314-01 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение теоретико-методологических и прикладных вопросов современной и классической социологии образования.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

<i>Данилов А. Н.</i> Система образования: потенциал и перспективы.....	4
--	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Рубанов А. В.</i> Бюрократизм и дебюрократизация	9
<i>Титаренко Л. Г.</i> О социальной ценности труда и ловушках цифровой повседневности	15
<i>Евелькин Г. М.</i> Психологический компонент социологического исследования.....	22

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Бурак Т. В.</i> Социологические теории повседневности в страновом измерении: предпосылки формирования и основные направления.....	29
<i>Похомова А. А.</i> Доверие и его роль в функционировании инфраструктуры волонтерства	38
<i>Лебедева Е. В.</i> Город как отражение исторической памяти: реконструкция ментального образа Минска	44

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Сурмач М. Ю.</i> Самооценка здоровья как социологическая категория и категория общественного здоровья	52
<i>Павлова Е. Г.</i> Современные риски размывания субъективной идентичности личности в виртуализированном интернет-пространстве	59
<i>Сакович А. Ю.</i> Социологическое изучение белорусской провинции: история и современное состояние	64

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Филинская Л. В., Левицкая И. В., Мисун А. А.</i> Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы.....	71
<i>Шкурова Е. В., Докузлу Э.</i> Особенности религиозности населения Беларуси и Турции	78

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А. Н.</i> Жизненный мир работников: устойчивость <i>versus</i> прекарность.....	87
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	91

CONTENTS

EDITORIAL-IN-CHIEF COLUMN

<i>Danilov A. N.</i> The education system: potential and prospects	4
--	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Rubanau A. V.</i> Bureaucracy and debureaucratisation	9
<i>Titarenko L. G.</i> About the social value of work and the traps of digital transformation	15
<i>Evelkin G. M.</i> The psychological component of sociological research	22

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Burak T. V.</i> Sociological theories of everyday life in the country dimension: prerequisites for the formation and basic approaches	29
<i>Pokhomova A. A.</i> Trust and its role in the functioning of the volunteering infrastructure	38
<i>Lebedeva E. V.</i> The city as the historical memory reflection: the reconstruction of Minsk mental image	44

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Surmach M. Yu.</i> Self-assessment of health as a sociological category and category of public health	52
<i>Pavlova E. G.</i> Modern risks of erosion of subjective identity of a person in the virtualised internet-space	59
<i>Sakovich A. Yu.</i> Sociological study of the Belarusian province: history and current state	64

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Filinskaya L. V., Levitskaya I. V., Misun A. A.</i> Artificial intelligence and education: challenges, risks and prospects	71
<i>Shkurova A. V., Dokuzlu E.</i> Peculiarities of religiosity of the Belarusian and Turkish population	78

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A. N.</i> Life world of workers: stability <i>versus</i> precarity.....	87
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	91

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), China National Knowledge Infrastructure.

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технический редактор *М. М. Баулина*
Корректор *П. А. Нгомека*

Подписано в печать 30.09.2024.
Тираж 97 экз. Заказ 883.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jsociol@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editor *M. M. Baulina*
Proofreader *P. A. Ngomeka*

Signed print 30.09.2024.
Edition 97 copies. Order number 883.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024